ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)

На правах рукописи

Штонда Юлия Александровна

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ЛИЧНОМ ПИСЬМЕ (на материале писем Дитриха Бонхёффера из нацистской тюрьмы)

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Гришаева Людмила Ивановна

Воронеж 2019

Оглавление

Введение……...……..……..…4

Глава 1. Текст как продукт реализации когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий в определенных коммуникативных условиях ……..……..…....…….20

1.1. Теория текста как основа изучения результатов коммуникации….……...….20

1.2. Типология текста и теория текста……..…….....….25

1.2.1. Принципы организации текста на микро- и макроуровне……...30

1.2.2. Макроструктурная организация текста……...….....……32

1.3. Тип текста «личное письмо» ……..……...….34

1.4. Диалогичность и монологичность как свойства текста…….……...41

1.5. Факторы, обусловливающие порождение текста коммуникантами……...…...……44

1.5.1. Фактор «адресант»..……..……..46

1.5.2. Фактор «адресат»……...……..……47

1.5.3. Фактор «некоммуникант» в коммуникации……....…...49

1.6. Понятие «ситуация» и виды ситуаций……...…53

1.6.1. Ситуация неопределенности как дискурсивный фактор……..58

1.6.2. Фактор «пограничная ситуация»……...…….60

1.7. Стратегия как инструмент лингвистического анализа…….....……..62

1.7.1. Взаимодействие когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий при порождении текста……...……75

1.7.2. Аргументативные стратегии и их реализация личном письме……76

1.7.3. Суггестивные стратегии и их роль в личном письме……..……...79

1.7.4. Манипулятивные стратегии в личном письме……..…….80

Выводы……..……...…….……..82

Глава 2. Особенности функциональной, семантической, синтаксической, тематической организации личных писем Дитриха Бонхёффера……..…….....87

2.1. Анализ личных писем Дитриха Бонхёффера из Тегельской тюрьмы……..…….88

2.1.1. Макроструктура личных писем Д. Бонхёффера…….....…….97

2.1.1.1. Обязательные макрокомпоненты……..…...…...100

2.1.1.2. Факультативные макрокомпоненты……..103

2.1.1.2.1. Теологическая проблематика в письмах Д. Бонхёффера……...108
2.1.1.2.2. Философский макрокомпонент в письмах Д. Бонхёффера……..……...115
2.1.1.2.3. Искусствоведческий макрокомпонент…...……..…...……..117
2.1.1.2.4. Поэтическое творчество Д. Бонхёффера……...…...…….119
2.1.1.3. Средства и способы обозначения коммуникантов……....…….126
2.1.1.3.1. Фактор «адресант» в личном письме……....……..……....…127
2.1.1.3.2. Влияние фактора «адресат» на организацию личного письма……..……..129
2.1.1.3.2.1. Значение личных местоимений в содержательной части письма……..…..136
2.1.1.3.2.2. Способы конструирования хронотопа…….....…….138
2.1.1.4. Иноязычные вкрапления……..……...…….....146
2.1.1.5. Термины……...……..……..…….153
2.1.1.6. Библеизмы…...……..……..……..155
2.1.1.7. Прецедентные феномены и их функции в письмах Д. Бонхёффера.……..…...162
2.1.1.8. Функции неопределенно-личного местоимение *man* в письмах
Д. Бонхёффера……...……..…….168
2.1.1.9 Соотношение диалогичности и монологичности в письмах
Д. Бонхёффера ……..……..179
2.2. Реализация номинативных и дискурсивных стратегий в личных письмах
Д. Бонхёффра ……..…..……...…….183
2.2.1. Аргументативные стратегии……..……....…...……....…186
2.2.2. Суггестивные стратегии……....……....……..188
2.2.3. Манипулятивные стратегии……....…….....……190
2.3. Факторы, обусловливающие реализацию стратегий……..193
2.3.1. Влияние фактора «пограничная ситуация» на организацию письма……...…194
2.3.2. Влияние фактора «ситуация неопределенности» на выбор дискурсивных
стратегий……...……....…..……..…...196
2.3.3. Фактор «некоммуникант» и его влияние на организацию текста……..…..197
Выводы……..……..……...…199
Заключение……..……202
Список литературы ……...……..209
Список источников примеров……..……...237
Приложение 1. Дитрих Бонхёффер как автор писем...……..……...…238
Приложение 2. Список примеров…..……..…….242

Введение

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей микро- и макроорганизации текстов писем известного немецкого теолога, члена движения Сопротивления Дитриха Бонхёффера, написанных им в 1943-1944 гг. из тюрьмы в Тегеле. Д. Бонхёффер (1906-1945) мученически погиб в конце II мировой войны. На сегодняшний день его труды изучены историками, теологами, философами. Его личность оказала и оказывает серьёзное влияние на умонастроение современных людей. Достаточно вспомнить в этой связи международные симпозиумы, проводимые Бонхёфферовским обществом в разных странах, многочисленные ссылки на его философское и теологическое наследие, музей в Берлине, школы, библиотеки и церкви, названные его именем. Его концепция «безрелигиозного христианства», сложившаяся в последние годы его жизни в заключении, существенно повлияла на проблематику философских и теологических дискуссий в XX и начале XXI веков (см. материалы с сайта общества Д. Бонхёффера: https://www.dietrich-bonhoeffer.net/bibliografie/).

Однако не меньший интерес представляет его эпистолярное наследие и для лингвистов, поскольку письмо, с одной стороны, обладает чрезвычайно устойчивой структурой, а с другой стороны, оно весьма гибко в содержательном отношении и легко адаптируется к изменениям коммуникативных условий. Поэтому не удивительно, что письмо существует в языковой культуре во многочисленных разновидностях и обладает богатым функциональным потенциалом. Жёсткость структурной организации письма легко компенсируется его содержательной эластичностью, а постоянство требований к его оформлению со стороны коллективного субъекта ни в коей мере не ограничивает свободу личных пристрастий единичного субъекта, порождающего письмо.

Рассматриваемая проблематика представляется актуальной для лингвистики в силу ряда обстоятельств.

Прежде всего необходимо отметить, что письмо как тип текста в языковой культуре существует в многочисленных разновидностях, т.е. чрезвычайно разнообразно в содержательном и формальном отношении, и в силу этого представляет собой интересный материал для исследования под разным углом зрения того, как используют языковые

средства разные категории коммуникантов [Белунова 2002; Нижникова 1991; Ковалёва 2002; Курьянович 2009]. В письмах особым образом проявляется такое свойство текста, как ситуативность, и это не может не влиять на характер коммуникации и выбор адресантом средств реализации интенции. С позиции лингвиста изучаемым письмам свойственны также такие сущностные признаки текста, как когезия, когерентность, интертекстуальность и др. В личном письме синхронно представлены различные стили и элементы, имманентные разным типам текста, поэтому лингвистам важном и интересно проанализировать, как столь разнородные характеристики проявляются в тексте, не нарушая его единства.

Для того, чтобы изучить, как функционирует определённый тип текста, необходимо ознакомиться с серьёзным пластом литературы, который связан с такими проблемами, как теория текста и дискурса, типология текста, которые находились в фокусе исследования начиная с 70-х годов XX в., и остаются значимыми до сих пор.

Теории текста и дискурса посвящены фундаментальные исследования [Дейк 2000; Гальперин 1981; Москальская 1981; Bußmann 2002; Heinemann 1991; Heinemann 2002; Helbig 1990; Lewandowski 1994; Metzler 1993; Schmidt 1973; Viehweger 1980]. Проблемы теории текста на разных этапах её развития обобщены в многочисленных работах [Бабенко 2009; Бокова 2013; Быкова 2007; Гвенцадзе 1986; Гришаева 2013; Довгань 2013; Кашкин 2010; Riesel 1975; Шендельс 1985 и др.]. Н. Р. Вольф, размышляя о перспективах лингвистики текста, отмечает, что языкознание всегда связано с изучением текста, поскольку значения слов всегда помещены в определённый контекст и реализуют своё значение именно в данном контексте. Исходя из этого формируются типы текста, которые затем могут делиться на подтипы [Wolf 2009]. Проблемы типологии текста, общие и частные, касающиеся сущности текста, средств реализации текстовых категорий, исчисление условий порождения текста, соотношение текста и дискурса и др. изучали учёные с разных точек зрения [Арутюнова 1990; Анисимова 2003; Карасик 2002; Кашкин 2010; Кубрякова 2004; Левицкий 1998; Цурикова 2002; Beaugrande 1981; Dimter 1981; Fix 2008; 2011; Heinemann 2002; Hess-Lüttich 2008; Link 2005 и др.]. На сегодняшний день детально описаны признаки текста, выявлены общие закономерности, лежащие в основе текста, описаны средства и способы реализации текстовых категорий.

Грамматике текста посвящены труды О. И. Москальской, М. Я. Блоха, Б. А. Абрамова, Х. Вайнриха и других авторов [Абрамов 2003; 2004; Блох 2004; Москальская 1981; Bücker 2012;Weinrich 1993], разделы в теоретических грамматиках [Абрамов 2004; Duden 2009; Moskalskaja 2004; Schendels 1982]. Детально изучена под разными углами зрения стилистика текста [Арнольд 1999; Брандес 1983; Провоторов 2001; Солганик 2013; Möller 1980]. Для современных исследований характерна более детальная разработка отдельных типов текста, а также изучение особенностей функционирования текстов с учётом новых возможностей, открытых с развитием сети компьютерно-опосредованной коммуникации [Гришаева 2014; Щипицина 2009a, 2009b; 2013].

Письмо как тип текста обладает уникальными характеристиками. Это и литературный жанр, который с давних пор существует в европейской культуре в виде романов в письмах, это и форма выражения мысли, которая может быть связана с современным понятием «поток сознания». Осознавая близко родственные связи письма с дневниками и воспоминаниями, необходимо, тем не менее, сознательно вынести этот аспект рассмотрения дневниковых записей за рамки исследования в данном контексте.

Сегодня письмо встречается и в компьютерно-опосредованной коммуникации (см., например, в [Щипицина 2009b: 78]), т.е. переписка как вид общения, а письмо как тип текста востребованы и в принципиально новой коммуникативной среде. Другими словами, на сегодняшний день личное письмо меняет свою форму и содержание из-за развития технических средств, т.е. изменения канала и средств коммуникации. В переписке посредством компьютера преобладает тенденция к сокращению, максимально краткой передаче мыслей, а также наличие графических знаков (смайлов, картинок и т. д.), и грающих особую роль в организации текста.

Перечисленные особенности объясняют, почему личное письмо избирается в качестве объекта лингвистического описания.

Наиболее часто объектом и/или предметом исследования в филологии были письма известных писателей. При этом следует подчеркнуть, что личное письмо нередко становилось предметом глубоких лингвистических размышлений [Ковалева 2001; Кабанова 2004]. Большое внимание при изучении личного письма уделяется его функциональной и структурной организации [Данкер 1992], рассмотрению разных типов и подтипов

писем [Ковалёва 2002; Кабанова 2004; Нижникова 1991; Normann 1987; Fix 2013]. Так, письмо читателя изучали У. Фикс, С. Ю. Архипов [Архипов 2015a, 2015b; Fix 2013], П. К. Кулагина рассмотрела лингвистические особенности частного письма в немецкой культуре XIV-XV вв. [Кулагина 2015], детально изучена структурная и содержательная специфика писем в английской языковой культуре [Бусоргина 2006; Силаева 2007 и др.].

А. В. Косивцова детально представила образ адресанта в частно-деловых письмах [Косивцова 2001]. В. В. Корнева и Н. А. Фененко отметили особенности формальной и содержательной организации письма, которые чрезвычайно чувствительны к культурным особенностям. Авторы при этом акцентируют, что для делового письма характерно жёсткое следование конвенциям, принятым в соответствующей языковой культуре [Фененко 1996; Korneva 2017].

Некоторые исследователи изучают письмо как проявление эпистолярного дискурса на примере личных писем литературных классиков [Курьянович 2009, Акимова 2017]. Предметом рассмотрения Т. Р. Канеевой стал тип текста «рекомендательное письмо» [Канеева 2011], который в цитируемой работе характеризуется как «речевой жанр».

Ряд исследований направлен на выявление идиостилистических особенностей авторов в письмах. Так, исследование Ж. В. Дзебисовой посвящено эпистолярию Л. Стерна [Дзебисова 2013], докторская диссертация А. В. Курьянович связана с изучением жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса среди носителей элитарного типа речевой культуры [Курьянович 2013].

Проанализированные работы по проблеме позволяют понять, какие вопросы можно признать более или менее решенными, а какие — изученными мало. Так, на сегодняшний день выявлены особенности писем с точки зрения функциональной стилистики [Федюрко 2002; Карабань 2009]. Найдены основания для различия официально-делового и личного письма [Нижникова 1991: 115]. Изучены основные свойства письма, его функции, среди которых первой и доминирующей можно назвать коммуникативную [Нижникова 1991: 37]. В специальной литературе выявлено, насколько важен фактор адресанта и в зависимости от этого изучается влияние личностных характеристик коммуникантов (социального статуса, вида занятий, профессиональных параметров на выбор средств реализации интенции) [Белунова 2000; Ковалёва 2002; Косивцова 2001; Курья-

нович 2013]. Понятно, что письмо порождается под влиянием многочисленных факторов, которые обусловливают выбор языковых средств. Изучение специальной литературы показывает, вместе с тем, что существуют проблемы, которые по-прежнему требуют внимательного исследования, а именно: необходимо конкретизировать, какие факторы, как, когда и почему оказывают влияние на формальной и содержательной структуры письма. Это можно интерпретировать как научную лакуну.

Кроме того, среди учёных до сих пор нет единого мнения, является ли письмо дискурсом, жанром или типом текста (см. подробнее об этой дискуссии в [Акимова 2017; Канеева 2011; Курьянович 2013]). Названное обстоятельство видится также важным в лингвистическом исследовании, поскольку разнообразие подходов к описанию письма, существенные различия в определении предмета исследования на материале писем обусловлены гетерогенностью письма, его содержательной и формальной вариативностью, его зависимостью от множества гетерогенных факторов. Можно назвать ещё ряд нерешённых задач.

Во-первых, по-прежнему остается неясным ответ на вопрос о выборе средств и способов реализации коммуникативных (дискурсивных) стратегий в зависимости от фактора адресата в письме, равно как и объяснение широкого разнообразия функциональной, содержательной и формально-структурной организации письма на микро- и макротекством уровне.

Во-вторых, на примере текста письма возможно выявить, как при порождении анализируемого типа текста проявляется диалектика личностной и коллективной идентичности в использовании языковых средств при решении носителями языка определённой коммуникативной и когнитивной задачи.

В-третьих, в текстовом пространстве письма встречаются две значимые для любой языковой культуры традиции: устная и письменная. С одной стороны, для писем характерно строгое следование конвенциям, принятым в языковой культуре, [Фененко 1996; Korneva 2017]. С другой стороны, письмо обнаруживает высокую степень вариативности формы и содержания, гибкость и устойчивость формы, а также очевидно, культурную специфичность и высокую степень адаптивности к изменяющимся коммуникативным условиям.

В-четвёртых, изучаемый тип текста можно охарактеризовать как имеющий в своей основе диалогическую речь. Следствием осознания названного свойства письма является то, что исследователи анализируют влияние данного параметра на структурную организацию текста [Белунова 2000; Ковалёва 2002; Курьянович 2013; Нижникова 1991 и др.]. Однако ряд других характеристик трудно объяснить названным фактором, поскольку в письме причудливо сочетаются монологичность и диалогичность с присущими им особенностями организации текстовой ткани.

В-пятых, письмо оказывается чрезвычайно «удобной» оболочкой для создания фиктивной реальности. Поэтому история культуры знает значительное число примеров романов в письмах, а также исследований писем с литературоведческих позиций [Дзебисова 2013; Симонова 2015]. Письмо как способ взаимодействия оказывается настолько гибким в содержательном и формальном отношении, что языковая культура имеет и такие разновидности письма, как письмо-петиция, письмо в защиту кого/чего-либо, письмо-обращение, коллективное письмо, научное письмо, открытое письмо, деловое письмо в их многочисленных разновидностях: заказ, приглашение, претензия, отказ и др.

Поэтому очевидно, что, несмотря на довольно длительную и разнообразную историю изучения письма, всё многообразие форм реализации этого типа текста в языковых культурах ещё не рассмотрено лингвистами, не решены многие исследовательские задачи.

Для немецкой культуры свойственно особое внимание к типологии и функциональной принадлежности писем. Личные письма рассматриваются с точки зрения типологизации в зависимости от цели, задач письма. Благодаря этому стало возможным выявлять особенности стилистического оформления, индивидуальную вариативность письма, особенности написания писем в XIX в., особенности переписки выдающихся деятелей с их поклонниками, дружеских, родственных, любовных писем [Белунова 2000; Ковалёва 2002 и др.], описать конвенции, принятые в немцкой языковой культуре. В то же время в современном мире личное письмо меняет свою структуру, сокращается его объем, меняются поводы — стимулы для написания, т. е., по сути, трансформируются конвенции.

На сегодняшний день есть основания утверждать, что задачи типологизации писем в общем и целом решены. Но на этом фоне не было изучено, как влияют коммуникатив-

но-прагматические факторы на макроорганизацию письма. В основном внимание уделялось отдельно стилистическим, лексическим, синтаксическим средствам в письме [Данкер 1992; Федюрко 2002; Карабань 2009]. Между тем необходимо изучить, как такие коммуникативно-прагматические факторы, как пограничная ситуация, ситуация неопределённости, «некоммуникант», влияют на коммуникативно-прагматическую структуру письма, как эти факторы структурируют информационный поток, как сказываются на выборе средств реализации интенции, так как до сих пор названные исследовательские задачи не осознавались как таковые.

Пограничную ситуацию (нем. Grenzsituazion) специалисты характеризуют как непривычную ситуацию, для преодоления которой могут быть предприняты необычные средства и способы. Под ситуацией неопределённости понимается «неизведанность поля возможностей для сознательного доопределения его критериев и конструктивного построения (прогнозов) исходов» [Корнилова 2013: 98]. Некоммуникант понимается в качестве третьего лица, не участвующего в процессе коммуникации, но своим присутствием определяющего её ход.

Тип текста «личное письмо» весьма благоприятен для лингвистического изучения, тем более что автор анализируемых писем, Дитрих Бонхёффер, является выдающейся личностью, известным теологом, участником движения Сопротивления, высоко образованным человеком, и это не могло не отразиться на форме и содержании его писем. Он чувствует себя, с одной стороны, человеком мира, с другой — он крайне привязан к Германии и идентифицирует себя в качестве носителя традиционной немецкой культуры (см. подробнее биографию Д. Бонхёффера в приложении № 1). Его научное и творческое наследие настолько богато, что оно до сих пор до конца не осмыслено. Следует обратить внимание, что наследие Д. Бонхёффера очень разнородно и включает в себя разнообразные типы текста: научные, художественные, письма, проповеди — уникальный материал для исследования, тем более что труды Д. Бонхёффера в отечественных гуманитарных исследованиях изучены мало в отличие от исследований немецкими, британскими, американскими теологами, историками, политиками, которые давно и глубоко осмысляют взгляды Д. Бонхёффера.

При этом множество исследований посвящено философскому, богословскому наследию Д. Бонхёффера, анализу его деятельности как участника Движения немецкого сопротивления. Следует особенно отметить «Биографию», написанную другом и соратником Бонхёффера Эберхардом Бетге, а также монографию Эрнста Файля «Богословие Дитриха Бонхёффера (ориг. «Die Theologie Dietrich Bonhoeffers: Hermeneutik. Christologie. Weltverständnis»).

Труды Бонхёффера обсуждались учёными в контексте особенностей национальной политической и церковной ситуации в разных странах (см. сборник «Dietrich Bonhoeffers Theologie heute. Ein Weg zwischen Fundamentalismus und Sekularismus», а также [Suzuki 2011; Liguš 2016; Ryman 2013; Tödt 2015]. Изучению его трудов посвящены диссертации в разных аспектах: философском [Gerte 2014; Hardesty 2013; Haggard 2015; Martin 2007; Thomas 2011], теологическом [Johnson 1992; Groves 1974; Theisen 1973], культурологическом [Wagner 2006] (см. также список диссертаций, свидетельствующих о многоаспектном анализе трудов Дитриха Бонхёффера, на сайте https://www.dietrich-bonhoeffer.net/dissertationen/). Однако в этих списках публикаций мы не обнаружили лингвистических исследований трудов Д. Бонхёффера. Поэтому можно считать данную работу первым лингвистическим анализом личных писем Д. Бонхёффера.

Все этапы предлагаемого лингвистического исследования подчинены текстограмматическому анализу функционального потенциала личных писем, поэтому в фокусе исследования находится текст как результат речемыслительной деятельности, как способ фиксации определённой информации. В связи с тем, что анализируемые письма изучаются с учетом конвенций порождения личного письма, принятых в немецкой языковой культуре, можно определить **цель** — выявить соотношение конвенционального и идиостилистического в личных письмах Дитриха Бонхёффера через изучение средств и способов реализации разных дискурсивных стратегий в его личных письмах, порождённых в особых коммуникативных условиях.

Поставленная цель обусловливает следующие **задачи исследования:**

- описать семантическую и синтаксическую макроструктуру типа текста «личное письмо» через изучение соотношения обязательных и факультативных макрокомпонентов,

выявление инварианта и принципов его варьирования в разных коммуникативных условиях;

- рассмотреть соотношение конвенционального и идиостилистического в макроорганизации личного письма конкретного носителя языка и культуры;
- исчислить стратегии, реализуемые в письмах, и выявить средства и способы их реализации при порождении писем разным адресатам;
- определить чувствительность специфических текстологических признаков личного письма к влиянию факторов «пограничная ситуация», «ситуация неопределённости»;
- описать степень влияния фактора «некоммуникант» на тематическую и синтаксическую макроструктуру писем Дитриха Бонхёффера;
- обосновать влияние факторов «пограничная ситуация», «ситуация неопределенности», как значимых для реализации дискурсивных стратегий;
- определить причины стилистической, тематической, функциональной, текстосемантической и текстосинтаксической гетерогенности личных писем Дитриха Бонхёффера;
- проанализировать функциональный потенциал библеизмов и теологических терминов, прецедентных феноменов в личных письмах Дитриха Бонхёффера и вклад перечисленного в реализацию интенции;
- охарактеризовать идиостилистические особенности личного письма Дитриха Бонхёфера.

Объект данного исследования — тип текста «личное письмо».

Предметом являются языковые средства реализации дискурсивных стратегий в личном письме, порождаемом в специфических коммуникативных условиях.

Материалом исследования послужили личные письма известного немецкого теолога Д. Бонхёффера из Тегельской тюрьмы (в период 1943-1945 гг.) из книги «Widerstand und Ergebung» / «Сопротивление и покорность». В данный период переписка Д. Бонхёффера с его родными и друзьями происходила в ситуации тюремного заключения в присутствии «некоммуниканта», и автор писем знал, что его послания тщательно проверяются цензурой. Это позволяет дедуктивно исчилить коммуникативные факторы, обусловливающие особенности порождения личных писем, и описать влияние факторов

«пограничная ситуация», «ситуация неопределённости», «некоммуникант» как обусловливающих выбор средств и способов порождения писем.

Письма Д. Бонхёффера чрезвычайно разнообразны в содержательном и формальном отношении. Проанализированы 126 писем Д. Бонхёффера различным адресатам: 47 писем другу, 34 – родителям, 26 – возлюбленной, 8 писем следователю и 6 писем адресованы другу и его супруге, 5 писем – родственникам. Тот факт, что эмпирический материал складывается из писем разным адресатам, в первую очередь из личных – дружеских, семейных и любовных, а также официальных, бесспорно, даёт возможность изучения диалектики индивидуального и конвенционального в личном письме.

В 2012 г. на русском языке вышел обширный труд Эрика Метаксаса о Дитрихе Бонхёффере в переводе Л. Б Сумм «Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против третьего Рейха. Пастор, мученик, пророк, заговорщик» [Метаксас 2012]. В данном издании также приводятся примеры из писем Д. Бонхёффера своему другу и родным и анализируется его трудный моральный выбор, согласно которому он, будучи евангелическим пастором, принял решение об участии в политических событиях, а именно в заговоре против Гитлера. Однако в этом издании нет лингвистического анализа.

Поэтому для решения поставленных исследовательских задач изучаемый материал представляется, очевидно, наиболее адекватным, потому что факторы, влияющие на выбор средств решения коммуникативной и когнитивной задачи (условия порождения писем, личностные особенности адресанта, разнообразие адресатов) изначально определены как таковые. И эти действия исследователя не сказываются отрицательно на анализ и интерпретацию, потому что представления исследователя не влияют на осмысление ситуации порождения личных писем как пограничной и ситуации неопределённости. В иных условиях исследователь не в состоянии корректно и однозначно вычленить влияние одного коммуникативно-прагматического фактора из их гетерогенной совокупности и проследить влияние этих факторов на процесс и результат речемыслительной деятельности конкретного субъекта познания и коммуникации.

Цель и поставленные задачи требуют пристального внимания к выбору **методов** при изучении материалов. В фокусе данного исследования находится прежде всего цельный текст. Поскольку текст является результатом речемыслительной деятельности, то и

методы исследования подчинены текстограмматическому (макросемантическому и макросинтаксическому) анализу, что не исключает обращения к традиционным для лингвистики разным видам анализа — дефиниционному, лексическо-семантическому, словообразовательному, морфологическому, синтаксическому, функциональному, сопоставительному, количественному.

Специфика изучаемых писем Д. Бонхёффера проявляется в том, что один человек с определёнными качествами находится в одном месте долгое время. Адресаты его писем разные, поэтому в ходе лингвистического анализа возможно решать поставленные задачи и прослеживать влияние внешних и внутренних по отношению к тексту факторов на выбор языковых средств и способов решения коммуникативной задачи. Для изучаемых писем характерны два типа ситуации, в которых порождаются изучаемые тексты (ситуация неопределённости и пограничная ситуация), степень проявления которых варьируется, поэтому есть надежда верифицировать нашу гипотезу на изучаемом материале.

Гипотезу исследования можно сформулировать следующим образом. Личное письмо является типом текста, который обладает набором определённых структурных характеристик, с одной стороны, и высокой степенью вариативности этой структуры в разных коммуникативных условиях, с другой. Это обусловлено реализацией разнообразных коммуникативных стратегий, типом ситуации, личностными особенностями адресанта и адресата, типом решаемой задачи. Это позволит выявить диалектику личностной и коллективной идентичности в речемыслительной деятельности и соотношение идиостилистической и конвенциональной организации текста.

Теоретическая значимость данной работы заключается в дополнении и уточнении положений теории текста, в частности обобщений относительно семантической и синтаксической макроструктуры текста, о соотношении обязательных и факультативных макрокомпонентов в тексте, о вкладе различных языковых средств и способов в установление межтекстовых и гипертекстовых связей в комплексе текстов, порождаемых в разных дискурсивных условиях одним и тем же адресантом. Важным представляется также пополнение типологии текста за счёт уточнения имеющихся лингвистических представлений о типе текста «личное письмо». Определена степень воздействия определённых

коммуникативных факторов, внешних по отношению к тексту, на организацию текста. В качестве лингвистически значимых обоснованы факторы «пограничная ситуация», «ситуация неопределённости», «степень доверительности отношений между коммуникантами», «некоммуникант».

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в учебном курсе «Теория текста» при изучении влияния прагматических факторов на структуру текста, принципов речевого воздействия, средств реализации дискурсивных стратегий, спецкурсах по типологии текста, лингвокультурологии, страноведения Германии, спецкурсе по религиозному дискурсу, спецсеминарах по написанию писем, а также в практике преподавания немецкого языка.

Научную новизну исследования можно усмотреть в том, что

- впервые с лингвистических позиций описаны личные письма Д. Бонхёффера;
- ряд факторов, ранее не попадавших в поле зрения лингвистов, а именно, «пограничная ситуация», «ситуация неопределённости», «некоммуникант» обоснованы как факторы, обусловливающие варьирование семантической и синтаксической макроструктуры типа текста «письмо»;
- выбор адресантом языковых средств и способов описан как реализация дискурсивных стратегий:
- выявлены инварианты личного письма другу / родителям / следователю и определены принципы варьирования этих инвариантов;
- описана чувствительность макроструктурной организации личного письма к факторам «пограничная ситуация», «ситуация неопределенности», «доверие», «некоммуникант»;
- вскрыты причины варьирования в текстовой макроструктуре обязательных и факультативных макрокомпонентов в типе текста «личное письмо»;
- определена тематическая структура обязательного макрокомпонента текста личного письма «содержание послания» и исчислены условия, в которых проявляются факторы, обусловливающие варьирование микро- и макроструктуры текста и выбор средств реализации конкретной дискурсивной стратегии;
- описаны идиостилистические особенности личного письма Дитриха Бонхёффера на фоне изучения конвенциональных способов организации личного письма;

- выявлен вклад прецедентных феноменов в конденсирование содержания текста и тем самым в уплотнение информации текста, порождаемого в определенных условиях.

Основные результаты исследования можно сформулировать как положения на защиту.

1. Личное письмо – тип текста, который характеризуется противоречиво: с одной стороны, его структура в языковой культуре достаточно жестка и постоянна на формальном макроуровне на протяжении длительного времени. С другой стороны, способы реализации стратегий в личном письме чрезвычайно вариативны и зависят от разнообразных, разнородных и разнонаправленных факторов, внешних и внутренних по отношению к тексту. На способы содержательной и формальной организации личного письма оказывают особое влияние в первую очередь фактор «адресат», а также такие факторы, как «ситуация неопределенности», «пограничная ситуация», «некоммуникант», степень доверия между коммуникантами.

2. Личное письмо Д. Бонхёффера, чрезвычайно гетерогенное в содержательном и формальном отношении, обладает на макроуровне двумя группами макрокомпонентов: обязательными и факультативными. Обязательными макрокомпонентами являются: (место), дата, обращение, сообщение, прощание, подпись, и их реализация в большинстве случаев следует конвенциям организации письма, принятым в немецкой языковой культуре. Факультативные макрокомпоненты делятся на интегрированные и не интегрированные в текст письма. Факультативные макрокомпоненты, интегрированные в текст письма, проявляют себя в макрокомпоненте «сообщение». К ним относятся: лирический, искусствоведческий, научный, теологический, бытовой. Факультативные макрокомпоненты, не интегрированные в текст письма, представляют собой приложения к письмам в виде прозаических или поэтических произведений, проповедей, сообщений, приветствий, заметок, завещаний, наброска к теологической работе, медитаций. Реализация факультативных макрокомпонентов зависит главным образом от факторов «адресат», «ситуация неопределенности» «пограничная ситуация» и «некоммуникант».

3. Реализация факультативных макрокомпонентов устойчиво коррелирует с коммуникативно-прагматическими факторами: дружеские письма более гетерогенны в содержательном и формальном отношении, чем семейные и любовные письма. Письма следо-

вателю отличаются наибольшим следованием конвенциональной структуре письма в немецкой языковой культуре. Во всех случаях чем больше степень неопределённости ситуации, тем более гетерогенной является структура письма.

4. При порождении личных писем Д. Бонхёффер как адресант реализует три типа дискурсивных стратегий: аргументативные, суггестивные и манипулятивные. Их выбор зависит от факторов «адресат», «некоммуникант» и «степень сознания неопределённости». Реализация стратегий коррелирует с характером адресата и особенностями взаимоотношения между коммуникантами. Суггестивные стратегии реализуются преимущественно в письмах родителям и возлюбленной, аргументативные – в письмах другу, манипулятивные — в письмах следователю. Суггестивные стратегии утешения реализуются при помощи неопределённо-личных предложений, апелляции к прецедентным феноменам (преимущественно цитатам из Библии) и активизации интертекстуальных связей (главным образом немецких духовных стихов). Средством реализации магипулятивных стратегий является сложная синтаксическая структура в письмах следователю, характеризующаяся большим количеством сложноподчинённых предложений с разными типами логической связи между их частями, а также наличие тематических блоков в письмах родителям, предназначенных специально для цензора.

5. Идиостилистическими особенностями, свойственными письмам Д. Бонхёффера, являются стилистическая гетерогенность, интенсивное использование научной терминологии (в особенности теологической, философской, искусствоведческой), активное обращение к универсальным и культурно-специфическим прецедентным феноменам, конденсирование информационного потока. В письмах Д. Бонхёффера гармонично сочетаются характеристики научного, философского, теологического, литературно-критического, искусствоведческого, бытового, фиктивного текстов, которые проявляются на макроуровне, но сохраняют свойственные названным типам текста собственные признаки в пределах конкретного текстового макрокомпонента. Идиостилистические особенности личных писем обусловлены факторами «адресант», «адресат», «некоммуникант», «пограничная ситуация», «ситуация неопределенности». Максимальное соблюдение конвенций, принятых в немецкой языковой культуре, наблюдается при коммуни-

кации с родителями. Максимальное отклонение от конвенций характерно для теологических писем другу.

6. Личные письма Д. Бонёффера обнаруживают многочисленные тесные межтекстовые связи, прослеживаемые по тематическим основаниям, выявляемым по дублированию обсуждаемой проблематики, по способам обозначения референтов, повторением одних и тех же цитат в разных текстах по одному и тому же поводу. Высокая плотность межтекстовых связей в личной переписке обусловлена факторами «некоммуникант», «пограничная ситуация».

Теоретический фундамент формулировался в опоре на следующие положения: теория текста, типология текста, исследования по теории языка [Якобсон 1985; Арутюнова 1981; Кашкин 2010], теории молчания [Арутюнова 1994; Huckin 2002, Ephratt 2008], исследования, в которых рассматривается фактор «некоммуникант» [Бабаян 2009], фактор «неискренность говорящего» [Austin 1962].

Структуру работы составляют введение, две главы, заключение и два приложения, а также 21 таблицу и 6 рисунков. Приложение 1 содержит краткие сведения об адресанте писем Д. Бонхёффере, приложение 2 – список примеров из писем Д. Бонхёффера.

Во введении обосновывается выбор темы и её актуальность, выявляются научные лакуны, определяются цель и задачи, обозначаются методы исследования, характеризующие его объект и предмет, формулируются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, обозначается теоретическая и практическая база, формулируются положения, выносимые на защиту. В первой главе «Текст как продукт реализации когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий в определенных коммуникативных условиях» рассматривается сущность текста, анализируются разные версии типологии текстов, изучается специфика личного письма и определяются особенности ситуации, в которой порождается текст, в частности ситуации неопределённости и пограничной ситуации, а также типы дискурсивных стратегий, в процессе реализации которых порождается текст. Вторая глава «Особенности функциональной, семантической, синтаксической, тематической организации личных писем Дитриха Бонхёффера» посвящена анализу личных писем Дитриха Бонхёффера разным адресатам

в период 1943-1944 г. Изучается макроструктура писем, выявляются обязательные и факультативные макрокомпоненты и определяется влияние таких факторов, как «адресант», «адресат», «некоммуникант», «пограничная ситуация», «ситуация неопределённости» на семантическую и синтаксическую макроструктуру текста, выявляются типы дискурсивных стратегий, характерные для писем Д. Бонхёффера, исчисляются средства и способы реализации названных стратегий. Каждая глава завершается выводами. В заключении подводятся итоги приведённого исследования.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены на научных конференциях разного ранга: Международной молодежной научно-практической конференции «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире» (Нижний Новгород, НГЛУ, 2016 г.), Осенней школе-конференции «Русская и немецкая литература – взаимодействие культур» (г. Воронеж, ВГПУ, 2017), Международном молодежном научном форуме «Ломоносов» (Москва, МГУ, 2017 г., 2018 г.), семинаре АКЛИ «Примо Маццолари и Дитрих Бонхёффер как пример сопротивления нацистскому режиму» (Италия, Арозио, 2017), IV Международном научно-практическом семинаре «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (Воронеж, ВГУ, 2017), XX межвузовской научной конференции «Бог. Человек. Мир» (Санкт-Петербург, РХГА, 2017 г.), Международной студенческой научно-богословской конференции (Санкт-Петербург, СПбДА, 2018 г.), научных сессиях ВГУ (г. Воронеж, ВГУ, 2018, 2019), XVI съезде Российского союза германистов «Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания» Москва, 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода», Воронеж, 2018 г., Всероссийской научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов с международным участием XXV «Сретенские чтения» (г. Москва, 2019).

Глава 1. Текст как продукт реализации когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий в определенных коммуникативных условиях

Данная глава посвящена изучению проблематики, осмысление которой поможет сформулировать теоретический фундамент исследования, а также определить последовательность аналитических шагов и определить значимые кореляции в результате обобщения сделанных наблюдений над эмпирическим материалом. Следует подчеркнуть, что анализируемая в главе проблематика разнородна, что обусловлено поставленной целью исследования и определёнными задачами, решить которые можно только в опоре на постулаты изучаемых обще- и частнолингвистических теорий. Каждый лингвист или филолог имеет дело с текстами. Понятие «текст» (лат. «textus») в переводе означает «ткань, сплетение, соединение» [Николаева 1990: 507]. По аналогии с тканью живых организмов, которые состоят из клеток, выполняющих определенные функции, текст как явление тоже можно сравнить с тканью, элементы которой обладают общими свойствами и функциями; общность и различие этих функций служит основанием для отнесения текста к тому или иному типу. Коммуникативный опыт носителей языка и культуры убеждает их, что каждый текст представляет собой вариант реализации инварианта определённого типа текста. Очевидно, что каждый тип текста складывается на протяжения многих веков в определённой культуре как образец решения с помощью языковых средств некоторой коммуникативной и когнитивной задачи [Гришаева 2013: 330].

Поэтому, прежде чем изучать личное письмо, создаваемое одним конкретным человеком, необходимо рассмотреть понятия «текст» и «тип текста» и изучить факторы, влияющие на формальную и содержательную организацию текста и обусловливающие выбор средств и способов реализации дискурсивных стратегий при порождении текста.

1.1. Теория текста как основа изучения результатов коммуникации

Феномен «текст» чрезвычайно сложен, поэтому его можно рассматривать с разных точек зрения. Изучаемая проблематика стала особенно актуальной в лингвистике в последней четверти XX в., и на сегодняшний день существует огромный пласт литературы по проблемам текста [Дейк 2000, Schmidt 1973; Viehweger 1980; Isenberg 1984;

Sandig 1984; Beaugrande 1981, и мн. др.]. Имеется большое количество определений текста, в которых обозначаются его свойства, но на сегодняшний день, как это не покажется странным, нет единого определения текста. Тем не менее, ряд свойств текста признаются всеми исследователями в качестве основополагающих.

Текст, согласно определению, данному в Лингвистическом словаре, это «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц основными свойствами которой являются связность и цельность» [Николаева 1990: 507] (ср. схожие определения в [Анисимова 2003; Филиппов 2003:62; Brinker 2010: 7; Добрускина 1986: 5; Лосева 1980: 58]). К. А. Филиппов отмечает также такое свойство текста, как невыводимость общего смысла из простой суммы обозначений составляющих [Филиппов 2003: 62] (ср. данные о дефиниции текста в [Bußman 1994; Lewandowski 1994; Metzler 1993]; рассуждения о взаимодействии иерархических и линейных структур в коммуникативных образованиях в [Гришаева 2019]).

На отдельных этапах развития теории текста учёные обращали внимание на разные свойства текста. Так, И. Р. Гальперин рассматривал текст как письменно зафикисированное произведение речетворческого процесса, имеющее «определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. На начальном этапе становления теории текста такое свойство, как членимость, изучалось в отечественном язкознании в качестве одного из основных. Долгое время дискуссионным в отечественном языкознании был вопрос о протяжённости текста [Николаева 1990: 507] (ср. сопоставимые рассуждения в: [Москальская 1981: 84]).

Немецкие лингвисты обратили внимание на такое свойство текста, как коммуникативная функция [Isenberg 1984: 10; Brinker 2010: 7; Heinemann 2002]. З. Шмидт предложил рассматривать текст в качестве множества высказываний в их функции, т. е. как социокоммуникативную реализацию текстуальности, которая является двусторонним явлением, структурой, при рассмотрении которой необходимо учитывать и языковые, и социальные аспекты [Schmidt 1973: 144]. Тем самым З. Шмидт определяет текст как двустороннюю социально-языковую структуру, которую необходимо изучать с точки зрения критериев текстуальности, а не как грамматические составные части в их когерентности [Schmidt 1973: 146; Helbig 1990].

Изучаются критерии текстуальности: когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность [Beaugrande 1981: 3-13, 144]. Констатируется: если хотя бы один из этих признаков отсутствует, то мы имеем дело не с текстом [Beaugrande 1981: 3].

Основными категориями текста признаются: интерперсональность, длина, модальность, темпоральность, локативность, темо-рематическая прогрессия, интенциональность [Анисимова 2003; Москальская 1981; Филиппов 2003; Гришаева 2013 и др.]. Категории текста выражаются разными языковыми средствами: лексическими, морфологическими, синтаксичекими, словообразовательными. Например, категория модальности текста проявляется при помощи средств выражения модальности предложения, которая в свою очередь реализуется через морфологическую категорию «модус глагола» (описания способах реализации текстовых категорий см. подробнее в ([Гришаева 2013: 314]). И если средства выражения текстовых категорий ограничены, средства синтаксических категорий довольно легко определить, то средства выражения текстовых категорий по определению исчислить трудно. Анализируемое число морфологических категорий конечно на определённый момент развития языка, а закрытый список текстовых категорий, напротив, предложить невозможно, т.к. для этого потребовалось бы рассматривать всё множество текстов. Об этом свидетельствуют и списки текстовых категорий в разных исследованиях [ср. Schmidt 1973 и Heinemann 2002].

Отмеченное обстоятельство обусловлено, по всей видимости, тем, что средства выражения той или иной текстовой категории не имеют жёсткой и однозначной локализации, а – в отличие от морфологических и синтаксических – дисперсны, т.е. распределены по всей текстовой ткани. По своему статусу средства выражения текстовых категорий не обязательно регулярны; напротив, они могут оказаться единичными, встречающимися только в конкретных условиях (см. описание проблемы текстовых категорий в [Быкова 2018; Гальперин 1981; Москальская 1981; Fix 2013; Heinemann 2002; Wolf 2009]).

С развитием прагмалингвистики учёные стали рассматривать вопрос о том, как внешние по отношению к порождаемому тексту фаткоры влиют на его грамматическую структуру и содержание. Л. В. Цурикова, изучающая соотношение текста и дискурса, отмечает, что изучение дискурса предполагает активный субъект общения и рассмотре-

ние коммуникативно-прагматических факторов, которые обусловливают результат коммуникации [Цурикова 2002]. При этом понятия «дискурс» и «текст» не принято противопоставлять, поскольку, как заметила Е. С. Кубрякова: «Текст создаётся в дискурсе и является его детищем» [Кубрякова 2004: 516]. Дискурс характеризует процесс речевой деятельности, в то время как текст является её результатом. Другими словами, при изучении текста важно учитывать разнообразные факторы, которые обусловливают особенности его структуры на микро- и макроуровне, т.е. прагматические, социокультурные, психологические. Важно также учитывать и задействованные коды, особенно при анализе мультимодальных, семиотически активных текстов [Анисимова 1999; 2003].

Рассмотрение коммуникативно-прагматических факторов как лингвистически значимых обогатило подходы к изучению текстов. Д. Фивегер выделяет две модели текстов: коммуникативные (Kommunikative Textmodelle) и пропозициональные (Propositionale Textmodelle), согласующиеся с двумя подходами к изучению текста (Textauffassung). Пропозициональная модель предполагает расширение грамматики предложения до грамматики текста. Текст при этом рассматривается как статическое, неделимое по времени единство. При коммуникативном подходе учитываются следующие характеристики: 1. Текст рассматривается как членимое во времени единство, т.е. как последовательность языковых действий во времени, при исполнении которых образуются предложения; 2. Закономерности текста объясняются посредством коммуникативных принципов, единицы анализа являются коммуникативно-прагматическими; 3. Объект исследования «текст» рассматривается в контексте ситуации действия [Viehweger 1980: 17]. При коммуникативном подходе использование языковых средств рассматривается именно в событийном аспекте, как речь, «погруженная в жизнь», социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [Арутюнова 1990: 136-137] (см. также о соотношении дискурса и текста в [Дейк 2000; Москальская 1981; Карасик 1999 и др.]).

Как отмечает В. Б. Кашкин, дискурсивные практики включены в человеческое поведение и являются основой организации, категоризации, архивирования и интерпрета-

ции человеческого праксиса в целом[1] [Кашкин 2010: 173]. Приведённые рассуждения позволяют охарактеризовать соотношение текста и дискурса как результат и процесс.

В этом смысле текст является результатом реализации когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий: когнитивных, поскольку текст — это продукт речемыслительной деятельности, номинативных — как обусловливающих выбор того или иного обозначения элементов действительности, коммуникантов, явлений и ситуаций, дискурсивной деятельности с использованием языковых средств, имеющих свойство «диалогичность» и «ситуативность».

В данной главе необходимо рассмотреть вопросы типологии и структуры текста, выявить признаки личного письма как типа текста, а также особенности его содержательной и формальной организации на микро- и макроуровне для того, чтобы понять, какими факторами обусловлен выбор средств и способов реализации дискурсивных стратегий в личных письмах Д. Бонхёффера. Среди факторов, которые обусловливают особенности порождения данных текстов, можно назвать фактор адресанта, адресата, а также факторы, связанные с ситуацией, в которой протекает дискурс. В лингвистической литературе фактор «ситуативность» обозначается в качестве значимой характеристики текста, при этом, однако, не уточняются типы ситуаций, влияющих на порождение текста.

Изучаемые письма Д. Бонхёффера в этом смысле являются наглядным примером того, как внешние по отношению к тексту факторы, такие, как «ситуация неопределенности» (см. § 2.3.2) и фактор «пограничная ситуация» (см. § 2.3.1), обусловливают структурные и содержательные особенности изучаемых текстов.

Ещё одним значимым для писем Д. Бонхёффера фактором является «некоммуникант», поскольку письма были подвержены цензуре (см. подробнее § 2.3.3).

---

[1]Ср. трактовку дискурса с точки зрения философии: Г. Б. Гутнер называет дискурсом «такую область коммуникативных практик, которая задается более или менее фиксированным принципом порождения и обладает условной целостностью» [Гутнер 2016: 35]. Дискурс имеет три взаимосвязанных аспекта: 1) совокупность языковых средств и процедур употребления языка, т.е способов конструирования предложений, текстов; 2) совокупность предметностей, которая в конечном итоге складывается в некоторую структуру реальности и описывается посредством названных процедур. Её можно назвать онтологией; 3) само сообщество, которое пользуется этими процедурами и принимает соответствующую структуру реальности [Гутнер 2016: 36].

В данном исследовании понятия «дискурс» и «текст» не отождествляются, поскольку текст трактуется как результат коммуникации. В то же время, как метко отмечает Б. Зандиг, оформленный текст является только вершиной айсберга [Sandig 1984: 199], поэтому необходимо учитывать, что внешние факторы оказывают существенное влияние на структуру текста и его содержание (см., например, о феномене подтекста в [Голякова 1999: 69]). Выбор языковых средств определяется целью коммуникации, а для достижения цели используются разные стратегии. В этом смысле коммуникативные (дискурсивные) стратегии также существенным образом влияют на макроструктуру текста.

1.2. Типология текста как часть теории текста

Типология текста является одним из важных направлений актуальных лингвистических иследований, поскольку существует разное понимание того, что из себя представляют типы текста. Во-первых, учёные выявляют разные критерии отнесения текста к определённому типу: тема текста, функция, структура предложений, формы и средства коммуникации, ситуация, в которой порождается текст, членение текста, выбор лексических средств и т. д. [Гальперин 1981; Dimter 1981; Heinemann 2002; Moskalskaja 1984; Riesel 1975; Sandig 1984; Viehweger 1978; 1980; Werlich 1979 и мн. др.]. Во-вторых, нет единства в понимании таких определений, как класс текста, тип текста, вид текста и жанр текста. Исследователи имеют разные точки зрения относительно сущности типов текста и критериев выделения последних (см. Таблицу 1 ниже).

Под типологией текста понимается выявление закономерностей и признаков, формирующих определённый тип организации текстовой ткани (см. подробнее в [Бокова 2013: 38]). При изучении определенного типа текста можно проследить, как его основные свойства реализуются в формальной и содержательной структуре и каковы особенности типов текстов, объединенных тематически, структурно, функционально, прагматически.

Нет ни одного текста, который не имеет закономерностей, поскольку каждый текст представляет собой решение определённой коммуникативной и когнитивной задачи с поощью языковых средств. Различия между разными типами текста наблюдаются в количественном и качественном отношении. Рассмотрение особенностей разных типов

текстов помогает выявить общие закономерности функционирования текстов и определить критерии отнесения их к тому или иному типу.

Таблица 1

Критерии отнесения текста к определённому типу

Автор (выборочно)	Критерии вычления различных типов текстов									
	Текстовая функция	Тематический текстовый базис	Функциональный стиль	Устная / письменная форма бытования	Членимость текста	Коммуникативный				
						Тип коммуникативного процесса	Оценка текста реципиентом	Ситуация	Тема	Цель интеракции
E. Grosse [1976]	+									
E. Werlich [1979]		+								
E. Gülich [1979]				+						
E. Riesel [1975]			+				+			
B. Sandig [1984]			+							
И. Р. Гальперин [1981]					+					
O. I. Moskalskaja [1984]					+					
M. Dimter [1981]									+	+
D. Viehweger [1980]						+	+	+	+	+
M.&W. Heinemann [2002]						+	+	+	+	+
K. Brinker [2010]	+									
H. Isenberg [1984]	+									

Согласно анализу результатов в Таблице 1, критерии вычленения типов текстов являются крайне разнородными. Тем не менее, тенденции развития типологии текста показывают, что к критериям, разработанным в 80-е годы XX в., активно обращаются и современные лингвисты. Так, коммуникативный критерий и текстовая функция в качестве критериев классификации типов текстов предложены рассматривались и в 1980-е годы [Viehweger 1980; Dimter 1981], и по-прежнему применяются в 2000-х годах [Brinker 2010; Heinemann 2002]. Отмечается сходство позиций И. Р. Гальперина и О. И. Москальской относительно приоритета такого критерия, как членимость [Гальперин 1981; Москальская 1984]. Е. Ризель и Б. Зандиг считают важным критерием функциональный стиль. В современной германистике учёные признают текстовую функцию в качестве критерия отне-

сения текста к тому или иному типу (ср. [Быкова 2018; Grosse 1976; Brinker 2010; Isenberg 1984]).

Естественно, что приведённый список авторов не полон, однако даже краткая выборка даёт практически полное представление о широте разброса мнений, обусловленного сложностью изучаемых явлений.

В ряде исследований используется понятие «подтип текста». Последний описывается через более детальный анализ того или иного типа текста. В частности, это определение используется в стилистике, например, при описании типов (монологических и диалогических) и подтипов текста, относящихся к газетно-публицистическому стилю [Брандес 2013: 194]. М. П. Брандес рассматривает следующие монологические типы текста: 1) статьи; 2) корреспонденцию; 3) заметки; 4) информацию; 5) обзор печати; 6) рецензии; 7) очерки; 8) фельетоны; 9) комментарии; 10) глоссу. К диалогическим типам текстов газетно-публицистического стиля М. П. Брандес относит: 1) беседу; 2) диспут; 3) дискуссию; 4) полемику; 5) интервью [Брандес 2013: 195].

Несмотря на то, что набор критериев отнесения текста к определённому типу кардинально отличается у разных учёных (см. Таблицу 1 выше), объяснительная сила типологии текста заключается в том, что в опоре на анализ можно объяснить основания для выбора различных средств выражения интенции в зависимости от когнитивных и коммуникативных факторов [Гришаева 2013: 330]. При этом целесообразно рассматривать каждый реальный текст как вариант инварианта (=типа) текста [Бочкарёв 2014: 262], потому что такой подход помогает выявить функциональные особенности не только конкретного текста, но и целого ряда текстов, имеющих схожие структурные и содержательные особенности на макросемантическом и макросинтаксическом уровнях с разных позиций: лексико-семантической, словообразовательной, морфологической, синтаксической, стилистической, формально-структурной.

Наряду с выявлением конститутивных признаков текста в 1970-80-е гг. в опоре на изучение отдельных типов текста определяются классы, а также более детальное описание конкретных типов текстов. Например, Б. Зандиг [Sandig 1972] предлагает типологию информационных текстов (Gebrauchstexte) и выявляет общие закономерности, параметры и особенности их реализации в определенной коммуникативной среде. На основании

20 признаков она выделяет 18 типов утилитарных текстов, к которым относятся интервью, (частное) письмо, телефонный разговор, текст закона, медицинский рецепт, кулинарный рецепт, прогноз погоды, некролог, лекцию, конспект лекции, рекламный текст, объявление о найме, радионовости, газетное сообщение, телеграмма, инструкция по применению, дискуссия, непринужденная беседа (см. воспроизведение матрицы Б. Зандиг в [Филиппов 2002: 193].

На сегодняшний день существуют различные типологии текстов, и благодаря этому выявляются закономерности семантической и синтаксической организации текста, что чрезвычайно важно и интересно, поскольку это даёт возможность рассмотреть особенности текстов разных типов (см. труды [Fix 2008; Heinemann 2002; Schmitz 2014; Кашкин 2004; Гришаева 2013; Щипицина 2009b; Таюпова 2005; Довгань 2013; Архипов 2015a; 2015b; Бокова 2013; Кашкина 2009 и др.]. Л. Ю. Щипицина, например, выявляет на материале немецкого языка особенности организации текстов компьютерно–опосредованной коммуникации, тем самым раскрывая особенности функционирования и адаптации национального языка к новым коммуникативным условиям [Щипицина 2009b] и определяет типы текста в этой новой коммуникативной среде. Для описания текстов компьютерно опосредованной коммуникации Л. Ю. Щипицина обращается к постулатам теории текста, раскрывая объяснительную силу её положений применительно к новой коммуникативной среде.

Понятно, что невозможно представить исчерпывающую типологию текстов, поскольку существует огромное количество текстов, и их номенклатура зачастую совпадает с их обиходными названиями (письмо, извещение, газетная статья, некролог, научная статья, аннотация, инструкция, рецепт и т.д.). На этом основани М. Димтер насчитывает более 1600 типов текстов [Dimter 1981: 30].

В немецкой лингвистике, начиная с 1980-х годов, разделяются понятия «класс текста» и «тип текста». З. Шмидт выделил три класса текстов на основе «способа коммуникации» (Kommunikationsverfahren), т.е. интенции: информировать, объяснять, активизировать. В соответствии с этими критериями отнесения типов текста к различным классам, развивалась типология текстов.

В 1970-1980–е годы одним из основных направлений лингвистических исследований была разработка классификации текстов. Существуют различные классификации в зависимости от того, какие критерии берутся за основу [Admoni 1972; Dimter 1981; Grosse 1976; Rolf 1993; Schmidt 1973 и др.]. Так, опираясь на прагматический критерий, К. Бринкер отмечает 5 классов текста: 1) информативные тексты (инструкции, кулинарные рецепты, новости, сообщения и др.; 2) тексты-воззвания (рекламное объявление, комментарий, закон, заявление); 3) юридические тексты (гарантия, договор, соглашение и др.); 4) контактные тексты (благодарственное письмо, письмо-соболезнование, поздравление и др. [Brinker 2010] (см. описание других типологий текста в [Бокова 2013: 43]).

На сегодняшний день приоритет в исследованиях связан с изучением конкретных типов текстов и их подтипов (см. исследования малоформатных текстов в [Таюпова 2005; Бокова 2013], текстов–поздравлений (открыток) в британской языковой культуре в [Зайцева 2012]). Анализ рецензий на художественные произведения [Довгань 2013], анализ аксиологических стратегий в художественных текстах [Хрипунова 2013] интервью [Волкова 2010]. В современных лингвистических исследованиях активно изучаются принципы синтаксической, семантической организации медиатекстов, их свойства и критерии их отбора [Гришаева 1998a; 2013a; 2014; Пастухов 2008; 2015; Трошина 2017], а также интернет-коммуникация [Щипицина 2010a; 2010b; 2014; Медиатекст… 2010, и др.].

Таким образом, с течением времени акценты в изучении типологии текстов переходят от выявления общих закономерностей, критериев разделения текстов на типы к более детальному описанию особенностей конкретных типов текстов на основе уже известных признаков и категорий текста [Быкова 2018; Бокова 2013; Brinker 2010; Einführung in die linguistische Analyse… 1991; Sandig 1972]. Актуальность типов текста в современной лингвистики связана с анализом реализации функционально-семантического поля в конкретном тексте, что определено как «текстовая сетка» (см. подробнее описание текстовых категорий в [Ноздрина 2001a: 44]).

Необходимо подчеркнуть, что в принципе непредставляется возможным предложить законченный список типов текста, потому что постулирование типа текста зависит от многих факторов, внешних и внутренних по отношению к организации текста. Одна-

ко типологизация текстов помогает рассмотреть конкретный текст как вариант инварианта, и помогает выявить характеристики, имманентные типу текста в целом, и определить идиостилистические особенности конкретного текста.

Положение типологизации текстов помогает также систематизировать представления о влиянии внешних по отношению к тексту факторов, таких как адресант, адресат, ситуация, некоммуникант и др., на формальную и содержательную организацию текста. В данном исследовании это необходимо для того, чтобы выявить особенности влияния перечисленных факторов на структуру и содержание типа текста «личное письмо».

1.2.1. Принципы организации текста на микро- и макроуровне

Текст можно изучать по-разному: на микро- и макроуровне. На микроуровне рассматривают текст в узком смысле — как микротекст или сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое), т. е. семантически организованную цепочку предложений, представляющую собой единое высказывание [Москальская 1981: 17]. Макротекст (текст в широком смысле) представляет собой коммуникативное единство, результат дискурсивной деятельности [Brinker 2010: 7; Isenberg 1974: 10]. Названные явления и составляют два основных объекта изучения лингвистики текста.

Так, Н. С. Валгина отмечает, что семантика текста обусловлена «коммуникативной задачей передачи информации» [Валгина 2003: 21]. Внутренняя организация единиц текста и закономерности взаимосвязи этих единиц в рамках текста как структурного целого определяют структуру текста [Валгина 2003: 21].

Текст рассматривается как высшая коммуникативная единица. При этом существуют различные точки зрения на то, какая единица речи является максимальной. Н. С. Валгина считает, что максимальной единицей языка считается предложение, которое может стать минимальной единицей речи — высказыванием, т.е. реализованным предложением, которое представляет собой лексически наполненную и выражающую конкретную целеустановку единицу речи [Валгина 2003: 27][2]. О. И. Москальская рассматривает предложение как минимальную единицу речи, минимальную когнитивную и

[2] См. детальный комментарий относительно употребления терминов «высказывание», «предложение» применительно к единице языка и речи в [Гришаева 2013:248]

коммуникативную единицу [Москальская 2004: 213]. Схожим образом Б. А. Абрамов определяет предложение как минимальную номинативно-коммуникативную единицу речи [Абрамов 2004: 100]. Объединяясь в семантико-структурные блоки, высказывания образуют различные типы текста. На базе высказывания строятся межфразовые единства, которые организуются в текст через тема-рематическую последовательность. В таком случае максимальной единицей речи, т.е. коммуникативной единицей, является текст.

В специальной литературе доминирует представление о структуре текста, выявляемой как в тематическом, так и в синтаксияеском отношении. Кроме того, одной из наиболее дискуссионных проблем в теории текста длительное время был вопрос о структуре текста и композиционном членении того же текста. Этот вопрос формировался также как соотношение абзаца и СФЕ [Гальперин 1981; Москальская 1981; Schendels 1982].

Очевидно, что формальная структура текста может определяться внешними по отношению к порождаемому тексту факторами, которые необходимо учитывать при изучении семантической и синтаксической структуры текста. О. И. Москальская отмечает, что в лингвистике под «текстом» может пониматься, с одной стороны, любое высказывание, которое состоит из одного или нескольких предложений и несет в себе по замыслу говорящего законченный смысл, с другой стороны, «текстом» является речевое произведение, например, повесть, роман, статья, научная монография, документы различного рода и т. д. Кроме того, в качестве текстов рассматриваются отдельные части целого речевого произведения — главы, параграфы, абзацы [Москальская 1981: 12]. При этом под композицией понимается единство внутренней структуры содержания, внешнего членения произведения на части и совокупности композиционно-речевых форм [Riesel 1974: 178]. Сверхфразовое единство («микротекст») представляет собой специальным образом организованную цепочку предложений, образующую высказывание. Среди критериев СФЕ можно назвать единство темы, которое обеспечивается тождеством референции [Москальская 1981: 20]. Абзац рассматривается как единица не синтаксического, а композиционного уровня [Москальская 1981: 82].

Понятие семантической макроструктуры текста впервые ввёл Т. ван Дейк [Дейк 1989]. Опираясь на исследования речевых жанров[3] и прагматики текста, Т. ван Дейк обнаружил, что наряду со связанной последовательностью предложений и пропозиций существует ещё и связанная последовательность речевых актов, развив таким образом понятие прагматической макроструктуры [Дейк 1989: 251].

В СФЕ присутствует только один тип тема-рематической прогрессии, в то время как в тексте бытуют разные типы прогрессии, именно поэтому важно рассмотреть организацию текста на макроуровне.

1.2.2. Макроструктурная организация текста

Членимость текста — одна из важнейших конститутивных характеристик каждого коммуникативного образования. Принципиальным при этом является то, что все компоненты текста обладают относительной содержательной и синтаксической автономностью и коммуникативной функцией. И перечисленные качества обнаруживаются на микро- и макроуровне: текст как целое, каждый макрокомпонент текста, каждое СФЕ, каждая текстема выполняют коммуникативную функцию, опознаваемую в коммуникации по специфическим маркерам, представляющим собой разноуровневые и разнородные языковые средства (лексической, морфологической, синтаксической, структурной природы).

Для того, чтобы объяснить структуру текстовой ткани на макроуровне, прибегают к понятию «макрокомпонент», который следует понимать как непосредственный компонент текста, синтаксически принадлежащий к менее высокой ступени иерархии, чем текст, но к более высокой, чем микротекст (СФЕ) или же текстема [Гришаева 2014: 124]. Функциональный потенциал текста в целом определяет макроинтенция, в то время как микроинтенция реализуется в текстовом макрокомпоненте в качестве частной коммуникативной задачи [Гришаева 2014: 125]. Макрокомпонент выражается в тексте максимум при помощи нескольких СФЕ, в то время как сверхфразовые единства — несколькими

[3]Термины «текст» и «тип текста» трактуются в специальной литературе по–разному. Так, Л. Ю. Щипицина рассматривает термины «жанр» и «тип текста» как синонимы, но при этом отмечает, что в немецкой лингвистике чаще употребляется понятие «тип текста». Понятие «жанр» в ряде исследований используется по отношению к литературным произведениям, а «тип текста» — по отношению к нехудожественным текстам [Щипицина 2009b].

текстемами, представляющими предложения, существующие как неотъемлемые части текста [Гришаева 2014: 124]. Компоненты макроструктуры в тексте взаимосвязаны, что обусловлено свойством цельности текста, однако конфигурация этих связей в разных текстах одного типа не тождественна; ср. наблюдения О. В. Боковой о взаимосвязях компонентов макроструктуры в малоформатном тексте сообщения о преступлениях [Бокова 2013: 111] и Н. В Довгань над рецензией на художественное произведение [Довгань 2013: 10]. В разных текстах, относящихся к одному типу, имеются компоненты, которые всегда присутствуют в тексте — обязательные макрокомпоненты, и факультативные, т. е. те, которые присутствуют в некоторых текстах под влиянием особых условий. Выбор средств и способов их реализации зависят от коммуникативно-прагматических условий, в которых порождается соответствующий текст [Grischaewa 2016: 77; Гришаева 2014: 321]. Эта идея верифицирована на примере текстов разного типа: интервью [Волкова 2010] немецкоязычных сообщений о преступлениях [Бокова 2013], рецензии на литературное произведение в немецких печатных и электронных изданиях [Довгань 2013].

Микро- и макроанализ отличается по следующим характеристикам: наличие одной тема-рематической прогрессии в микротексте и нескольких в макротексте; активизация сведений из одной — нескольких понятийных сфер; реализация коммуникативного намерения в текстеме — реализация частной коммуникативной цели в макрокомпоненте; номинация одной операции по выполнению действия — номинация вида деятельности [Гришаева 2014: 249].

Если при микротекстовом анализе объектом исследования является СФЕ и входящие в его состав текстемы, то при макротекстовом анализе – макротекст и образующие его макрокомпоненты, а также принципы сочленения последних в текстовом целом. В первом случае элементы синтаксической структуры составляют минимум одну текстему, максимально – СФЕ, во втором — минимум одно СФЕ, максимум – цельный текст. Средствами выражения на уровне микротекста является минимум эллиптическое предложение, максимум – комплекс семантически и синтаксически связанных предложений-текстем, на уровне макротекста минимум – одно СФЕ, максимум – несколько семантически и синтаксически связанных макрокомпонентов. Если целью микротекствого ана-

лиза является выявление семантической, синтаксической, тематической структуры микротекста, то при макротекстовом анализе – принципы сочленения макрокомпонентов в цельном тексте.

Таким образом, через анализ макрокомпонентов можно детально описать влияние внешних по отношению к тексту факторов на его макросемантическую и макросинтаксическую структуру. Это важно учитывать при анализе типа текста «личное письмо», поскольку различные факторы, внешние по отношению к порождаемому тексту (адресант, адресат, некоммуникант, пограничная ситуация, ситуация неопределённости и др.), обусловливают вариативность личного письма и тем самым сочленение обязательных и факультативных макрокомпонентов. Поэтому описание обязательных и факультативных макрокомпонентов помогает детально рассмотреть степень влияния данных факторов на формальную и содержательную организацию письма и объяснить, как и в чём именно проявляется вариативность речемыслительной деятельности в зависимости от изменяющихся коммуникативных условий.

1.3. Тип текста «личное письмо»

Особенность личного письма как типа текста заключается в том, что письма отличаются содержательной и формальной гетерогенностью и являются интересным материалом для изучения с разных точек зрения средств и способов использования коммуникантами языковых средств.

Некоторые учёные рассматривают личное письмо как форму межличностного взаимодействия, «т. е. взаимодействие двух или более субъектов, состоящее в обмене между ними предметного или эмоционального характера и представляющего реализацию особой потребности в контакте с другими субъектами» [Курьянович 2009: 146]. Схожую позицию имеет К. Эрмерт, но в его исследовании письмо изучается как коммуникативная форма, а подтипы письма он описывает как его типы [Ermert 1979: 70]. У. Фикс и Б. Зандиг, напротив, рассматривают письмо как гетерогенный тип текста[4] [Sandig 1986]. Думается, что целесообразно разделить позицию тех учёных, которые трактуют

[4] См. также классификацию писем в таблице У. Фикс. URL: http://home.uni-leipzig.de/fix/Lehre/LehreSS06/LehreSS06TextsortenklassifikationBrief.pdf

письмо как текст. При порождении письма в качестве основы лежит взаимодействие субъектов.

Среди важнейших интегральных признаков письма учёные называют письменную форму, временную и пространственную дистанцированность коммуникантов, зависимость от условий порождения письма [Кабанова 2004: 6]. Письмо является письменным текстом, но при этом обладает большим набором характеристик устного. Это выражается в диалогичности письма, несмотря на временную и пространственную дистанцию. Данное свойство обнаруживается на лексическом (наличие разговорной лексики), синтаксическом (вопросительные, восклицательные предложения), макротекстовом (связь с предыдущими и последующими сообщениями) уровне.

Письма отличаются разной степенью подготовленности и спонтанности. Некоторые мысли рождаются непосредственно в момент написания письма, а другие многократно обсуждены, и степень их подготовленности, естественно, более высока. В этом смысле степень выраженности таких характеристик письма, как письменность и устность, зависит от факторов адресант, адресат и цель написания письма.

Письмо обладает рядом важных дифференциальных признаков. Так, К. Эрмерт называает следующие отличительные признаки письма: (1) интенция (контакт, изложение, оценка, призыв); (2) сфера действия (a) личная, (b) официальная); (3) отношения между комуникантами (симметричные / асимметричные) (4) контекст действия (монологичный (a) единичный, (b) обращённый вперёд / vorwärtsverweisend, (c) обращённый назад / rückverweisend, (d) двунаправленный / диалогичный (a) единичный (b) обращённый вперёд / vorwärtsverweisend, (c) обращённый назад / rückwärtsverweisend, (d) двунаправленный)) [Ermert 1979: 70].

Л. В. Нижникова определяет письмо как тип текста, который отличается завершенностью, и это «проявляется в наличии абсолютно клишированного конца, литературно обработанного, обладающего такими категориальными признаками, как информативность, локально-темпоральная отнесенность, целостность, модальность» [Нижникова 1991: 10]. Исследовательница отмечает, что категория информативности отличается спецификой функционирования, что связано с ограниченностью письма по объему. Чле-

нимость текста проявляется в делении его на абзацы, которые служат основным маркером перехода от одной мысли / темы к другой.

Поэтому письма становятся источником сведений об определённой языковой культуре, о культурной специфике, об особенностях коммуникации между разными людьми в определённый исторический период. Для немецкой языковой культуры, как, естественно, и для других, существуют конвенциональные принципы организации письма, однако выбор языковых средств подвержен влиянию диалектики личностной и коллективной идентичности субъекта познания и коммуникации, порождающего этот текст.

Среди основных характеристик типа текста «письмо» необходимо назвать строгое следование конвенциям, принятым в конкретной языковой культуре, что проявляется в довольно жёсткой последовательности основных компонентов письма и в их содержательном наполнении. В грамматике «Duden» приводится следующая устоявшаяся в немецкой языковой культуре конвенциональная структура личного письма: (Ort und) Datum – Anrede – Briefanschluss – Unterschrift [Duden 2009: 1154] (см. схожую трактовку в ([Москальская 1981: 81; Fix 2013; Sandig 1986]).

Детально описаны разные виды писем, при этом в ряде классификаций письмо не рассматривается как собственно тип текста [Ermert 1979: 70; Heinemann 2000: 612]). У. Фикс, напротив, называет письмо базовым типом текста (Basistextsorte Brief), выделяя при этом личные письма (контактоустанавливающие и письма-обращения), официальные (письмо-обращение и информационное письмо) и открытые письма (литературные и политические)[5].

Схожей точки зрения придерживается Л. В. Нижникова. Она отмечает различие между официально-деловыми и частными письмами, поскольку содержание частного письма определяется самими коммуникантами и характером отношений между ними, в то время как задачи официально-делового юридическое письма диктуются сферой деятельности (общения). Частное письмо в функционально-стилевом отношении является «конгломератом», в котором обнаруживаются признаки разговорно-бытового, художественного, научного и официально-делового стилей [Нижникова 1991: 113].

---

[5] См. дефиницию письма как типа текста подробнее в таблице У. Фикс в (Fix. Textsortenklassifikation. URL: www. http://home.uni-leipzig.de/fix/Lehre/LehreSS06/LehreSS06TextsortenklassifikationBrief.pdf

Согласно мнению Т. Н. Кабановой, письмо является по форме текстом, а по содержанию приближается к дискурсу [Кабанова 2004: 10], поскольку письмо имеет высокую степень варьирования (о варьировании типа текста «письмо» см. также в [Dimter 1981: 94]).

Опираясь на анализ специальной литературы, следует принять во внимание, что письмо является типом текста, а разные виды писем — его подтипами, среди которых выделяют: 1) официально-деловые; 2) профессионально ориентированные, т. е. научные (переписка ученых, которых связывают скорее не дружеские, а научные интересы: лингвистические, философские и др.) [Белунова 2000: 38]; 3) публицистические письма; 4) художественные письма как факт художественной литературы (письма в качестве вкраплений в повествование художественного произведения); 5) бытовые письма (ограниченные сферой бытового общения); 6) частные неофициальные письма в которых первостепенное значение в определении языковых и экстралингвистических особенностей письма имеет социально-культурный статус адресанта и адресата [Нижникова 1991: 114].

В зависимости от выбора критериев существуют различные классификации писем. В зависимости от функции рассматривают следующие типы писем: письмо-просьба, письмо-благодарность, угрожающее письмо, письмо-извинение, письмо читателя, любовное письмо [Ковалёва 2002: 231]. В зависимости от адресата изучают дружеские, семейные, любовные личные письма [Ковалёва 2002: 232; Нижникова 1991:115].

Так, Р. фон Норманн приводит большое количество разных примеров деловых и личных писем [Normann 1987]. Примеры деловых писем: Abbstellung, Absage, Absicht, Abwerbung, Abwesenheit, Änderung, Alleinauftrag, Anerkennung, Anfrage, angebot, Annahme, Anstellung, Anteilnahme, Anzeige и т.д. Примеры личных писем: Ablehnung, Absage, Abschluß-Prüfung, Abtretung (Nutzung), Abwesenheit, Adressenänderung, Anerkennung, Anfrage, Angebot, Anmeldung, Annahme (Einladung), Anteilnahme и т.д. [Normann 1987].

Изучая особенности текста писем читателей в редакцию, У. Фикс выявляет основные структурные особенности данных писем (о письмах читателей см. также в [Архипов 2012; 2015a]). У. Фикс выделяет критерии писем на основе следующих свойств:

1. Zielrichtung Adressat (Presse) – цель адресата;
2. Verfahren (inhaltliche Auseinandersetzung) — процесс (смысловой разбор/изложение смысла);

3. Intertextualität – интертекстуальность, т.е. связь с другим текстом (в данном случае из прессы) [Fix 2013: 271].

Приведенные свойства письма читателю У. Фикс называет с учётом следующих факторов: способ порождения текста, адресант, адресат, тема, основная функция, способ изложения (Geltungsmodus), образец написания письма (Texthandlungsmuster), раскрытие темы, структура (двух-трехчастная). Структура письма определяется лексикой, риторическими средствами, интертекстуальными связями (газетный текст, письмо читателя, политический текст) [Fix 2013: 271] (подробнее о понятии «интертекстуальность» см. также в [Гришаева 2012; Кремнева 2017; Семочко 2010 и др.]).

На формирование текста письма влияют как личные характеристики коммуникантов, так и способы выражения признаков и свойств текста вообще, поскольку письмо может включать в себя элементы разных типов текста. С точки зрения формы и содержания письмо характеризуется высокой степенью вариативности, гибкостью структуры в зависимости от внешних по отношению к тексту факторов: ситуации, адресата, когнитивных и коммуникативных целей адресанта, от его индивидуальных, социальных, культурных особенностей. Перечисленные свойства тесно связаны с функциональным потенциалом письма.

Исследователи по-разному определяют функции личного письма. Так, в словаре «Duden» отмечается, что основной функцией личного письма является контактоустанавливающая [Duden 2009: 1154] (см. схожую точку зрения в [Кабанова 2004: 6; Нижникова 1991: 4]).

Н. А. Ковалёва выделяет три основных функции личного письма: когнитивную, фатическую и конативную. Когнитивную функцию исследовательница связывает с объективно-субъективной модальностью, влияющей на выбор способа изложения содержания письма [Ковалёва 2002: 73]. Целью фатической функции, в интерпретации Н. А. Ковалёвой, является завязывание, продолжение и прекращение эпистолярного общения [Ковалёва 2002: 74]. Конативная функция отражает особенности воздействия адресанта на адресата посредством предписания или внушения, склонения читателя письма к определенному восприятию содержания и желаемой реакции. Такие функции эпистолярного текста, как демонстрация, апелляция, экспрессия и эмоция, этикет, по мнению

Н. А. Ковалевой, могут быть в разной степени свойственны любому личному письму, и они зависят от его тематики [Ковалёва 2002: 74]. В письме, как правило, совмещаются одновременно две, три и больше функций (см. описание функций писем на примере ритуальных и этикетных писем в [Бусоргина 2006: 5], на примере личных писем [Силаева 2007: 5]).

Изучаемый тип текста обладает свойством диалогичности [Белунова 2000; Нижникова 1991; Ковалёва 2002], которое выражается на макротекстовом уровне и распознаётся по синтаксическим и лексическим средствам. Диалогический характер личных писем определяет важное значение обозначения адресанта и адресата. Вообще местоимения-обращения представляют собой интереснейшее грамматическое явление, поскольку они напрямую связаны с коммуникацией [Bezugla 2016: 145]. Если для русского письма определяющим фактором является возраст коммуникантов, то для немецкого – их взаимоотношения [Bezugla 2016: 150]. Так, для немецкой культуры свойственно либо обоюдное общение на «ты», либо на «Вы». При этом на «Ты» могут общаться знакомые друг с другом люди. Местоимение *Sie* отражает сдержанные, скромные, вежливые (формальные) отношения, местоимение *du* – дружеские, тёплые, интимные, близкие [Bezugla 2016: 152]. Уровень формальности ситуации касается ситуации общения. В официальной ситуации принято называть другу друга *Sie*, в неформальной – *du* [Bezugla 2016: 152].

Письмо может являться средством создания фиктивной реальности. Поэтому история культуры знает значительное число примеров романов в письмах, а также исследований писем с литературоведческих позиций [Симонова 2015: 16].

Культурная специфичность[6] является важной характеристикой письма, поскольку оно отражает конвенциональные нормы, свойственные той или иной языковой культуре. Не случайно рассмотрение разных подтипов писем входит в обязательную программу при изучении иностранного языка [Korneva 2017]. Письма отражают представления о коллективной идентичности адресанта, т. е. в том числе о его принадлежности к определённой культурной среде и социальной группе. В то же время на примере писем можно

[6] Категорию «Kulturalität» ввела в качестве текстовой категории У. Фикс (см. подробнее [Fix 2008: 115]).

проследить и личностные, идиостилистические особенности коммуникантов, увидеть поиск внутреннего «я» адресантом [Симонова 2015: 9].

Особенности личного и группового стилей, т.е. соотношение личностной и коллективной идентичности при использовании языковых средств, подробно рассмотрела Б. Зандиг, которая разделила стилистические особенности языка разных писателей (Rilkescher Stil, Adorno-Stil), политиков и отдельных социальных групп (Gruppenstile) [Sandi 1986: 28].

Изучение литературы по анализируемой проблеме позволяет констатировать следующее: основные свойства личных писем довольно подробно описаны учёными, однако интерес для исследования по-прежнему представляет выявление характерных особенностей писем с учётом фактора адресата и параметров ситуации, в которой порождается письмо. Это требуется сделать потому, что в противном случае нельзя объяснить разнообразие отклонений от конвенций порождения письма, в особенности его вариативность на макроуровне.

Таким образом, обобщая наблюдения над текстотипологическими особенностями письма, следует акцентировать ряд тезисов. Письмо как тип текста обладает следующими характеристиками:

- признаками, свойственными всем типам текста – письмо в полной мере отвечает семи критериям текстуальности, предложенным Р.-А. Богрaндом и В. Дресслером и принятым лингвистическим сообществом в качестве консенсуса;

- среди признаков, свойственных только письму (всем его подтипам), выделяется строгая структура на макроуровне: дата – обращение – содержание – окончание письма – подпись. На основании изучения специальной литературы целесообразно предположить, что существуют и факультативные макрокомпоненты, обусловленные тематикой письма, раскрываемой в тексте, условиями порождения письма, особенностями коммуникантов (см. главу 2 настоящей работы);

- признаки, свойственные отдельным подвидам письма. Содержание писем зависит от адресата как личности, от цели письма, а также от условий, в которых оно порождалось.

Использование языковых средств, характерных для выполнения определённых когнитивных и коммуникативных задач, является характеристикой, по которой тексты писем можно классифицировать на разные типы и подтипы.

В настоящем исследовании при описании писем Д. Бонхёффера письмо рассматривается как тип текста, который в опоре на разные критерии делится на подтипы. Изучается макроструктура данных писем и степень соответствия конвенциям, принятым в немецкой языковой культуре.

1.4 Диалогичность и монологичность как свойства личного письма

Письма порождаются в разных ситуациях и для разных целей. Письмо всегда адресовано единичному (личное письмо) или коллективному (открытое письмо) адресату, и роли адресанта и адресата в письме могут меняться.

Всякий текст имеет определенную коммуникативную направленность, цель, свою функцию, которая определяется интенцией адресанта и характером адресата [Винокур 1990а: 135]. Текст всегда обращен к другому человеку, поэтому, как отмечает М. М. Бахтин, диалогичность является свойством всякого слова.[7]

Названная характеристика текста может быть имплицитной (скрытой) или эксплицитной (т. е. выраженной обращениями к адресату и вопросами к нему) в зависимости от коммуникативной ситуации. Так, для личного письма преимущественно свойственна эмплицитная диалогичность, в то время как для научных текстов — преимущественно имплицитная. В то же время имплицитная диалогичность свойственна также личному письму, поскольку оно является поиском и выражением внутреннего «я» адресанта. В письме адресант может, например, осмыслять собственную жизнь, что выражается в наличии порой довольно пространных монологических фрагментов.

Анализируя особенности диалога, В. Д. Девкин различает три разновидности разговора: экстравертивный (подчеркнуто ориентированный на адресата) с разновидностью контактных высказываний (при помощи которых завязывается диалог без какой-либо спе-

[7]М. М. Бахтин, анализируя слово, рассматривает не только языковую единицу, имеющую свое значение, но и часть высказывания или в некоторых случаях само высказывание в целом. Это, по мнению М. М. Бахтина, связано с такими качествами высказывания, как обращенность к адресату и экспрессивная интонация (см. подробнее в [Бахтин 1979: 265]).

циальной цели, ради поддержания общения) и интровертивный (с преобладанием «самовыражения», без учёта интересов адресата) [Девкин 1981: 10].

Для диалогической речи типичны содержательная (вопрос / ответ, добавление, пояснение, распространение, согласие / возражение, формулы речевого этикета и пр.) и конструктивная связь реплик. При этом на набор языковых средств в данных высказываниях-репликах влияет «непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [Винокур 1990а: 135].

Монологическую речь определяют как «интраперсональный речевой акт», для которого типичны «значительные по размеру отрезки текста, состоящие из структурно и содержательно связанных между собой высказываний, имеющих индивидуальную композиционную построенность и относительную смысловую завершённость» [Винокур 1990б: 310].

Схожим образом О. И. Москальская определяет монологический текст как связную речь в письменной или устной форме, где второй участник речевого акта является адресатом речи. Данный текст представляет собой линейную цепочку предложений, в то время как в диалогический текст представляет собой чередование высказываний двух или более участников коммуникации [Москальская 1981: 122].

И. Р. Гальперин, изучая характеристики письменной и устной коммуникации, отмечает, что признаком устной речи является диалогичность, признаком письменной — монологичность. Характеристиками диалогической речи является наличие разговорной лексики, фразеологизмов, краткость, эллиптичность синтаксической структуры, недоговоренность, непоследовательность, обрывистость, иногда одновременность обмена репликами, бессоюзие, широкое употребление невербальных средств в устной речи: жестов, мимики. Для монолога И. Р. Гальперин выделяет следующие характерные черты: употребление литературно-книжной лексики, распространенность высказывания, законченность синтаксических структур, логическую последовательность, синтаксическую оформленность, развернутую систему связующих элементов, средства графического выделения и некоторые другие [Гальперин 1981: 17].

При этом между монологическим и диалогическим текстами присутствуют следующие элементы общности: 1) смысловая цельность текста; 2) коммуникативная струк-

турированность (тема-рематическая организация и коммуникативная преемственность между составляющими текста); 3) наличие структурных показателей когезии в тексте, т.е. характеристик, которыми обладают все тексты.

Диалогичность является важнейшим свойством дружеского письма [Белунова 2000: 14] наряду с полифункциональностью и политематичностью [Белунова 2000: 18]. В личном письме диалогичность проявляется ярко, поскольку оно всегда направлено конкретному адресату и характеризуется спонтанностью по аналогии с устным диалогом [Riesel 1975: 43].

Личное письмо относят к письменному диалогу [Левицкий 1998: 70]. Особенность письменного диалога в виде обмена письмами заключается в том, что этот диалог разорван в пространстве и / или времени. Отмечается, что дефицит времени в обмене письмами отсутствует [Левицкий 1998: 71], тем самым личная переписка отличается от устного диалога.

Одной из характеристик личного письма называют разговорный стиль [Ковалёва 2002], поскольку личное письмо заменяет устный диалог. С этой точкой зрения не соглашается Н. И. Белунова, потому что, согласно её исследованию дружеских писем творческой интеллигенции, дружеские письма отличаются тщательным выбором языковых средств, и их можно отнести к письменной коммуникации. В дружеских письмах коммуниканты могли обсуждать вопросы, связанные с их профессиональной деятельностью, например, дружеские письма философов, ученых и др. Наличие прецедентных явлений и цитат, умалчивание, намёки – эти средства являются маркерами имплицитной диалогичности, и это характеризует научный – философский, теологический, искусствоведческий – дискурсы, потому что предметом размышлений в подобном случае являются уже не сами коммуниканты, а определённая тема, которая увлекает адресанта. Такого рода письма могут содержать объёмные монологические фрагменты.

Схожую точку зрения имеет О. Ю. Подъяпольская, которая отмечает, что характерной чертой дружеского письма является высокий уровень имплицитно выраженной информации. По мнению О. Ю. Подъяпольской, высокий уровень имплицитно выраженной информации обусловлен интимным характером переписки с друзьями [Подъяпольская 2007: 176].

Степень диалогичности и монологичности текста зависит, очевидно, от адресата. Так, монологические фрагменты могут быть свойственны дружеским письмам интеллектуалов, в то время как для писем родным или любовным письмам характерна максимально высокая степень диалогичности.

Маркерами диалогичности и монологичности в личном письме является синтаксическая структура письма, а именно – наличие / отсутствие вопросительных предложений; присутствие определённых номинативных средств, т. е. наличие / отсутствие обращения к адресату; выражение ожиданий ответной реакции адресата на письмо и др. Использование названных средств предположительно наиболее очевидно присутствует в начале письма в таких макрокомпонентах, как обращение, прощание и подпись. Это необходимо верифицировать на материале писем Д. Бонхёффера (см. параграф 2.1.1.9), что поможет вскрыть причины идиостилистических особенностей конкретного адресанта, а также диалектику личностной и коллективной идентичности этого субъекта познания и коммуникации.

1.5. Факторы, обусловливающие порождение текста

На формальную и содержательную структуру порождаемого текста, как уже ясно, влияют внешние по отношению к тексту факторы. В тексте так или иначе отражаются разнородные условия, при которых он порождается. Коммуникативное содержание высказывания является предметом прагматики [Арутюнова 1981: 357], но, анализируя текст как результат коммуникации, необходимо осознавать степень влияния разнородных факторов на выбор и организацию разнородных средств таким образом, чтобы они могли стать средством коммуникации. Это позволит понять, чем обусловлен выбор языковых средств в процессе коммуникации.

Очевидно, что на этот выбор влияет ряд прагматических факторов: адресант, его индивидуальный стиль, его идентичность, адресат и его идентичность, характер отношений между коммуникантами (симметричность / асимметричность), особенность ситуации, в которой происходит коммуникация, фактор некоммуниканта (см. трактовку коммуникативных факторов и их влияние на организацию интеракции в [Арутюнова 1981;

1984; Байрак 2006; Беляева 1992; Кунаева 2009; Сёрль 1986; Цурикова 2002; 2007; Якобсон 1985; Austin 1962; Leech 1983 и др.]).

На описании отдельных факторов целесообразно остановиться подробнее, так как они существенно обусловливают коммуникацию в целом и в силу этого должны учитываться особо при анализе изучаемых писем Д. Бонхёффера, поскольку он писал свои письма разным адресатам в особых обстоятельствах тюремного заключения и ожидания смертного приговора.

Фактор «адресат» влияет на выбор формы обращения, темы, средств выражения модальности, форму произведения [Арутюнова 1981]. Другими словами, названный фактор обусловливает выбор средств реализации номинативных стратегий, что проявляется не только на словообразовательном и лексико–семантическом, но и на морфологическом уровне, например, использовании уменьшительно-ласкательных тех или иных лексико-семантических единиц. В результате адресата наделяют определёнными признаками и качествами при использовании разных номинативных средств: прилагательных, наречий, существительных, групп слов, т.е. разнородных изофункциональных средств (см. подробнее § 2.1.1.3).

Характер отношений между коммуникантами, т.е. симметричность / асимметричность, влияет на выбор коммуникативных стратегий (см. верификацию этого тезиса на примере приветствия выражения благодарности и предложения [Цурикова 2002], директивных речевых актов (побуждения) в [Беляева 1992], приглашения [Байрак 2006], см. также о способах реализации стратегий вежливости [Цурикова 2007]).

С точки зрения стилистики в специальной литературе также отмечается, что отношения между коммуникантами определяют доверительный / недоверительный, дружелюбный / недружелюбный, личностный / неличностный стиль [Sandig 1986: 28].

Внимания заслуживает и фактор «некоммуникант», который влияет на выбор средств номинации, а также на активацию комплекса сведений, которые, по мнению адресата, являются адекватными, необходимыми и приемлемыми в присутствии третьего лица. Выражаясь иначе, изучаемый фактор влияет на структуру текста, предопределяет

его членимость, а также степень детализации активизируемых языковыми средствами сведений о мире (см. подробнее в § 2.3.3).

Наконец, характер ситуации, в которой происходит коммуникация, безусловно, влияет на выбор языковых средств. Изучаемые в данной работе письма Д. Бонхёффера позволяют рассмотреть влияние таких факторов, как «ситуация неопределённости» и «пограничная ситуация» (см. § 2.3.1, 2.3.2).

Рассмотрению особенностей их влияния перечисленных факторов, внешних по отношению к порождаемому тексту, и посвящены следующие далее разделы.

1.5.1. Фактор «адресант»

Фактор «адресант» является одним из важнейших факторов, влияющих на выбор способов организации текста и на простоту / сложность распознавания коммуникантом функции высказывания. Это необходимо опознавать в том числе и исследователю при отнесении текста к определённому типу [Dimter 1981: 40]. Типы текста причинно, что ясно из соответствующих трудов, коррелируют с их функциональным потенциалом. Соответственно, типология текста в первую очередь связана с коммуникативными целями и задачами, которые решает адресант при порождении текста.

Можно предположить, что в тексте личного письма присутствуют элементы тех функциональных стилей, которыми владеет адресант. Другими словами, личность адресанта, его интеллектуальный уровень, степень образованности, глубина внутреннего мира и умение выразить средствами языка свои личные переживания, описать окружающую действительность, и найти средства – всё это составляет языковую личность автора [Караулов 1987].

Фактор «адресант» является чрезвычайно значимым в особенности для личного письма, поскольку содержательная и формальная структура последнего во многом определяется личными особенностями коммуникантов. Именно от этого фактора зависит выбор средств номинации, точка зрения на ситуацию, профилирование комплекса сведений, соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры, тема-рематическая прогрессия, тип текста. Так, изучение писем Д. Бонхёффера способно подтвердить, что богатство выбора языковых средств и умение мастерски оперировать ими в разных ситуа-

циях с разными людьми определяется прежде всего фактором «адресант» (см. подробнее § 2.1.1.3.1).

1.5.2. «Фактор адресат»

Поскольку адресант обращается не в пустоту, а к определённой аудитории, фактор адресата также определяет стиль, форму и содержание сообщения. От того, насколько точным и понятным для адресата является высказывание, зависит успех речевого акта [Арутюнова 1981: 358][8].

Изначальным центром речевого общения считается говорящий субъект, но адресат — лицо, которому адресовано высказывание, несомненно, имеет не менее важное значение [Арутюнова 1981: 357]. Оно является объектом и целью высказывания, по мнению ряда исследователей, пассивной воспринимающей стороной речевого акта, обязательным, хотя и нередко потенциальным его участником [Гвенцадзе 1986: 100]. Интенции автора, которая, вне всякого сомнения, связана с образом адресата, отводится особая роль при изучении моделей речевого акта [Гвенцадзе 1986: 101].

Личное письмо — хороший показателель степени важности личности автора при конструировании текста. При этом содержание текста письма, способы его организации определяются отнесенностью его к определенному адресату [Нижникова 1991: 5]. Л. В. Нижникова отмечает, что фактор адресата является ключевым для личного письма, и именно этот фактор обусловливает отсутствие чётких границ в языковой организации данного типа текста [Нижникова 1991: 6]. Характер адресата определяет стиль текста письма, экспрессивно-эмоциональный настрой, оценочные характеристики, способ изложения информации, акцент при её сообщении, употребление тех или иных языковых конструкций, типов обращений, заключительных строк письма и другие параметры [Ковалева 2002: 151].

---

[8]Ср. точку зрения М. М. Бахтина, который отмечал, что через адресованность, обращенность высказывания проявляется его отличие от таких значащих единиц языка, как предложение и слово, которые становятся высказыванием только, если обращены к кому-либо [Бахтин 1979: 278]. Различием типических концепций адресатов типических высказываний обусловлена классификация речевых жанров [Бахтин 1979: 279]. Необходимо отметить, что понятие «высказывание» М. М. Бахтин понимал более широко, чем это принято среди лингвистов, где высказывание трактуется также как СФЕ, но более крупной единицей речи считается текст.

От фактора «адресат» зависит интерпретация высказывания адресанта, поскольку именно адресат воспринимает интенцию адресанта, и, поскольку в диалоге адресант и адресат часто меняются местами, то дальнейший ход диалога зависит от реакции адресата на высказывание адресанта.

Особую роль играет при этом характер отношений между ними, ведь адресант и адресат участвуют в коммуникации в определенном амплуа и не выступают в качестве глобальной личности [Арутюнова 1981: 357]. Дистанция, разделяющая собеседников, играет немаловажную роль [Арутюнова 1981: 364]. Отношения между коммуникантами, как правило, согласуются между собой, но могут быть обусловлены различиями в поле, возрасте, социальном положении и др. [Арутюнова 1981: 358]

Коммуникативный план (говорящий – сообщение – слушающий) предполагает сложную систему поведенческих ситуаций – социальных и межличностных, в которых адресат может предстать в разных ролях: потенциального исполнителя / информатора, жертвы / «подсудимого», конфидента / друга, свидетеля / контролера, ценителя / потребителя, подпевалы или напротив, контрагента [Арутюнова 1981: 361].

Анализ роли адресата в коммуникации позволяет сказать о том, что изучаемый фактор является одним из основных при изучении способов реализации дискурсивных стратегий. В то же время фактор «адресат» сопряжен с рядом других внешних по отношению к тексту факторов, а именно с характером отношений между коммуникантами, типологией ситуации. Обмен коммуникативными ролями в процессе коммуникации (адресант / адресат) обусловливает подвижность структуры речевого взаимодействия. В тексте личного письма данный фактор, наряду с фактором «адресант», является, очевидно, определяющим при выборе адресантом дискурсивной стратегии и способов изложения его мысли.

В некоторых случаях высказывание невозможно правильно интерпретировать, если во внимание принимаются только факторы «адресант» и «адресат» — настолько значимым оказывается ситуация, в которой происходит коммуникация. На выбор языковых средств может оказывать влияние фактор «некоммуникант» и, без учёта данного фактора оказывается невозможным понять интенцию адресанта и его выбор средств и способов реализации когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий.

1.5.3. Фактор «некоммуникант» в коммуникации

Обсуждаемый фактор включается в рассмотрение в опоре на дедуктивные размышления об условиях, в которых изложены анализируемые личные письма (см. приложение 1). Поскольку исторически достоверным факторм, что цензор просматривал письма арестанта, логично предположить, что фактор «некоммуникант» оказывал существенное влияние не только на форму и объём письма, но и на его содержание и способ выражения мыслей, которые адресант мог или желал донести до своего адресата в присутствии — реальном и / или вероятном, в актуальном акте коммуникации или «за кадром». Этому фактору в специальной литературе посвящено не так много трудов в отличие от описания других факторов как обусловливающих коммуникативную деятельность носителей языка и культуры.

В речевом общении встречаются такие ситуации, когда высказывание приобретает определенную форму, наполняется некоторым содержанием под влиянием лица, не являющегося формально адресатом конкретного высказывания или участником дискурса. Довольно часто в диаду, или дихотомию, «адресант – адресат» включено третье лицо, наблюдающее за актом коммуникации. При этом коммуниканты могут по-разному реагировать на присутствие третьего лица: могут одобрять его присутсвие, могут не одобрять этого, что во многом обусловливает выбор языковых средств. Данное явление В. Н. Бабаян определяет как терциальную речь – диалог в присутствии третьего лица / лиц, «не участвующего в разговоре (т. е. молчащего наблюдателя), но влияющего на речевое и невербальное поведение коммуникантов и фактом своего присутствия (и влияния) формирующего особый вид диалога – диалог в триаде» [Бабаян 2009: 6].

Фактор «некоммуникант» актуален для лингвистического исследования, поскольку некоторые ситуации диалога предполагают присутствие молчащего наблюдателя. Возможные ситуации, в которых фактор «некоммуникант» влияет на устную коммуникацию: диалог в помещении, куда может зайти посторонний: в аудитории, в общественном транспорте (например, в купе поезда), на улице при приближении постороннего. В письменной коммуникации это оказывается важным в ситуациях: при написании писем, sms-сообщений, переписке в чате, если сообщения может прочитать третье лицо. Во многих случаях присутствие наблюдателя может оказывать существенное влияние на

структурное оформление и содержательную сторону высказывания или дискурса [Бабаян 2009: 3; Верхотурова 2006; Нефедова 1998: 39].

Присутствие третьего лица, как отмечает В. Н. Бабаян, приводит к следующим факторам: 1) переструктурированию всего коммуникативного процесса; 2) изменению динамики, стратегии и тактики общения; 3) влияет на язык и стиль диалога [Бабаян 2009: 4]. Фактор «некоммуникант» может привести к полной смене темы разговора или его прекращению, поскольку коммуниканты могут по-разному реагировать на присутствие третьего лица: осознавать и учитывать, не учитывать или не осознавать и в зависимости от этого использовать определенные языковые средства или, наоборот, умалчивать о каких-либо темах.

Рассмотрим потенциально вероятные группы «коммуниканты + некоммуникант»: Некоммуникант не заметен, но А) значим для взаимной коммуникации; Б) не значим для коммуникации; В) нейтрален по отношению к данному коммуникативному процессу.

Некоммуникант может быть единичным, представлен группой, коллективом. Коммуниканты могут предполагать или замечать присутствие некоммуниканта. Некоммуникант может оказывать разное влияние в зависимости от профессии коммуникантов, их социальной функции, в некоторых случаях и возраста.

На характер коммуникации может влиять степень знакомства некоммуниканта с участниками коммуникации: от незнакомства с ними до родственных отношений. Характер отношений участников коммуникации к молчащему наблюдателю может быть разным, например: некоммуниканта всячески пытаются изолировать, его игнорируют или же взывают к его сочувствию, его опасаются и т.д.

Необходимо отметить, что понятие «некоммуникант» не тождественно понятию «наблюдатель», поскольку наблюдатель может быть одновременно говорящим [Кравченко 2004: 68], наблюдателем может выступать совесть, общественная мораль, Бог [Бабаян 2014: 20]. Некоммуникант же – это третье лицо, не участвующее в данном конкретном коммуникативном акте, но имеющее определённое воздействие на коммуникантов. Присутствие некоммуниканта заставляет участников коммуникации прямо или косвенно менять стратегии речевого поведения.

Следует принять во внимание тот факт, что присутствие некоммуниканта может провоцировать неискренность говорящего. Термин «неискренность» был предложен Дж. Остином, который определил неискренность как такие условия осуществления речевого акта, которые делают его пустым (void). Высказывания могут быть произнесены, но речевой акт, тем не менее, может остаться недейственным. Дж. Остин приводит в пример двоеженцев и мошенников, которые произносят необходимые высказывания, однако свадьба и пари остаются неосуществленными из-за их неискренности [Austin 1962: 16].

Более детальная трактовка неискренности изложена в трудах Н. В. Глаголева, который разделяет понятия «ложная информация» и «дезинформация». Согласно его исследованию, ложная информация – это «передача субъектом (автором речи) неистинных сведений об объектах действительности, постигаемых как таковые адресатом» [Глаголев 1987: 62], а дезинформация –это «такая субъективно представленная информация, которая с позиций получателя выглядит правдивой, а с позиций автора или объективного знания – ложной» [Глаголев 1987: 63]. Отмеченные особенности обусловливают, очевидно, реализацию манипулятивных стратегий.

Присутствие некоммуниканта часто побуждает адресанта прибегать к определенным высказываниям в зависимости от того, намеревается ли адресант сообщить какую-то информацию адресату при «посторонних» так, чтобы некоммуникант не смог осмыслить передаваемую информацию. Для этого избираются определенные лексические средства, например, термины, профессионализмы, жаргонизмы, диалектизмы и т.д. [Нефедова 1998: 39]. Однако язык располагает не только лексическими и словообразовательными средствами, но и синтаксическими и текстограмматическими (см. ниже главу 2).

Для того, чтобы определить степень влияния фактора «некоммуникант» на выбор языковых средств, рассмотрим вероятные возможности соотношения «адресат-некоммуникант»: 1) адресат (коммуникант) ≠ некоммуникант; 2) адресат = некоммуникант; 3) адресат = некоммуникант как конкретная личность; 4) адресат = коллективный некоммуникант, т. е. группа лиц. Эти соотношения влияют на выбор дискурсивных стратегий адресантом, и такое влияние может оказываться самыми разными способами: посредством увеличения или сокращения объёма текста, адресо-

ванного некоммуниканту, посредством выбора средств номинации адресата и третьих лиц, степенью детализации сообщаемых сведений, умалчиванием, эвфемизацией, аллюзиями и пр. (см. подробнее § 2.3.3).

В некоторых случаях адресант стремится добиться очевидной реакции третьего лица, формально адресуя высказывание одному лицу, но надеясь на то, что высказывание определенным образом повлияет на некоммуниканта, например, произведет на него благоприятное впечатление, убедит его в чем-либо, сможет побудить к определенному действию в интересах адресанта.

Для достижения таких целей часто используются этикетные высказывания (приветствия, пожелания, выражения благодарности и т. п.). Другими словами, подобные способы изложения мыслй можно охарактеризовать либо как суггестивный, либо как манипулятивный. Это обусловлено интенцией коммуникантов. Распространенным типом манипулятивных высказываний, ориентированных в действительности на некоммуниканта, является комплимент в адрес другого лица (формального адресата высказывания). Для воздействия на некоммуниканта могут быть использованы высказывания-жалобы, сетования, хвастовства, ласки, угрозы (см. описание разных типов речевого воздействия в [Шелестюк 2014: 58]). При этом высказывание как бы ориентировано на собеседника, но реальным адресатом сообщения является некоммуникант, либо присутствующий при коммуникации, либо находящийся «за кадром», но явно следящий за коммуникацией конкретных коммуникантов (см. примеры в § 2.3.3).

Таким образом, фактор «некоммуникант» является значимым при исследовании текста и, в частности, текста личного письма, поскольку присутствие «некоммуниканта» может при определённых обстоятельствах значительным образом влиять на выбор языковых средств, на способы реализации коммуникативных стратегий. При этом средством реализации коммуникативных стратегий может также являться молчание [Шабанова 2007]. Проанализированные сведения необходимы при анализе текстов личного письма, порождённых в тюремном заключении (см. характеристику эмпирического материала во введении).

1.6. Понятие «ситуация» и виды ситуаций

Для того, чтобы обосновать выбор в конкретных дискурсивных условиях дискурсивных стратегий и средств их реализации, необходимо рассмотреть, какие факторы влияют на процесс коммуникации. Среди такого рода факторов, вне всякого сомнения, фактор «ситуация» следует признать чрезвычайно важным для лингвистического исследования, поскольку ситуативность является одним из свойств текста и одним из критериев отнесения текста к тому или иному типу [Schmidt 1974; Beaugrande 1981; Heinemann 2002; Fix 2013 и мн. др.].

Понятие «ситуация» является очень широким и имеет множество характеристик в разных областях гуманитарного знания, таких как психология, педагогика, социология, философия, филология. Это не случайно, поскольку гуманитарные науки изучают поведение человека, которое в свою очередь связано с выбором человеком своей позиции по отношению к определённой ситуации.

Общая характеристика ситуации (от лат. *situatio* – положение, расположение) определяется как «совокупность обстоятельств, положение, обстановка, положение на данный момент» [Ожегов 1999: 431]. Схожее определение дано в словаре «Duden»: Verhältnisse, Umstände, in denen sich jemand [augenblicklich] befindet; jemandes augenblickliche Lage b) Verhältnisse, Umstände, die einen allgemeinen Zustand kennzeichnen; allgemeine Lage [https://duden.de]. Согласно определению, предложенному Д. Н. Ушаковым, ситуация — «совокупность обстоятельств, условий» создает «те или иные отношения, обстановку или положение» [Ушаков 2014: 624].

В специальных энциклопедических словарях гуманитарного профиля подчеркивается, что обстоятельства обусловливают активность человека. Так, в «Словаре по социальной педагогике» ситуация определяется как «система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность» [Словарь по социальной педагогике 2002: 155].

Схожее определение дано в «Психологическом словаре». В данном словаре называются также локальная, функциональная, временная характеристики ситуации, описывается состояние субъекта и другие параметры анализируемого явления. Отмечается, что в

пространственном отношении внешние условия означают внеположенность субъекту; во временном отношении – предшествование действию субъекта; в функциональном отношении – независимость от него соответствующих условий в момент действия [Психологический словарь 2003: 433].

В этике ситуация рассматривается как ценностная категория. Все жизненные положения неповторимы, они открыты для переживания и деятельности [Гартман 2002: 96]. Разнообразие ситуаций образует всю полноту содержания существования человека. Ситуация принуждает человека принимать решение, но его свобода состоит в том, каким будет это решение.

Поскольку понятие «ситуация» ввёл в научный оборот К. Ясперс, обратимся к его характеристике названного понятия. К. Ясперс определяет ситуацию как «некоторую, не сугубо природно-закономерную, а скорее соотнесенную со смыслом действительность» [Ясперс 2012: 204]. К. Ясперс отмечает, что эта действительность не ограничивается рамками одной науки, а составляет предмет многих частных наук. «Ситуации в существовании действительны, таким образом, как всеобщие, типические или же как исторически-определенные уникальные ситуации» [Ясперс 2012: 204]. Уникальность той или иной ситуации становится явной только в ретроспективе и зависит от интереса человека к данной уникальной, не повторяющейся возможности [Ясперс 2012: 204]. Пассивное влечение по течению не открывает знания о ситуации, они остаются только скрытыми в схеме как «типически всеобщие ситуации» [Ясперс 2012: 204], в то время как более дальновидный наблюдатель «может широко обозревать эту ситуацию» [Ясперс 2012: 204] при том, что постигнуть её как целое со всеми возможностями и неожиданными последствиями невозможно [Ясперс 2012: 205]. Невозможно отменить бытие в ситуации, но возможно, согласно К. Ясперсу, найти подходы к преобразованию ситуаций [Ясперс 2012: 205].

Фактор «ситуация» является чрезвычайно важным в лингвистических исследованиях. Так, одним из направлений лингвистики является лингвистика речи или ситуативная лингвистика, в которой наряду с участниками коммуникации оценивается и ситуация общения. Такие качества высказывания, как предикативность, т.е. соотнесенность высказывания с действительностью, а также модальность, которая отражает позиции говоря-

щих в речи, их отношения к сообщению и ситуации [Гак 1973: 353], без сомнения, связаны с осмыслением ситуации, в которой совершается коммуникация, и выбором коммуникантом коммуникативных стратегий.

Так, М. Гоффман рассматривает модель конструирования текста (Textzeichenkonstitution), выделяя условия и средства коммуникации как значимые факторы, определяющие конечный продукт – текст (см. подробнее схему «Modell der Textzeichenkonstitution» [Hoffman 1990: 72]).

У. Фикс определяет адекватность ситуации как важный фактор для оценки текста, обусловливающий понимание текста адресатом и успешность в установлении контакта между коммуникантами [Fix 1990: 96].

Е. М. Верещагин отмечает, что выбор языковых средств, вне всякого сомнения, обусловливается ситуацией общения [Верещагин 2014: 53] (см. также анализ ситуаций, значимый для осмысления процесса взаимодействия в различных языковых культурах, в [Байрак 2006; Беляева 1992; Кунаева 2009; Цурикова 2002; Kuße 2012 и др.]).

Ситуативность является одним из семи критериев текстуальности, без которых текст теряет свою коммуникативную значимость [Beaugrande 1981: 168] (см. подробнее § 1.1). С точки зрения ситуативности текст может иметь различные функции. Так, при помощи текста коммуникант может контролировать ситуацию (Situationskontrolle) или воздействовать, изменять её (Situationslenkung) [Beaugrande 1981: 169]. Является ли текст приемлемым в определённой коммуникативной ситуации, зависит в большей степени от релевантности позиции участников коммуникации к ситуации, чем от референции к объектам реального мира [Beaugrande 1981: 187]. Такие факторы, как информативность, ситуативность и интертекстуальность, обусловлены в свою очередь интенциональностью и зависят от контекста [Beaugrande 1981: 144], что свидетельствует о значимости изучения не только лингвистических факторов, но и ситуации, в которой порождается текст.

Выбор языковых средств зависит от ситуации общения, и именно в зависимости от ситуации тексты относят в разных текстовых типологиях к разным типам. Так, М. Димтер рассматривает коммуникативную ситуацию как такую ситуацию, в которой необходимо учитывать не только особенности порождения текста, но и особенности

восприятия информации реципиентом [Dimter 1981: 50]. М. Димтер различает первичную (оригинальную) коммуникативную ситуацию и вторичную, зафиксированную в тексте. При классификации текстов М. Димтер выделяет следующие значимые аспекты оригинальной коммуникативной ситуации (Originalkommunikationssituation):

- адресант (der Textproduzent P), реципиент (der Textrezipient R);

- отношения между адресантом и реципиентом (die Definitheit von P und R füreinander);

- канал связи (зрительный или аккустический) (der Kanal (optisch oder akustisch));

- письменный/знаковый характер текста (der Konservencharakter eines Textes);

- соотношение между временем порождения и восприятия текста (die Relation zwischen Produktionszeitpunkt und Rezeptionszeitpunkt);

- соотношения места порождения и восприятия текста (die Relation zwischen Produktionsort und Rezeptionsort);

- контакт (зрительный или слуховой) между адресантом и реципиентом с учетом его интенциии временных условий (der Kontakt (optisch und/oder akustisch) zwischen P und R unter Berücksichtigung seiner Richtung und der Zeitrelation);

- количество реципиентов с учетом отношений места и времени (die Anzahl der Rezipienten unter Berücksichtigung von Orts- und Zeitrelation) [Dimter 1981: 51].

Таким образом, М. Димтер выстраивает простейшую схему информации: отправитель – канал – получатель (Sender–Kanal–Empfänger) [Dimter 1981: 39].

Для того, чтобы различить экстра- и интралингвистические факторы, Е. И. Беляева определяет значение двух терминов, которые обозначают условия общения: речевую ситуацию и речевой контекст[9]. Под речевой ситуацией Е. И. Беляева понимает весь комплекс обстоятельств, в которых происходит общение, в то время как речевой контекст включает только те составляющие общения, которые непосредственно влияют на его характер [Беляева 1992: 53]. Иными словами, коммуникативный контекст – это «совокупность лингвистически релевантных компонентов ситуации» [Беляева 1992: 53] (о поня-

[9] Контекст определяют как «грамматически организованное единство, в котором реализуется семантика всех уровней» [Колшанский 1980: 45].

тиях «коммуникативная ситуация» и «коммуникативный процесс» и сущностных признаках обоих понятий см. также в [Шилихина 1999: 31]).

Е. И. Беляева выделяет следующие параметры для отдельных типов коммуникативных контекстов: 1) ролевые отношения; 2) отношения социально-психологической дистанции; 3) обстановка общения [Беляева 1992: 61]. Ролевые отношения между коммуникантами определяются их социальным положением, ролевым статусом и ситуацией общения. Второй тип коммуникативных контекстов связан со степенью близости коммуникантов, с отношением «свой-чужой». Третий тип контекстов обусловлен ситуацией, в которой происходит коммуникация. Е. И. Беляева различает три типа обстановки: официальную, нейтральную и непринуждённую [Беляева 1992: 62].

Ситуация, в которой происходит коммуникация, является одним из важнейших факторов письменной коммуникации. Рассматривая частное письмо, Л. В. Нижникова делает вывод о том, что его композиционно-речевая структура является примером «зависимости языкового оформления текста от условий его функционирования» [Нижникова 1991: 9]. Ситуация, в которой прямо или косвенно участвуют оба коммуниканта, является импульсом к порождению письма. Другими словами, письмо имеет в основе общий опыт коммуникантов и связано с конкретной ситуацией, отражаемой в письме [Нижникова 1991: 42].

Таким образом, фактор «ситуация» изучается с разных точек зрения в разных гуманитарных науках, но из анализа разных подходов очевидно, что данный фактор является одним из определяющих коммуникативное взаимодействие людей. В лингвистике некоторые исследователи разграничивают коммуникативную ситуацию как более общее понятие и коммуникативный контекст как совокупность факторов, непосредственно влияющих на содержательную и формальную структуру текста как продукта дискурсивной деятельности коммуникантов.

В данном исследовании понятие «ситуация» осмысляется как основополагающее, поскольку до сих пор не ясны критерии различия между речевой ситуацией и речевым контекстом и не существует детализации контекста и ситуации. Между тем очевидно, что не может не существовать значимых корреляций между типом ситуации, в которой имеет место взаимодействие между коммуникантами, и выбором языковых средств, с помощью

которых коммуниканты решают свои коммуникативные и когнитивные задачи. В следующих параграфах будет рассмотрена степень влияния таких факторов, как «ситуация неопределённости», «пограничная ситуация», «некоммуникант» на выбор средств реализации дискурсивных стратегий (см. подробнее анализ данных факторов в письмах Д. Бонхёффера в § 2.3).

1.6.1. Ситуация неопределённости как дискурсивный фактор

Дифференциация фактора «ситуация» зависит от тех условий, в которых человек, согласно К. Ясперсу, совершает жизненный выбор. В разных ситуациях человек может находить различные способы своего языкового поведения.

Существуют разные типы ситуации, влияющие на выбор языковых средств. На примере изучаемых писем Д. Бонхёффера целесообразно рассмотреть ситуацию неопределённости и пограничную ситуацию, поскольку именно в таких условиях находился Д. Бонхёффер, будучи в тюремном заключении.

Рассмотрим, что подразумевается под ситуацией неопределённости. «Неопределенность в любой ситуации выбора означает неизведанность поля возможностей для сознательного доопределения его критериев (включая решение “задач на смысл”) и конструктивного построения (прогнозов) исходов» [Корнилова 2013: 98]. При этом прежде приобретенные в процессе коммуникации способы решения когнитивных и коммуникативных задач не могут быть заведомо успешными и / или адекватными.

Ситуация неопределённости изучается специалистами в разных сферах: образования, управления, финансов, политики и др., и пути выхода из ситуации данного типа рассматриваются как средства достижения успеха в соответствующей сфере.

Понятие «ситуация неопределенности» в психологии соотносится с понятиями выбора и принятия решений как процессами принятия и преодоления неопределенности, с понятиями риска и личностного самоопределения, поскольку при необходимости совершать выбор проявляется характер человека, сила его личности, и это может проявляться в его умении использовать языковые средства. Это особенно актуально при анализе ситуации заключения в одиночной камере, когда языковые средства являются единственным средством борьбы человека с обстоятельствами. Исследователи отмечают, что в случае

необходимости совершить выбор человек сталкивается с такими препятствиями, как противоречивость, нечеткость, а также избыточность информации по объективным причинам или в результате сознательных действий противника [Кулик 2010: 29].

При этом построение образа ситуации коммуникантами происходит путем актуализации как когнитивных составляющих (восприятия, памяти, мышления), так и личностно-мотивационных факторов (на верхних уровнях самосознания, представленных личностными ценностями, а на глубинных — мотивационно-смысловой регуляцией). Человек должен не только понять условия задачи или ситуации выбора, определиться в целях выбора, найти возможные пути решения проблемы, но и связать образ задачи со своей мотивационно-потребностной сферой, определиться в личностной цене своего решения. Субъективная неопределенность может быть задана внешними факторами, а может быть связана с внутренними (неполнотой знания и проч.) [Корнилова URL: http://psystudy.ru]. Применительно к внутренним источникам неопределенности также можно различать ее ситуационные факторы, например, закрытость необходимой информации или трудность работы с собственной системой переживаний [Корнилова URL: http://psystudy.ru].

Следует предположить, что ситуация неопределённости связана с внутренней борьбой, что может спровоцировать неуверенность коммуниканта, затруднение при выборе. В языке это, как стоит предположить, выражается средствами модальности, конструированием виртуального хронотопа и виртуальных миров, построением планов, поиском предполагаемых возможностей разрешения ситуации.

Таким образом, фактор «ситуация неопределённости» оказывается действительно значимым для коммуникации и для организации текста, поскольку это когнитивно-психологический и психоэмоциональный фактор, от влияния которого зависит профилировани комплекса активизированных и вербализуемых сведений, определение соотношения когнитивного фона и когнитивной фигуры, а в конечном счёте и категоризация и концептуализация сведений, подлежащих сообщению в конкретных коммуникативных условиях.

1.6.2. Фактор «пограничная ситуация»

Наряду с понятием «ситуация неопределенности» в настоящем исследовании важно рассмотреть фактор «пограничная ситуация», поскольку, во-первых, и пограничная ситуация, и ситуация неопределённости предполагают выбор человека, преодоление внешних обстоятельств, и это является важным фактором при изучении средств и способов реализации коммуникативных стратегий, во-вторых, именно описываемые ситуации характерны для изучаемых писем Д. Бонхёффера. В отличие от фактора «ситуация неопределённости», фактор «пограничная ситуация» отражает событийный аспект выбора человеком способов действия особых, чрезывчайных условиях.

Пограничную ситуацию (нем. Grenzsituazion) специалисты характеризуют как непривычную ситуацию, для преодоления которой могут быть предприняты необычные средства и способы [URL: https://www.duden.de/suchen/dudenonline/grenzsituation?ls=grenzsituazion&s= grenzsituation].

Составители «Философской энциклопедии» подчеркивают, что эта категория была введена философами-экзистенциалистами, выделяя при этом особый вклад Карла Ясперса [Философская энциклопедия 1967: 282; Мак-Ким 2004: 285]. Акцентируется, что названная категория используется при характеристике мировосприятия и саморефлексии личности. Пограничная ситуация связана с моментами переживания глубочайших потрясений (страх, страдание, борьба, смерть и др.), «в которые человек познает себя как нечто безусловное» [Философская энциклопедия 1967: 282]. Очевидно, что в пограничной ситуации человек ищет выход из сложившихся обстоятельств, однако исход этих поисков не предрешен. Выбор языковых средств и коммуникативных стратегий обусловливается конкретными обстоятельствами.

Пограничная ситуация — понятие, обозначающее время и место постижения человеком экзистенции, основ собственного существования (например, за несколько минут до кончины или в состоянии глубокого психоэмоционального стресса и т. п.) [Некрасова 2008: 58].

Ученые выделяют такие характеристики пограничной ситуации, как переживание глубоких потрясений, важных для человека событий, личных кризисов, ситуации страха, страдания, борьбы, смерти. В пограничной ситуации человек глубже познает себя.

В «Словаре теологических терминов» подчеркивается, что пограничная ситуация предполагает осознание существования трансцендентного измерения за пределами обыденного сознания [Мак-Ким 2004: 285].

В «Психологическом словаре» пограничная ситуация определяется как «ситуация существования индивидуального (бытия личного), в которой самосознание личности обостряется и человек непроизвольно познает себя» [Психологический словарь 2003: 433-434]. В названном словаре также подчеркивается вклад К. Ясперса в разработку этого понятия. Пограничные ситуации рассматриваются как важные моменты саморазвития личности, стимулы деятельности. В то же время данные ситуации способны «вызвать чрезмерное напряжение, что может стать причиной невротизации и психических травм» [Психологический словарь 2003: 434].

В лекциях «Разум и экзистенция» К. Ясперс отмечает, что основная черта «моей собственной действительности выражается тем, в какой форме я мыслю о действительности в ситуации крайней нужды, у границы» [Ясперс 2013: 243]. Пограничными К. Ясперс называет те ситуации, в которых «я не могу жить без борьбы и без страдания», когда «я неизбежно принимаю на себя вину», когда возникает понимание, что «я должен умереть» [Ясперс 2012: 205]. Эти ситуации неизменны, «они – как стена, на которую мы наталкиваемся, у которой мы терпим крах» [Ясперс 2012: 205]. Граница «вступает в свою истинную функцию — быть ещё имманентной и, однако, указывать уже на трансценденцию» [Ясперс 2012: 206].

Интересно, что К. Ясперс и Д. Бонхёффер жили в одно время, и Д. Бонхёффер в своем сочинении «Этика» / «Ethik» тоже размышляет о понятии «пограничный случай» (Grenzfall), которое он описывает в контексте темы ответственности и вины. Он рассматривает понятие «Grenzfall» на фоне политических, экономических действий в масштабах страны, когда приходится прибегать к некоторым крайним мерам [DBW VI: 273][10].

В данной работе мы будем при осмыслении пограничной ситуации опираться на определение К. Ясперса, поскольку оно отражает содержание понятия с точки зрения бытия человека, его экзистенциального центра, личностного выбора в соответствующей

[10] DBW VI = Bonhoeffer, D. Ethik // Dietrich Bonhoeffer Werke, Band 6. München : Gütersloher Verlagshaus, 2015. – 566 S. Здесь и далее DBW = Dietrich Bonhoeffer Werke. Римской цифрой обозначается номер тома собрания сочинений Д. Бонхёффера.

ситуации. Для анализа языкового материала имеет значение уточнение влияния внешних факторов на форму и содержание коммуникации. Если влияние фактора «ситуация» описано лингвистами как важное [Беляева 1992; Шилихина 1999; Гак 1973; Beaugrande 1981; Dimter 1981; Schmidt 1974 и мн. др.], то описание типов ситуаций, особенности характера ситуации, в частности ситуации неопределённости и пограничной ситуации, ещё требует изучения с точки зрения их влияния на макроструктуру текста и верификации лингвистическими приёмами методами, что будет показано ниже, во второй главе (см. § 2.3.1. и § 2.3.2).

1.7. Стратегия как инструмент лингвистического анализа

Процесс коммуникации определяется целями, которые ставят перед собой коммуниканты в той или иной ситуации общения. Достигая цель, коммуниканты реализуют различные стратегии. Участники коммуникации, как правило, прибегают к вербальным средствам [Кубрякова 1986: 141], поэтому, очевидно, что стратегии определяют выбор языковых средств, а также, как следствие, способы семантической и синтаксической организации конкретного текста. Всё это имеет значение при лингвистическом исследовании того, как используется язык в качестве средства познания и коммуникации.

В широком смысле под стратегией понимается некая общая инструкция для каждой конкретной ситуации интерпретации,[11] как «общий план деятельности, последовательно реализуемый в ходе осуществления самой деятельности» [Большой 2000: 1277]. Дискурс динамичен, подвижен, и на разных его этапах могут использоваться разнообразные языковые средства в зависимости от множества факторов [Гришаева 2009: 58]. Результатом речевой деятельности является текст, поэтому тексто-грамматический анализ представляется адекватным для изучения стратегий, а также средств и способов их реализации.

Согласно исследованию О. С. Иссерс, стратегия «представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [Иссерс 2008: 100].

---

[11]О понятии «интерпретация» писал, например, Р. Вердербер: «Рецепция текстов и/или восприятие сведений о мире, в том числе категоризация и концептуализация сведений, представляет собой интерпретацию, т.е. вербальную реакцию на ситуацию» [Вердербер 2003: 101].

Относительно изучаемого понятия в специальной литературе имеются разные позиции, которые условно можно развести на две группы. Представители первой разделяют понятия «стратегия» и «тактика». Согласно такому ракурсу рассмотрения, тактика предполагает «поиск и отбор аргументов или доводов», которые являются наиболее убедительными с точки зрения обсуждаемой темы и данной аудитории, «а также реакция на контраргументы другой стороны в ходе спора» [Ивин 1997: 344]. Речевая стратегия и тактика текста различаются как род и вид [Иссерс 2008: 109]. Если речевая стратегия представляет собой совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, то тактика — это одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегий [Иссерс 2008: 110]. Таким образом, считается, что тактика представляет собой отдельные речевые действия, направленные на реализацию стратегии [Болотова 2017: 95].

Сторонники второй точки зрения считают, что разделение на стратегии и тактики является избыточным, поскольку уже существует идея разграничения потенциально возможных и актуализируемых в реальной коммуникации дискурсивных действий и языковых способов их оформления, и данное разграничение мало что добавляет к уже известным положениям [Цурикова 2007: 103]. Л. В. Цурикова отмечает, что даже те авторы, которые придерживаются разделения на «стратегии» и «тактики», в своих рассуждениях далеко не всегда придерживаются этого положения [Цурикова 2007: 103].

В данном исследовании не предполагается разделение понятий «стратегии» и «тактики», так как уже ясно, что существуют общие и частные коммуникативные задачи. Поэтому целесообразно остановиться на рассмотрении дискурсивных стратегий, среди которых можно выделять общие и частные в зависимости от характера решаемых задач в коммуникативных условиях.

Выбор дискурсивной стратегии обусловлен целью коммуникации, предполагающей определенное речевое воздействие на коммуниканта. Речевое воздействие стало объектом исследования, начиная с 1970-х годов, и на сегодняшний день включает множество исследований (см. обзор в [Шелестюк 2014: 13-15]). Речевое воздействие И. А. Стернин определяет как «воздействие человека на другого человека или группу

лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин 2001: 54].

Среди разнородных и разнонаправленных факторов, которые влияют на выбор стратегии адресантом в конкретных условиях, выделяют следующие: 1) этнокультурная специфика, т.е. воздействие на выбор стратегии культурных доминант, которые существуют в данной лингвокультуре (см. подробнее в [Spillner 2011; Strecker 1987]); 2) личностные характеристики адресанта; при этом последний оценивает ситуацию, стремясь достигнуть своих целей; 3) экстралингвистические факторы, к которым относятся постоянные социальные параметры, такие как пол, возраст, степень образованности, место рождения и др., и параметры переменные, т.е. неоднократно изменяющиеся постоянные параметры (например, профессия) [Нестерюк 2017: 57].

Все компоненты коммуникативной ситуации являются стратегически значимыми: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст, и различие этих компонентов определяет выбор той или иной стратегии [Иссерс 2008:109].

Одна из основных функций стратегии, по мнению Н. А. Ковалёвой, заключается в актуализации семантики языковых единиц. Контекст ситуации снимает полисемию, свойственную всем структурным элементам высказывания. Выбор коммуникативной стратегии определяется авторским видением мира и авторской оценкой в тексте, которые реализуются через языковые средства, избираемые адресантом для решения поставленной задачи [Ковалёва 2002: 152]. Коммуникативная стратегия текста определяется соотношением «действительность – адресант – текст – адресат» [Ковалёва 2002: 152].

Композиция текста является, таким образом, результатом реализации стратегии (см. подробнее в [Иссерс 2008: 33]). Изучение коммуникативных стратегий предполагает анализ всего спектра синтаксических и семантических структур текста, поскольку цель коммуникации достигается преимущественно при помощи использования языковых средств, хотя, естественно, задействуются разнородные средства других семиотических систем.

Суть дискурсивных стратегий – это реализация определённой последовательности коммуникативных действий, в то время как текст является результатом реализации стратегий. Детальное рассмотрение стратегий в тексте возможно на примере отдельных мак-

рокомпонентов текста. Так, каждый макрокомпонент представляет собой реализацию деятельности, и в разных коммуникативных ситуациях последовательность макрокомпонентов, их обязательность и необязательность отличается в зависимости от разнообразных внешних и внутренних факторов, которые обусловливают развитие коммуникативного процесса (см. подробнее выше о макроструктуре текста в § 1.2.2). Так, отдельные композиционные части текста могут выделять важную информацию в тексте, образуя некую вершину в его композиционном плане. Особое значение в композиции текста могут иметь заголовок, зачин, середина, окончание [Гвенцадзе 1986: 138]. Другие элементы композиции и / или макрокомпоненты могут быть необязательными в данном тексте.

Исследователи изучают, как выбор стратегии помогает достигать коммуникативной цели. Установлено, что существуют определённые принципы и правила общения, следование которым определяет успех коммуникации. П. Грайс выявил принцип кооперации, основанный на четырёх максимах кооперации, которые обеспечивают успешность коммуникации: максима качества, максима количества, максима манеры и максима релевантности [Грайс: URL: http://kant.narod.ru/grice.htm]. Максима качества информации выражается в том, чтобы не говорить того, что считаешь ложным, и того, в чем есть сомнение и что невозможно доказать. Максима количества информации предполагает излагать не меньше и не больше информации, чем требуется в конкретной речевой ситуации. Максима релевантности заключается в том, чтобы не отходить от темы. Максима ясности выражается в следующих правилах: будь последовательным; избегай неясности; избегай двусмысленности; будь краток; будь систематичен [Грайс: URL: http://kant.narod.ru/grice.htm]. (См. подробный комментарий названных максим в [Беляева 1992; Цурикова 2001; 2002; 2007; Байрак 2006; Плетнёва 2007 и мн. др.].)

Дж. Лич, опираясь на принцип кооперации П. Грайса, выявил принцип вежливости, который влияет на выбор дискурсивных стратегий [Leech 1983]. Принцип вежливости реализуется через следующие максимы: максима такта, максима великодушия, максима одобрения, максима скромности, максима согласия, максима симпатии (см. подробный комментарий в [Цурикова 2007: 231]). Принципы Дж. Лича важны тем, что они последо-

вательно учитывают социокультурную специфику коммуникантов, тесно связанную с выбором и функционированием языковых средств в разных коммуникативных условиях.

Продолжая исследования принципов коммуникации, П. Браун и С. Левинсон обосновывают принцип вежливости не в форме правил и максим, а через стратегии и тенденции, что подчёркивает вероятностный характер выбора языковых средств в разных ситуациях. Они обращаются к категории «социальное лицо» коммуниканта, которое может быть позитивным, выражающимся в стремлении получить одобрение от собеседника, и негативным, т.е. стремящимся к свободе и независимости в своих действиях. На основании действий, направленных на языковое лицо, коммуниканты выбирают стратегии позитивной или негативной вежливости [Цурикова 2007: 235].

Проблематика, так или иначе связанная с изучением стратегий, чрезвычайно разнообразна и крайне дискуссионна, как, впрочем, и труды, посвященные теоретическому осмыслению коммуникативных стратегий и их типологии. Существует множество исследований, посвящённых данной проблематике. Наибольший интерес исследователей вызывают манипуляция, аргументация, стратегии вежливости и этикетных норм, очевидно, потому, что данные стратегии наиболее часто реализуются в разных типах текста и форматах дискурса. При этом манипуляция рассматривается с разных сторон: психологии [Доценко 1997], политики [Кара-Мурза 2000], речевого воздействия [Шелестюк 2009; Стернин 2012]. Ещё одним предметом изучения является теория аргументации [Баранов 1990; Ивин 1997]. При этом одни учёные прибегают к термину «аргументативный дискурс» [Климинская 2010], другие рассматривают аргументативные стратегии в разных форматах дискурса и типах ситуации: политическом дискурсе [Мордовин 2004; Петрухина 2009], в кризисной ситуации [Рядовая 2013], в конфликтной ситуации [Ручкина 2009]. Исследованиям коммуникативных стратегий и тактик в разных языковых культурах посвящено множество работ: на примере русской речи [Иссерс 2008], в британской языковой культуре [Байрак 2006; Цурикова 2002; Катанова 2007], в немецком языке [Кашкина 2006; Кулагина 2015; Нестерюк 2017].

Очевидно, что стратегии имманентны дискурсу, т.е. деятельности, в то время как результатом реализации стратегий является текст, поэтому выбор средств и способов реализации стратегий зависят от интенции адресанта и, в конечном итоге, от типа страте-

гий. Стратегии рассматриваются применительно к разным форматам дискурса. Например, Н. В. Байрак описывает особенности организации дискурса в ситуации приглашения в британской речевой культуре и выделяет контекстные параметры, влияющие на выбор стратегии и средств их реализации дискурсивного события приглашения [Байрак 2006]. Предметом спциальных исследований являются также стратегии в разных форматах дискурса на примере политического, религиозного, юридического, образовательно-педагогического [Кожемякин 2016; Schröter 2006], судебного [Никифорова 2012; 2013], интернет-дискурса [Борис 2018] и по отношению к разным типам текста: медиатекстам [Бойко 2006], личному письму [Ковалёва 2002]. О. В. Кашкина рассматривает обсуждаемый вопрос на примере функционирования самооценочных высказываний [Кашкина 2006]. Ю. В. Нестерюк изучает особенности стратегий в персональном немецкоязычном интервью [2017]. Н. А Ковалёва отмечает, что «коммуникативная стратегия письма — это ядро дискурса, поскольку стратегия текста отражает иллокутивную силу сообщения» [Ковалёва 2002: 156].

Стратегии в религиозном дискурсе описывает в докторской диссертации Е. В. Бобырева [Бобырева 2007]. Она разделяет стратегии на общедискурсивные и частные, характерные для религиозного дискурса. Данный формат дискурса рассматривается учёными на примере текстов проповедей [Плисов 2005; Салахова 2006], молитв [Уразаева 2003], житий святых [Анисимова 2013]. Ю. В. Романченко характеризует аргументативность в теологическом дискурсе [Романченко 2008: 114] (о стратегиях и тактиках в религиозном дискурсе см. в [Современный религиозный дискурс 2015]), а в медиадискурсе – в [Бойко 2009].

Обзор литературы по обсуждаемой проблеме показал, что стратегии рассматриваются учёными в разных форматах дискурса и на примере разных типов текста, т.е. очевидной становится связь между коммуникативной ситуацией и выбором средств реализации стратегий. Тем не менее, до сих пор детально не описано влияние внешних и внутренних по отношению к тексту факторов на выбор языковых средств, с помощью которых реализуются дискурсивные стратегии. Это представляется актуальным как при описании типов ситуаций и их влияния на реализацию стратегий для того, чтобы детально

обосновать влияние указанных факторов на выбор разнородных языковых средств в разных языковых культурах.

При выявлении типов стратегий и способов их реализации в разных форматах дискурса не наблюдается терминологического единства. Так, одни исследователи используют понятие «коммуникативные стратегии», другие – «речевое воздействие». Тип стратегии зависит от коммуникативной ситуации. Критериями выбора стратегии являются, во-первых, общедискурсивные параметры, общие для всех ситуаций, во-вторых, — коммуникативно-прагматические особенности конкретного формата дискурса.

Выбор дискурсивной стратегии обусловлен разнообразными факторами: ситуацией, в которой происходит коммуникация, временем, местом, каналом общения (письменный / устный). Разные форматы дискурса предполагают выбор различных языковых средствах и способов, к которым прибегают коммуниканты в определённых коммуникативных условиях. Дискурсивная деятельность изучается в терминах социально значимых действий и стратегий, «выполняемых носителями / пользователями языка в рамках определенных, релевантных для данного общества и культуры, коммуникативных ситуаций» [Цурикова 2002: 75].

Классификации дискурсивных сратегий различаются, поскольку за основу берутся разные критерии. Наиболее полная классификация стратегий представлена, по всей видимости, в исследовании О. С. Иссерс (см. подробнее в [Иссерс 2008: 108]). Она рассматривает типы речевых стратегий в русской языковой культуре, взяв за основу функциональный критерий (см. рисунок 1 ниже).

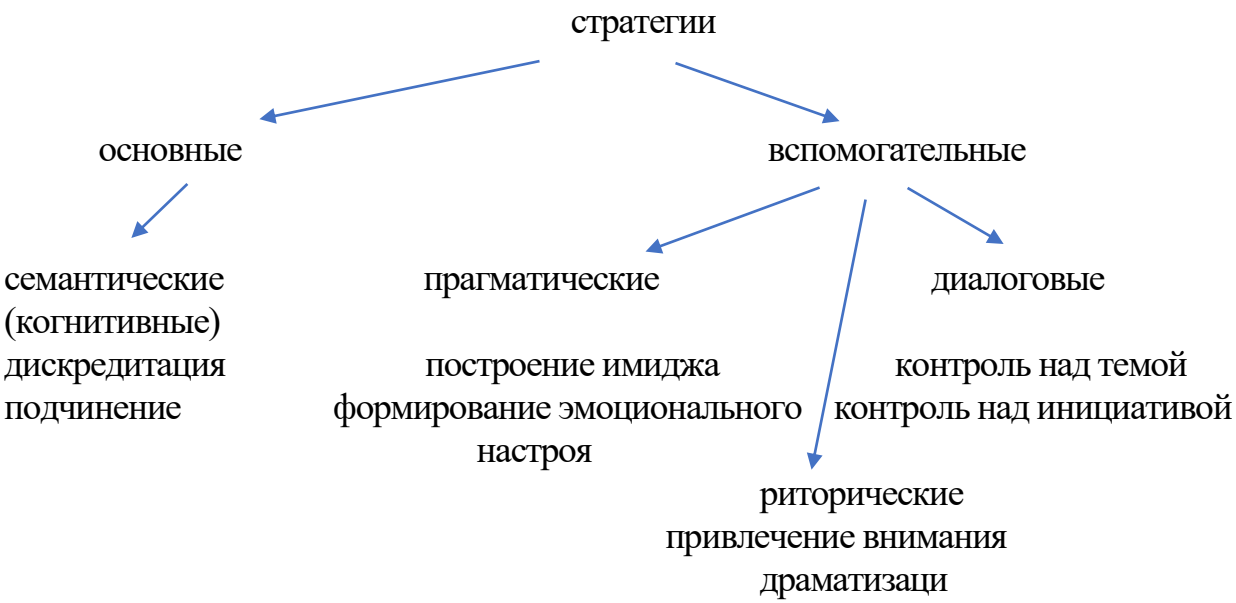


Рисунок 1. Типы речевых стратегий

В разных исследованиях приводятся различные типы дискурсивных стратегий в зависимости от ракурса исследования (см. Таблицу 2 ниже).

Исчислить стратегии представляется невозможным, как нет и не может быть закрытого списка видов деятельности и способов их реализации. Тем не менее, можно назвать наиболее часто встречающиеся интерпретации. Так, изучая политические тексты, О. В. Кашкина выделяет следующие типы дискурсивных стратегий: ассертивные (англ.: настаивать на своем) – способность не зависеть от внешних обстоятельств, к ним относятся оффензивные, т.е. наступательные стратегии, которые в политике служат для того, чтобы развенчать действия своих оппонентов [Кашкина 2009: 87]; дефензивные (лат. *defensio*) – склонность человека при встрече с жизненными трудностями занимать избегающую или пассивно-оборонительную позицию. В политике это связано со стремлением сохранить имидж политика и / или партии. При ориентации на адресата используются оффензивные и дефензивные стратегии.

Наряду с дискурсивныи стратегиями в специальной литературе есть и близкие, но не тождественные им понятия, а именно номинативные и когнитивные стратегии. Выбор номинативных стратегий осуществляется только в целях реализации определенной коммуникативной и когнитивной задачи, поэтому посредством номинативных стратегий

происходит реализация дискурсивных стратегий [Гришаева 2009: 66] (см. также о стратегиях в политическом дискурсе в [Бойко 2006].

Таблица 2

Типы дискурсивных стратегий (выборочно)

дискурсивные стратегии				
аргументативные	суггестивные	манипулятивные	ассертивные	имеджеобразующие дискурсивные стратегии:
- инструменты некорректного аргументирования: - агональная стратегия (конфликтно-провоцирующая) - гармонизирующая стратегия [Шелестюк 2014: 86]			- деффензивные и оффензивные [Кашкина 2009:87]. - стратегия защиты: уход, изгнание, блокировака, управление, замирание, игнорирование. [Доценко 1997: 201].	- стратегии позитивной самопрезентации; - негативной презентации политических оппонентов; - стратегии рациональной аргументации; - стратегии эмоциональной аргументации; - стратегии рационально-эмоциональной аргументации [Кашкина 2009: 165]

Поскольку выбор средств реализации стратегии не может быть случайным и обусловливает выбор определенных номинативных стратегий, О. В. Кашкина выделяет следующие типы номинативных стратегий: 1) прямой идентификации; 2) дефокусации; 3) дистанцирования; 4) деперсонализации.

Номинативная стратегия прямой идентификации предполагает использование средств с четкой референтной связью, обеспечивающих «для адресата безошибочную идентификацию говорящего как автора самооценки и одновременно как носителя оценочного признака» [Кашкина 2009: 105] (см. также в [Гришаева 2014: 209]). Основными средствами реализации стратегии является местоимение 1-го лица единственного числа *ich*, которое обозначает коммуникативную роль говорящего.

Номинативная стратегия дефокусации предполагает переключение фокуса внимания адресата с личности говорящего на некоторую определенную (например, семья) или неопределенную (люди) группу, к которой принадлежит говорящий [Кашкина 2009:106]. Реализация этой стратегии достигается через употребление местоимений *wir*, если гово-

рящий видит себя членом группы, или *man* как неопределенное лицо, а также посредством варьирования семантическими функциями: когда адресант представляет себя вместо актора поссесором, бенефициантом или пациенсом. При этом местоимение *wir* имеет амбивалентный характер, и говорящий может использовать его в инклюзивном значении (включая адресата) или в эксклюзивном (подразумевая группу лиц, в которую не входит слушающий) [Кашкина 2009: 107]. К доминирующим функциям местоимения *wir* относятся «разделение ответственности», «солидаризация», «дистанцирование от других групп» (о функциях местоимения *wir* см. также в [Безукладова 2013: 175]). Использование высказываний в значении солидаризации позволяет говорящему снизить категоричность высказывания, приписывая оценочный признак не только себе, но и соответствующей группе людей.

Согласно исследованию О. В. Кашкиной, местоимение *man* смещает фокус самооценочного высказывания в сторону неопределенной группы людей, а также придавать высказыванию характер типизации или анонимизации. В значении типизации высказывание «приобретает характер всеобщности», в значении анонимизации — позволяет адресанту «скрыться за «безликой маской» *man*» [Кашкина 2005: 13]. Данное местоимение может употребляться в генерализирующем и в партикулярном смысле. Генерализирующее *man* предполагает всех индивидов некоторой группы, партикулярное употребление подразумевает отдельных лиц. В партикулярном смысле употребление *man* способствует достижению эффекта анонимизации, когда объект оценки не эксплицируется, а имплицируется в контексте (см. шкалу генерализации в [Кашкина 2009: 113]).

В шкале генерализации О. В. Кашкина, опираясь на исследования Г. Цифонун и А. Димовой, выделяет пять зон генерализации: 1) суждения с всеобщим значением; 2) зона, в которой основания генерализации имеют психофизиологический характер; 3) зона высказываний, имеющих возрастные основания генерализации, т.е. тех, которые прилагаются ко всем представителям определенной возрастной группы; 4) высказывания, имеющие общие статусные или социально-групповые основания, приложимые к представителям определенной социальной группы или носителям данного социального статуса (цит. по [Кашкина 2009: 114]). Критерии для расположения высказывания на шкале генерализации могут быть различны. К ним могут относиться общечеловеческие свой-

ства (например, смертность), групповые признаки (например, религиозность), а также другие характеристики субъекта [Кашкина 2009:114]. Чем больше круг лиц предполагает высказывание, тем большим является эффект генерализации. Посредством реализации стратегии дефокусации говорящий придает самооценочному высказыванию некатегоричную форму.

Использование объектных форм местоимения *ich – mein, mir, mich* способствует перемещению внимания адресата с агиенса на его качества, свойства, признаки, снижая таким образом эгоцентричность Я-высказывания [Кашкина 2009:116].

Номинативная стратегия дистанцирования, цель которой — дистанцирование адресанта от самого себя как носителя определенного признака. Местоимение *du* при этом имеет эксплицитный по отношению к говорящему характер. Критерием местоимения *du* в значении генерализации является возможность замены его на *man* или *jeder*. Говорящий в таком случае оказывается как бы на месте адресата своего сообщения [Кашкина 2009: 118]. По замечанию О. В. Кашкиной, способность абстрагироваться от самого себя в определенной ситуации или при совершении каких-либо действий открывает возможность локализовать и отграничить ту или иную сторону личности и формы ее проявления от других. Это реализуется в языке в первую очередь посредством выбора средств с соответствующей референцией [Кашкина 2009: 119].

Стратегия деперсонализации реализуется посредством использования эллиптических конструкций предложений, при этом не называется субъект действия. Как отмечает О. В. Кашкина, главной причиной использования данной стратегии является стремление не нарушить максим общения и этические нормы.

Продуктивность категории «номинативные стратегии» доказывает их использование в разных исследованиях с фокусом на выявлении значимых корреляций между дискурсивными стратегиями и средствами их реализации [Ср. Гришаева 2009; Бойко 2009; Катаева 2007; Кашкина 2009]

Средства реализации дискурсивной стратегии могут быть вербальными и невербальными, однако первостепенное значение имеют вербальные средства достижения цели коммуникации.

Реализация стратегий зависит от условий коммуникации, т.е. от ситуации, в которых она совершается. Такие факторы, как пограничная ситуация, ситуация неопределенности (см. § 1.6.1), фактор некоммуникант (см. § 1.5.3.) обусловливают выбор языковых средств говорящим. Анализ мнений относительно средств и способов реализации стратегий позволяет констатировать наличие довольно устойчивых корреляций между дискурсивными и коммуникативными стратегиями, между когнитивными и номинативными, а также дискурсивными. Это означает не только правомерность подобного ракурса анализа использования языка, но и его продуктивности. Выявленные закономерности целесообразно проследить на материале личного письма, так как описанный подход позволяет объяснить вариативность инварианта на микро- и макротекстовом уровне.

При реализации дискурсивных стратегий достигается коммуникативная цель адресанта, и для того, чтобы рассмотреть, каким образом коммуниканты достигают этой цели, необходимо разработать принципы лингвистического анализа стратегии. Так, признаки, которые опознаются лингвистическим параметром, Л. И Гришаева называет маркерами той или иной номинативной стратегии [Гришаева 2009: 65]. К ним она относит: 1) особенности семантической структуры лексемы, 2) использование лексической единицы в прямом / переносном значении; 3) наличие / отсутствие оценочной семы в семантической структуре лексемы; 4) наличие / отсутствие позитивных / негативных коннотаций в семантике лексемы; 5) широта / конкретность лексической семантики; 6) наличие / отсутствие специализации лексической единицы на тот или иной контекст при ее употреблении; 7) принадлежность лексической единицы к определенному лексико-грамматическому разряду; 8) использование грамматических форм в их первичной / вторичной функции; 9) функционирование языкового средства в прототипическом / непрототипическом для него контексте; 10) синтаксическая семантика той или иной структуры, в которой используется анализируемое номинативное средство; 11) соблюдение / нарушение конвенций, значимых и актуальных для языковой культуры, а также другие параметры, с помощью которых можно удовлетворительно описать нередко противоречивое взаимодействие логической, лексической, формально-структурной, морфологической, синтаксической, словообразовательной семантики (см. также в [Гришаева 2013: 314; 2014]).

При изучении стратегий неизбежно рассмотрение прагматических факторов, влияющих на структурную и формальную организацию текста. Поэтому требуется рассматривать текст не только на микро-, но и на макроуровне. Поскольку дискурс — некоторая последовательность действий, направленных на достижение определённой цели, а текст — результат деятельности с помощью языковых средств, стремление изучать средства и способы реализации стратегий представляется не только теоретически адекватным, но и продуктивным в прикладном отношении. Дискурс определяется как последовательность речевых актов, обладающих локальной и глобальной когерентностью, в том числе на семантическом уровне. При этом, с одной стороны, конкретный речевой акт является условием или следствием предшествующих и последующих речевых актов, что называется локальной или микро-когерентностью, например, вопрос-ответ, предложение – согласие, предложение или отказ. Глобальную когерентность последовательностей речевых актов называют «макро-речевой акт», например, разные виды писем [Цурикова 2002: 61]. Тем самым, изучая дискурсивные стратегии, мы рассматриваем текст на макроуровне, предполагая, что существует инвариант для ряда текстов, относящихся к одному типу.

В данном исследовании в фокусе внимания находятся дискурсивные стратегии аргументации, суггестии и манипуляции, поскольку именно они, которые были исчислены дедуктивно в опоре на сведения о ситуации порождения личных писем конкретного носителя языка и культуры, наиболее выражены в эмпирическом материале (см. подробнее § 2.2.) и их влияние на семантическую и синтаксическую макроструктуру текста личного письма оказывается наиболее значимым.

Чтобы описать средства и способы реализации изучаемых стратегий, учитываются также когнитивные и номинативные. Когнитивные учитывать необходимо потому, что для адекватного выбора дискурсивных / номинативных стратегий необходимо категоризовать и концептуализировать комплекс сведений о ситуации, о компонентах, вычленить признаки воспринимаемых объектов и явлений, конфигурировать их. Далее необходимо определиться с выбором средств номинации концептуализируемых сведений, т. е. с выбором номинативных стратегий.

1.7.1. Взаимодействие когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий при порождении текста

При изучении того, как развивается дискурс в целом, речь идёт о дискурсивных стратегиях, при анализе языковых средств реализации дискурса — о номинативных. В качестве первичного и главного критерия различения номинативных и дискурсивных стратегий признаётся цель деятельности, выполняемой в соответствующих обстоятельствах субъектом деятельности, которую можно определить как решение определенной коммуникативной задачи [Гришаева 2009: 59]. В разных культурах содержится большое разнообразие способов достижения соответствующей цели через реализацию разных дискурсивных стратегий (см. подробнее в [Афанасьева 2005; Гришаева 2007]). В зависимости от того, какую цель преследует коммуникант и какова ситуация, он выбирает соответствующую стратегию.

При этом номинативная деятельность связана с такими когнитивно значимыми параметрами, как «характер и статус именуемого объекта, соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры, включение объекта восприятия в определенную категорию или исключение его из той или иной категории, статус и характер категории, под которую подводится объект восприятия, и другие когнитивные параметры» [Гришаева 2009: 61]. Поскольку в разных условиях номинативные задачи различаются, то в языковой культуре существуют многочисленные номинативные стратегии, обеспечивающие объективацию «комплексов сведений о внеязыковой действительности, разных в количественном и качественном отношении» [Гришаева 2009: 62].

Влияние на адресата возможно варьировать посредством номинативных стратегий, смягчая или усиливая степень воздействия на рациональную или эмоциональную сферы коммуниканта, в результате чего один и тот же комплекс сведений о мире поразному профилируется в конкретном высказывании в определённых дискурсивных условиях [Гришаева 2009: 63] (о корреляции между когнитивными, номинативными и дискурсивными стратегиями см. в [Гришаева 2014]).

В личном письме могут использоваться самые разные виды стратегий, что объясняет высокую вариативность типа текста, а также содержание и структуру данного типа текста, который, с одной стороны, является жёстко регламентированным, с другой — со-

держательно, синтаксически, функционально зависит от множества факторов, таких как ситуация, характер адресата, личностные особенности адресанта. Поэтому тематически и формально личное письмо может быть очень разнообразным. Письмо может содержать элементы разных типов текста, в том числе и научного, поскольку в нём могут быть реализованы разные типы стратегий, в том числе и аргументативные стратегии.

1.7.2. Аргументативные стратегии и их реализация в личном письме

Основываясь на представлении о текстотиологических характеристиках письма, вряд ли можно предположить, что в «личном письме» могут реализовываться аргументативные стратегии, т. е. доказательства коммуникантом своей позиции через чередование тезисов и аргументов. Но поскольку личное письмо характеризуется гетерогенностью в отношении тематики, и в нём могут содержаться следы разных форматов дискурса, то реализация разных типов стратегий, очевидно, может являться характерной чертой личного письма как базового, используя формулировку У. Фикс, типа текста.

Для того, чтобы изучить специфику реализации аргументиивных стратегий в личном письме, вначале рассмотрим, как понимается аргументативная стратегия в лингвистической теории.

Аргументативность в логике и реализация аргументативных стратегий в разных форматах дискурса широко изучаются учёными, поскольку для дискурса в самых разных областях знаний актуально умение аргументировать свою мысль. Теоретическому описанию системы аргументации посвящены труды А. А. Ивина [1997], А. Н. Баранова [1990], коллективная монография «Концептульная систематика аргументации» [2017], исследование Л. Г. Васильева [Васильев 1992; 2001], «Эссе о социальной власти языка» [2001] и мн. др.

Лингвисты изучают особенности аргументивных стратегий в разных типах текста (см. § 1.7). Так, Г. М. Костюшкина определяет аргументацию как вербальную человеческую (речемыслительную) деятельность «в конкретном социальном контексте, суть которой заключается в специфическом воздействии на сознание адресата посредством языковых средств не только в рассуждениях, но и оценках» [Концептуальная 2017: 32]. Аргументация в первую очередь обращена к разуму человека, который может принять или

отвергнуть предлагаемое мнение. Главный критерий аргументации – это убедительность. Аргументация предполагает наличие системы утверждений, предназначенных для того, чтобы оправдать или опровергнуть какое-либо мнение.

А. А. Ивин выделяет следующие черты, характерные для аргументации: 1) выраженность аргументации в языке, наличие формы произнесенных или написанных утверждений; 2) целью аргументации является целенаправленная деятельность, задачей – усиление или ослабление чьих-то убеждений; 3) направленность аргументации на другого человека / людей предполагает диалог и активную реакцию адресата на приводимые доводы; 4) разумность адресата, его способность рационально взвешивать, принимать или оспаривать аргументы [Ивин 1997: 7].

Для достижения коммуникативной цели используются соответствующие способы — аргументативные стратегии. Г. М. Костюшкина отмечает, что при изучении аргументации важное значение имеет фактор адресата, который, по её мнению, ещё недостаточно изучен исследователями [Концептуальное 2017: 46]. В этом смысле интересно рассмотреть особенности реализации аргументативных стратегий в личном письме, поскольку фактор адресат является одним из основных в данном типе текста.

Аргументирующее общение предполагает наличие тезиса и системы аргументов [Розенфельд 2018: 21]. Тезис может состоять из одного или нескольких суждений о мире через аргументативное отношение. Среди основных аргументов выделяют: научные аксиомы, положения законов и актуальных документов, законы природы; выводы, подтверждённые экспериментально; заключения экспертов; ссылки на признанные авторитеты; цитаты из авторитетных источников; показания очевидцев; статистические данные [Розенфельд 2018: 21].

Выбор тезиса зависит от субъекта, который может принимать или не принимать позицию адресанта, ставить его тезис под сомнение. Позиции субъекта могут отличаться по отношению к автору тезиса (отторжение, принятие, самопринятие), по отношению к самому тезису, а также по отношению к собственной аргументации. Перечисленные факторы зависят от типа вовлечения другого в аргументацию, которая может быть полемической, выражающей обвинение субъекта, иронический оттенок или его невовлечение, неопределенность объекта, которому противопоставляют свое мнение, предполагающей от-

ветственность за аргументацию. Ещё одним способом аргументирования является демонстративная аргументация (научные, дидактические тексты), а также объективная квалификация, описание мыслительных операций (когнитивных), употребление безличных предложений, которые стирают присутствие аргументирующего субъекта и т. д. [Концептуальная 2017: 66].

Аргументация в тексте выражена при помощи средств каузальности, следствия, уступительности, т. е. через систему средств выражения причинно-следственных отношений [Романченко 2008: 74]. При лингвистическом анализе аргументации данные средства обозначают словами-модификаторами. Данный термин был введён О. Дюкро [Концептуальная 2017: 48]. Г. М. Костюшкина выделяет три компонента системы действия слов-аргументаторов в высказывании: коммуникативная цель, коммуникативные стратегии и тактики и аргументативный потенциал слов-аргументаторов. Направление аргументативной силы – это «способность аргументативных модификаторов участвовать в формировании аргументации говорящего в конкретной коммуникативной ситуации» [Концептуальная 2017: 49].

Для личного письма вряд ли свойственна реализация аргументативной стратегии в чистом виде, поскольку основная цель письма — поддержать коммуникацию в условиях невозможности личного общения. Например, в семейных, любовных письмах вряд ли стоит ожидать размышления на серьёзные научные темы, поскольку данные письма обращены к другому и сосредоточены на личности адресата писем. Но если рассматривать отдельные подвиды личных писем, например философские, теологические, – письма, адресованные коллеге, другу, с которым у адресанта существует не только коммуникативная связь, но и общие профессиональные, духовные интересы, то реализацию данного типа стратегий можно легко предположить в такого рода письмах. Очевидно также, что апелляция к аргументативным стратегиям в личном письме обусловлена особенностями стиля автора письма, т. е. личность адресанта играет немаловажную роль и в выборе дискурсивных стратегий.

Маркерами аргументативных стратегий следует признать наличие сложноподчинённых предложений с типами связи: условия, причины, следствия; апелляция к авторите-

там; наличие тезиса и аргументов в структуре текста, использование прецедентных феноменов для доказательства своей позиции и др. (см. подробнее § 2.2.1).

1.7.3. Суггестивные стратегии и их роль в личном письме

Эмоциональное воздействие на собеседника в личном письме, адресованном знакомым, близким, друзьям, является, очевидно, основным способом воздействия на адресата личного письма, поскольку связь с близкими людьми проявляется в первую очередь не на рациональном уровне, а на эмоциональном, личностном, духовном.

В то же время очевидно, что в процессе коммуникации человек в большей или меньшей степени так или иначе воздействует на своего собеседника. Если аргументативные стратегии предполагают убеждение через приведение разумных аргументов, то суггестивные стратегии связаны с эмоциональным воздействием. При этом в отличие от манипулятивных суггестивные стратегии предполагают не получение личной выгоды для адресанта, а воздействие адресанта на адресата совершается ради самого адресата и в его интересах. При анализе личных писем, написанных в пограничной ситуации, коммуниканты, очевидно, могут прибегать именно к данному типу стратегий, поскольку велика степень эмоционального напряжения (см. подробнее § 2.2.2).

Суггестия как влияние одной личности на другую составляет важный компонент любого речевого акта. В разных сферах коммуникативной деятельности человека воздействие осуществляется по-разному. Так, в сфере литературы средством воздействия является художественное произведение [Галинская 2001: 1045].

Е. В. Шелестюк отмечает, что суггестивность текста связана с воздействием на подсознание читателя, в котором целеустановка адресанта косвенно реализуется посредством специфически маркированных компонентов и структур текста [Шелестюк 2009: 10]. Суггестивность проявляется на разных уровнях: фонетики, просодики, графики, орфографии, синтаксиса, лексики, словообразования, морфологии. Она может также проявляться и на макролингвистическом уровне, например, в использовании средств выражения категории персональности, в структурно-композиционной организации текста и в его стилевых особенностях, а также в плотности информации [Шелестюк 2009: 11].

На макролингвистическом уровне суггестивность можно распознать по средствам выражения категории персональности, поскольку утешение связано с личным обращением, по структурно-композиционной организации текста и его стилевым особенностям, а также по плотности информации, объективируемых разныеми способами и средствами.

Среди приёмов суггестивного воздействия, используемых для реализации эмоционально-установочных целей, Е. В. Шелестюк выделяет общепсихологические и психотерапевтические. В данном исследовании нецелесообразно касаться психотерапевтических приёмов суггестии, однако необходимо рассмотреть общепсихологические приёмы и их влияние на семантическую и синтаксическую структуру текста для того, чтобы понять, каким образом психологические факторы оказывают влияние на выбор языковых средств реализации стратегий и на способы организации текста на микро- и макроуровне.

1.7.4. Манипулятивные стратегии в личном письме

Манипулятивные стратегии в отличие от суггестивных, очевидно, трудно признать типичными для личного письма, поскольку общение с другом, любимым, родственниками предполагает доверие и в нормальном случае отсутствие стремления манипулировать, т.е. получить личную выгоду от адресата[12] таким образом, чтобы адресат этого не заподозрил, а считал своим личным выбором. Тем не менее, такие случаи всё же допустимы в анализируемой категории писем, особенно если личное письмо адресовано не пречисленным выше категориям коммуникантов и если целью письма является установление и поддержание некоторых функциональных социальных связей.

В исходном значении термин «манипуляция» имеет два значения: 1) (лат. *Manus* – рука + *pie* – наполнять) пригоршня, горсть; 2) (*manus* + *pi* – слабая форма корня) маленькая группа, кучка, горсточка, небольшой (около 120 человек) отряд воинов в римском войске [Доценко 1997: 44]. Е. Л. Доценко определяет манипуляцию как вид «психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желани-

[12] Изучение манипуляции в современной лингвистике активно осуществляется на примере медиатекстов (см., например, в [Гришаева 2017: 66]).

ями» [Доценко 1997: 47] (см. схожее определение в [Стернин 2001: 74]). В отношении процесса коммуникации данный термин используется в метафорическом значении — как управление людьми. Е. Л. Доценко отмечает три признака психологической манипуляции: 1) идею «прибирания к рукам»; 2) иллюзию сохранения свободы принятия решений и действий адресатом; 3) искусность манипулятора в выполнении приемов воздействия [Доценко 1997: 48].

Сама по себе манипуляция не является априори чем-то отрицательным, поскольку язык априори суггестивен. Коммуникация так или иначе предполагает манипуляцию, но эффективность манипуляции зависит от профессиональных навыков или врожденных качеств человека. В то же время значение слова *манипуляция* может иметь отрицательную коннотацию, например, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: 2. перен. подделка, махинация [Ожегов 1999: 808]. Исследователи отмечают, что манипуляция остается нейтральной до тех пор, пока она не будет противоречить общественным регулятивным механизмам, а именно ценностными ориентациям, законам и др. [Гришаева 2009: 191].

Анализируя способы взаимодействия людей и их ценностные ориентиры, Е. Л. Доценко выделяет пять различных способов взаимоотношений: доминирование, манипуляцию, соперничество, партнерство и содружество: 1) доминирование, т.е. отношение к другому как к средству достижения цели, при этом игнорирование его интересов; 2) манипуляция, т.е. отношение к другому как к «вещи особого рода», стремление скрытым путем провокации, интриги, обмана, намека добиться своего; 3) соперничество – другой представляет опасность и появляется необходимость избежать одностороннего преимущества; 4) партнерство – отношение к другому как к равному; 5) содружество – отношение к другому как к самоценности, когда коммуниканты объединить усилия для достижения своих целей, при этом отношения становятся равноправными, симметричными. Объединение усилий и совместная сила являются основой для объединения субъектов в одну общность [Доценко 1997: 48].

Е. Л. Доценко, опираясь на исследования О. Т. Йокояма, Л. Прото, Г. Шиллера, определяет следующие признаки манипуляции: обманное, косвенное воздействие в интересах манипулятора; скрытое влияние на совершение выбора; скрытое принуждение,

программирование мыслей, чувств, намерений, установок, отношений, поведения [Доценко 1997: 52].

В данной работе под манипулятивной стратегией понимается выбор адресантом языковых средств, при помощи которых он может манипулировать адресатом, т.е. оказывать на него скрытое воздействие в собственных интересах. При этом могут использоваться различные средства: прецедентные феномены с заменой или подменой известных в социуме способов апелляции к фундаментальным морально-этическим ценностям, актуальным в определенный период времени в данной культуре [Гришаева 1998: 31]. Характерны такие средства, как искажение информации, трюизм, селекция информации, запугивание и т. д.

По отношению к изучаемому материалу среди признаков манипуляции можно выделить следующие: действие производится скрытно, неявно, является обманным; совершается в интересах манипулятора; предполагает косвенное воздействие и влияние; программирует мысли, намерения объекта и т. д.

Таким образом, в личном письме, действительно, могут использоваться манипулятивные стратегии, если между коммуникантами нет доверия, например, отношения между подсудимым и следователем. При этом манипуляция может быть реализована и в письмах близким людям, но она будет направлена на «некоммуниканта», как, к примеру, в случае переписки Д. Бонхёффера с родителями, где присутствуют пассажи, явно предназначенные для третьего лица — некоммуниканта, а именно для следователя. Это значительно усложняет структуру письма и его анализ, а также свидетельствует о значимости и, следовательно, необходимости учитывать коммуникативно-прагматические факторы при изучении дискурсивных стратегий, реализуемых в тексте, и причин, обусловливающих коммуникантов совершать выбор названной стратегии.

Выводы

Текст является результатом речемыслительной деятельности. Свойства, присущие ему как феномену, определяются лингвистами с разных точек зрения. Главным свойством текста является текстуальность, а также такие характеристики текстуальности, без которых последовательность предложений нельзя назвать текстом,

как когезия, когерентность, интенциональность, информативность, ситуативность, воспринимаемость, интертекстуальность.

Названные параметры являются универсальными для всех текстов. В то же время важно учитывать соотношение универсального и культурно-специфического в тексте, поскольку в разных языках интенции автора могут быть выражены разными средствами и по-разному.

Любой реальный текст представляет собой вариант инварианта, т.е. одну из множества потенциально возможных реализаций типа текста, сложившегося в языковой культуре на протяжении длительного времени.

В языковой культуре каждый инвариант реализуется через множество вариантов, которые коммуниканты с определённой личной и коллективной идентичностью порождают в конкретных коммуникативных условиях, т.е. текст представляет собой результат решения определенных коммуникативных и когнитивных задач носителем языка и культуры.

При изучении текста необходимо рассмотреть следующие параметры:

- определить тип коммуникативной и когнитивной задачи;
- рассмотреть условия, в которых решается соответствующая задача;
- выявить характеристики коммуникантов и особенности их взаимодействия;
- определить тип ситуации, в которой порождается текст.

При изучении средств и способов решения номинативной и когнитивной задачи необходимо сопоставить использованные и потенциально возможные изофункциональные средства, чтобы понять, чем обусловлен выбор конкретных средств. Интерпретация текста как продукта коммуникации требует принимать во внимание характеристики среды, в которой был порожден текст, и характеристики компонентов деятельности, которые вербализуются через текст и фиксируются в тексте.

Текст как объект лингвистического анализа имеет содержательную, формальную, тематическую структуру и определённый дискурсивный потенциал. Казуальная связь между коммуникативной и когнитивной задачей в макроструктуре проявляется в соотношении синтаксической и семантической макроструктуры текста, которая включает в себя разнообразные макрокомпоненты. Макрокомпонент – это

синтаксическая единица текста, большая, чем СФЕ, но меньшая чем текст. Макрокомпоненты текста можно разделить на 2 группы составляющих: обязательные и факультативные. Разнообразие и вариативность макрокомпонентов обусловлены разнообразием типов текста и форматов дискурса. Обязательные макрокомпоенты всегда представлены в определённом типе текста. Выражаются они формальными, свойственными данному типу текста, структурными элементами, ритуальными или типологическими формулами начала и завершения текста. Факультативные макрокомпоненты, реализуются в тексте под воздействием определённых условий.

Семантическая макроструктура текста отражает комплекс сведений, необходимых и достаточных в конкретной языковой культуре для решения конкретных коммуникативных и когнитивных задач. Реализация факультативных макрокомпонентов специализируется на специфических коммуникативных условиях, чувствительных к влиянию определенных факторов. Вследствие этого необходимо: определить эти факторы, изучить их влияние, выявить средства их реализации в тех или иных условиях.

Текстотипологическими характеристиками личного письма являются: жёсткая структура, с одной стороны, и тематическая вариативность – с другой. В то же время характер влияния коммуникативно-прагматических факторов на содержательную и синтаксическую структуру личного письма остаётся до конца не ясным.

К факторам, которые обусловливают порождение текста, можно отнести следующие: адресант, адресат, некоммуникант, разные типы ситуаций, интенция адресанта и др. В данном исследовании мы рассматриваем ситуацию неопределённости и пограничную ситуацию, поскольку они характеризуют ситуацию, в которой порождаются изучаемые письма Д. Бонхёффера.

Стратегия — это коммуникативный план речевого действия, которому следует адресант текста для решения определённой когнитивной и коммуникативной задачи. Стратегии бывают разных типов. Применительно к изучаемым текстам предполагается, что в условиях тюремного заключения реализуются следующие типы стратегий: аргументативные, суггестивные, манипулятивные стратегии. Аргументативные стратегии предполагают логически выверенную, интеллектуальную реакцию адреса-

та. Суггестивные стратегии направлены на изменение психоэмоционального состояния адресата ради его пользы, например, чтобы утешить или что-либо ему внушить. Манипулятивные стратегии в отличие от суггестивных предполагают стремление адресанта получить что-либо от адресата помимо его воли.

Для реализации разного типа стратегий используются определённые языковые средства. Так, аргументативные стратегии предполагают наличие сложносочинённых предложений причины и следствия, апелляцию к авторитетам, систему логических доказательств. Суггестивные стратегии реализуются с помощью таких средств и способов, как риторические вопросы, намёки, восклицания, конструирование виртуального хронотопа. Для реализации манипулятивных стратегий используютя такие способы, как умолчание, эмоциональное воздействие, помещение истинных фактов в ложный контекст.

Изучение специальной литературы и обоснование теоретического фундамента позволяет осмыслить последовательность исследовательских шагов при анализе текста:

- через изучение спциальной литературы определить инвариантную структуру типа текста «личное письмо», сложившийся в качестве конвенционального образца в немецкой языковой культуре;

- установить порядок следования обязательных и факультативных макрокомпонентов в пределах инварианта;

- предложить инварианты для отдельных подвидов личных писем конкретного носителя языка и культуры (Д. Бонхёффера);

- исчислить внешние и внутренние по отношению к порождаемому тексту фактору, обусловливающие содержательное, структурное и фукциональное варьирование личного письма;

- выявить структурную и функциональную вариативность личного письма Д. Бонхёффера;

- проанализировать гетерогенные языковые средства, специализирующие на микроуровне на отдельные параметры коммуникативной ситуации;

- исчислить средства и способы реализации дискурсивных стратегий, в ходе чего порождаются различные виды личных писем Д. Бонхёффера;

- описать идиостилистические особенности личного письма Д. Бонхёффера через их сопоставление с конвенциональными способами порождения личного письма;

- формулировать вероятные корреляции между параметрами ситуации, в которой порождаются личные письма Д. Бонхёффера, внешним и внутренним по отношению к тексту, типом дискурсивной стратегии и характером коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой коммуникантами, с одной стороны, и особенностями языковых средств, используемых при порождении соответствующих текстов, с другой.

Глава 2. Особенности функциональной, семантической, синтаксической, тематической организации личных писем Дитриха Бонхёффера

Эпистолярное наследие Дитриха Бонхёффера велико: самые ранние письма относятся к 1918 г., последние – к концу 1944 г. Письма Д. Бонхёффера, несомненно, отражают разнообразные особенности его личности, и многоаспектный анализ организации его писем позволяет, конечно же, лучше охарактеризовать его деятельность, широту его эрудиции и взглядов. Помимо огромного количества личных писем разным адресатам (см. письма в разные периоды в [DBW VIII; DBW IX: 9-172; DBW X: 15-282; DBW XI: 13-122; DBW XII: 15-150; DBW XIII: 11-288; DBW XIV/1: 39-304; DBW XV: 13-300; DBW XVI: 15-468 и др.]), наследие Д. Бонхёффера содержит также многочисленные труды в монологической форме: богословские и художественные сочинения, статьи, лекции, эссе, проповеди и другие работы на разные темы.

Изучаемые письма из Тегельской тюрьмы, написанные в период с апреля 1943 по февраль 1944 г., представляют собой адекватный материал для изучения влияния факторов «ситуация неопределенности», «пограничная ситуация», исчисленных дедуктивно, на выбор адресантом языковых средств для решения когнитивных и коммуникативных задач. Это обусловлено тем, что в специальной литературе пока ещё нет лингвистических исследований, в которых бы изучалось влияние названных факторов «ситуация неопределенности» (см. подробнее § 1.6.1) и «пограничная ситуация» (см. подробнее § 1.6.2) на использование языка коммуникантами. Кроме того, избранный материал является адекватным для изучения влияния фактора «некоммуникант» на организацию межличностного взаимодействия и на выбор языковых средств в этих условиях, что также остаётся актуальной лингвистической задачей.

В 1949 г. письма Д. Бонхёффера из тюрьмы были впервые опубликованы Э. Бетге в сборнике под названием «Widerstand und Ergebung» / «Сопротивление и покорность». Оригинальные богословские идеи, высказанные Д. Бонхёффером в дружеской переписке с другом Э. Бетге, вызвали серьезный резонанс со стороны многих теологов и впоследствии существенно повлияли на развитие западного богословия 2-й половины XX века [Feil 1977: 19; Метаксас 2012: 524; София-Логос 2006: 120]. Естественно, что в результате

публикации писем возник большой интерес к богословию и личности Д. Бонхёффера. Поэтому Э. Бетге решил издать его другие значимые сочинения. Изучаемый сборник писем «Widerstand und Ergebung» опубликован и переведён более чем на 16 языков мира [DBW I: IX], в том числе и на русский [Бонхёффер 1994].

На содержание писем влияет фактор «адресат». В письмах родителям Д. Бонхёффер затрагивает преимущественно бытовые темы, общие семейные вопросы. Письма возлюбленной посвящены отношениям с любимой, в них отражены эмоциональные переживания автора писем. Письма следователю носят особый характер, поскольку они являются личными письмами, однако при этом они написаны официальным стилем с использованием пропагандистской риторики, характерной для того времени. Максимальное тематическое разнообразие характерно для писем другу: философские, богословские темы, личные переживания, рефлексия на собственные поступки, эмоциональное состояние, обсуждение личных вопросов, например, предстоящая предполагаемая женитьба и в этом отношении – особенности отношений с возлюбленной и свекровью.

Содержание писем различается также по периодам заключения. Так, в начале заключения Д. Бонхёффер не затрагивает глубоких философских тем. Однако, сознавая скорый конец, Д. Бонхёффер пишет другу теологические письма, подробно анализируя свои богословские идеи, понимая, что, возможно, это для него последняя возможность поделиться с другом и с другими людьми своими размышлениями. Письма следователю Д. Бонхёффер пишет только тогда, когда это необходимо для следствия – в конце периода допросов (см. подробнее о личности Д. Бонхёффера в приложении 1).

2.1. Анализ личных писем Дитриха Бонхёффера из Тегельской тюрьмы

Целесообразно выявить особенности личных писем Д. Бонхёффера в зависимости от фактора «адресат». Находясь в Тегельской тюрьме, Д. Бонхёффер использовал возможность писать письма родителям так часто, как это позволяло гестапо: сначала только раз в десять дней, письма должны были занимать при этом один лист [DBW VIII: 3]. Затем, после окончания периода допросов, он писал через каждые четыре дня. Через полгода Д. Бонхёффер наладил нелегальную переписку с другом Э. Бетге. Д. Бонхёффер пе-

редавал письма другу через дежурного офицера, который доставлял письма адресатам контрабандой [Метаксас 2012: 501; Lange 2012: 59]. Под следствием Д. Бонхёффер получил официальное разрешение на переписку только с родителями и возлюбленной [DBW VIII: 4]. Письма Д. Бонхёффера из тюрьмы включают письма невесте (июнь 1943 – декабрь 1944 гг.), они были опубликованы лишь в 90-х годах XX века. Часть этих писем была подвержена цензуре гестапо, часть – нет [Bethge 1970: 940].

Д. Бонхёффер очень ценил общение с Э. Бетге, и если перед всеми остальными Д. Бонхёффер считал своим долгом быть сильным и утешать других, исполняя свое пасторское служение, то от Э. Бетге он и сам получал помощь, поскольку именно тот стал исповедником и другом Д. Бонхёффера уже во время учебы в семинарии в Финкенвальде [Метаксас 2012: 520]. Первые полгода заключения Д. Бонхёффер ничего не писал Э. Бетге, поскольку надеялся на скорое освобождение из тюрьмы и личную встречу с другом.

Своим братьям и сёстрам Д. Бонхёффер передавал приветы в письмах родителям. Письма родителям (апрель 1943 – январь 1945 г.) проходили через цензуру гестапо, и Д. Бонхёффер об этом знал. Родители также учитывали это обстоятельство, и некоторые высказывания в письмах оформлялись специально для следователя (см. пример 1 в приложении 3)[13].

Известно, что сообщения, которые касались вопросов следствия, родители передавали Д. Бонхёфферу в книгах, используя заранее установленные шифры [Метаксас 2012: 500]. Учитывая, что письма родителям подвергались цензуре, а письма другу могли быть перехвачены гестапо, политические вопросы Д. Бонхёффер почти не затрагивает ни в письмах родным, ни в письмах другу [Метаксас 2012: 501].

Всего за время заключения Д. Бонхёффер написал 122 личных письма, которые составили основной материал настоящего исследования.

По содержанию письма Д. Бонхёффера можно условно разделить на следующие виды в зависимости от цели коммуникации и характера коммуникативных и когнитивных задач: письмо-поздравление с праздником, бытовое письмо, теологическое письмо,

[13] Часть примеров вынесена в приложение по двум причинам: во-первых, в разных параграфах использованы ссылки на одни и те же примеры, во-вторых, цитаты имют большой объём. Небольшие по объёму примеры включены в текст работы.

письмо-сообщение, письмо-завещание. Стихотворения, молитвы, философские и теологические размышления могут пересекаться в тексте одного письма в виде макрокомпонентов (см. Таблицы 3 и 4 ниже).

Таблица 3

Реализация факультативных макрокомпонентов, не интегрированных в текст письма, в зависимости от фактора времени написания

	Факультативные макрокомпоненты								
Период заключения	Predigt	Gebet	Die theologischen Aufzeichnungen	Entwurf	Gedicht	Notizen	Testament	Bericht	Grüße
Апрель - июль 1943	(венчальная)	–	–	–	–	2	–	–	–
Август 1943-апрель 1944	–	+	–	–	–	–	2	2	+ Weinachtsgruß
Апрель – июль 1944	(на крещение Д. Бетге)	–	+	–	5	3	–	1	–
Июль 1944-февраль 1945	–	–	+	+	5	3	–	–	–

В данной таблице цифры называют количество писем с макрокомпонентами, не интегрированными в текст. Условные обозначения: ++ наиболее часто; + часто; ± вероятно; – данная функция не выявлена

Таблица 4

Реализация факультативных макрокомпонентов, интегрированных в текст, в зависимости от характера отношений между коммуникантами

Адресат	Факультативные макрокомпоненты					
	Философский	Теологический	Музыковедческий	Лирический	Искусствоведческий	Бытовой
Друг	+	+	+	+	+	+-
Родители	-+	-+	+	+	+	+
Возлюбленная	-+	-+	-	+	-+	-
Следователь	-	-	-	-	-	-

В зависимости от адресата можно выделить разные виды писем: дружеское, семейное, любовное, письмо третьим лицам (официально-деловое). Типология анализируемых писем в зависимости от адресата, в соответствии с классификацией Н. А. Ковалёвой [Ковалёва 2002], представлена в Таблице 5 (см. ниже).

Таблица 5

Обобщение типов писем Д. Бонхёффера
в зависимости от фактора адресата

Адресаты	Типы писем			
	Семейное	Любовное	Дружеское	Третьим лицам (официально-деловое)
Родители	++	_	_	_
Мать	_	_	_	_
Отец	_	_	_	_
Сестра	+	_	_	_
Племянник	+	_		_
Возлюбленная	+_	++	_	_
Свекровь	_	_		_
Друг	_	_	+	_
Друг и жена	_	_	+	_
Следователь	_	_	_	+

Первое послание другу содержит сразу четыре текста. Письма: за 26.11, 28.11, 29.11, 30.11 [DBW VIII: 210]. Весь объём писем Эберхарду Бетге составляет около 200 мелко исписанных страниц, датированных с ноября 1943 по август 1944 г.

В ходе анализа было рассмотрено 34 письма родителям, 47 писем другу, 26 писем возлюбленной, 10 писем следователю М. Рёдеру, единичные письма свекрови Руфи фон Ведемайер, Гансу фон Донаньи, Урсуле Шляйхер. Д. Бонхёффер адресовал 6 писем Эберхарду и Ренате Бетге. Одно письмо адресовано лично Ренате Бетге и написано в честь рождения сына. Таким образом, всего он написал 54 дружеских письма в период с ноября 1943 по август 1944 г. [DBW VIII: 7].

Некоторые письма другу объединены общим обращением и подписью, но написаны в течение нескольких дней, например, письма за период с 26 по 30.11.1943 г.[14] Такие тексты рассматриваются как одно письмо, поскольку их совокупность обнаруживает все текстотипологические признаки письма, т. е. такие макрокомпоненты, как начало и

[14]Необходимо напомнить, что Д. Бонхёффер передавал письма другу нелегально через охранников тюрьмы [Метаксас 2012: 495].

конец письма, которые полностью соответствуют конвенциям оформления личного письма, принятым в немецкой языковой культуре, и обрамляют сразу несколько текстов, написанных адресантом в разные дни.

Письма другу количественно превышают письма родителям и возлюбленной. Если иметь в виду длину писем и тот факт, что одно письмо другу может состоять, по сути, из нескольких частей, написанных в разные дни, то можно сделать вывод, что основным адресатом писем Д. Бонхёффера является Эберхард Бетге.

Письма следователю М. Рёдеру являются непривычным для русского читателя примером личного письма следователю. Следует отметить, что в немецком судебном дискурсе допускается такой формат общения между подсудимым и следователем.

При изучении писем Д. Бонхёффера из заключения выявляется, что стиль, тематика писем зависят от фактора «ситуация», что важно учитывать, поскольку степень неопределённости ситуации определяется обстоятельствами заключения.

Исследователи эпистолярного наследия Д. Бонхёффера делят период заключения на несколько этапов: 1) Zeit der Verhöre / Время допросов. Апрель – июль 1943 г.; 2) Warten auf Prozess / Ожидание судебного процесса. Август 1943 – апрель 1944 г.; 3) Überdauern bis zum Umsturzversuch / Ожидание попытки переворота. Апрель – июль 1944 г.; 4) Nach dem Scheitern / После неудачного покушения на Гитлера. Июль 1944 – февраль 1945 г. [DBW VIII: 13]. Третий и четвертый периоды связаны с покушением на Гитлера, попытка которого состоялась 20 июля 1944 г. и прошла неудачно.

В первый и второй периоды заключения Д. Бонхёффер жил надеждой на скорое освобождение из тюрьмы. Период допросов и ожидания решения – это однозначно ситуация неопределённости, а в некоторые моменты ситуацию можно охарактеризовать как пограничную, поскольку в тюрьме часто случались воздушные атаки, во время которых существовала реальная опасность гибели всех находившихся в здании тюрьмы.

Третий период связан, с одной стороны, с пониманием, что уголовный процесс не закончится скорым освобождением. С другой стороны, у Д. Бонхёффера появляется новая надежда на освобождение в связи с предстоящим 20 июля 1944 г. покушением на Гитлера и подготовкой переворота. Данный период связан с интенсивной теологической работой, о которой он писал в письмах своему другу Э. Бетге.

После покушения на Гитлера Д. Бонхёффер понимал реальную угрозу смерти и готовился к побегу из тюрьмы. В начале октября 1944 г. начались аресты его друзей и родственников, и чтобы не навлечь ещё большую беду на свою семью, Д. Бонхёффер отказался от побега, сознательно приняв приближающуюся смерть. В этой связи нужно кратко охарактеризовать периоды заключения и описать эмоциональное состояние Д. Бонхёффера как фактор влияния на выбор языковых средств.

Тексты писем имеют уникальные черты, которые и делают их крайне интересными с лингвистической точки зрения. Обращают на себя внимание прежде всего следующие особенности:

(1) высокая степень гетерогенности в содержательном и формальном отношении;
(2) сложная организация отдельных текстов, а также высокая плотность межтекстовых связей;
(3) высокая степень тематической однородности всего комплекса текстов, порожденных одним адресантом на протяжении полутора лет и адресуемых разным адресатам: единичным и коллективным.

Всё это требует объяснения и понимания и, следовательно, тщательного изучения текстограмматическими приемами. Это решение обусловлено тем, что, во-первых, в фокусе исследования оказывается результат речемыслительной и коммуникативной деятельности – текст, т.е. тематическое, функциональное, интенциональное, содержательное, структурное, композиционное единство и иерархически организованная целостность. Во-вторых, все элементы текста подчинены решению одной коммуникативной и когнитивной задачи. Другими словами, все разнородные механизмы вербализации подчинены реализации текстограмматических категорий. В-третьих, идиостилистические особенности текстов Дитриха Бонхеффера наиболее ярко проявляются на макротекстовом уровне, поскольку коммуникативно-прагматические факторы влияют на членимость текста, длину, тематику, структуру, в меньшей степени затрагивая синтаксическую и семантическую организацию текста на микроуровне. Этим и объясняется акцент на осмысление особенностей макротекстовой организации личных писем.

Помимо писем родителям и Э. Бетге Д. Бонхёффер пишет несколько писем родным по определенному поводу, а именно письма ко дню рождения или по поводу кре-

щения Дитриха Бетге, новорожденного сына Э. Бетге. Это обстоятельство позволяет сформулировать гипотезу о том, что структура письма будет зависеть от ряда факторов: (1) степень психологической близости; (2) такой психологический фактор, как доверие; (3) степень владения адресантом конвенциональным образцом оформления письма; (4) знакомство с нормами ожидания, принятыми в немецкой языковой культуре; (5) профессионализм и особенности личной идентичности автора писем; (6) степень явности и полноты отображения в письме истории взаимоотношений между коммуникантами. Таким образом, через многоаспектный комплексный анализ можно получить довольно чёткое представление, как развивается мысль адресанта, как структурируется информационный поток в текстовом пространстве (см. Таблицу 6 ниже).

Значительная часть данного исследования посвящена анализу писем родителям, другу и возлюбленной. В данном разделе кратко охарактеризуем письма единичным адресатам.

Таблица 6

Количественный анализ писем Д. Бонхёффера разным адресатам

Период создания / Адресат письма	Руфь фон Ведемайер (свекровь)	Ганс фон Донаньи (муж сестры)	Урсула Шляйхер (сестра)	Ганс Вальтер Шляйхер (муж сестры)	Рената Бетге (жена друга)	Эберхард Бетге (друг)	Эберхард и Рената Бетге	Мария фон Ведемайер (возлюбленная)	Карл Б. (отец)	Паула Б. (мать)	Карл и Паула Бонхёффер	Рёдер (следователь)
Апрель-июль 1943 г.	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–	10	8
Август 1943-апрель 1944 г.	1	–	–	–	1	16	2	17	1	–	20	–
Апрель-июль 1944 г.	–	–	1	1	–	21	4	4	–	–	1	–
Июль 1944-февр. 1945 г.	–	–	–	–	–	10	–	4	–	1	1	–
Всего	1	1	1	1	1	47	6	26	1	1	32	8

Гансу фон Донаньи – мужу родной сестры Д. Бонхёффера – адресовано единственное письмо от 5.5.1943 г., оно является ответом на письмо Донаньи от 23.4.43. В августе 1939 г. Г. фон Донаньи работал в центральном отделении службы абвер за грани-

цей под руководством Ф. В. Канариса и руководителя подразделения полковника Ганса Остера. Вел конспиративную деятельность в движении сопротивления и погиб в лагере Захсенхаузен в 1945 г. Письмо Ганса фон Донаньи Д. Бонхёфферу играло важную роль в процессе следствия и по своей сути было адресовано следователю М. Рёдеру, чтобы «подыграть» Д. Бонхёфферу в его роли несмышлёного пастора [Метаксас 2012: 498], что ещё раз указывает на важность рассмотрения фактора «некоммуникант» на примере личных писем.

Единственное письмо Руфи фон Ведемайер от 10.04.1944 – матери Марии фон Ведемайер, возлюбленной Д. Бонхёффера – написано ко дню её рождения.

Письмо Урусле Шляйхер, родной сестре Д. Бонхёффера, которая была замужем за Рюдигером Шляйхером, направлено в связи с крещением Дитриха, сына Э. Бетге. Бонхёффер сообщает, что кто-то передаст им подарок от крестного через охранника Тегельской тюрьмы [DBW VIII: 437-438].

В письме от 2.6.1944 г. Гансу-Вальтеру Шляйхеру – сыну Урсулы и Рюдигера – Д. Бонхёффер расспрашивает о жизни племянника, интересуется, не тяжело ли Вальтеру общаться со сверстниками [DBW VIII: 457-459].

Письма Эберхарду и Ренате Бетге написаны в связи с рождением и крещением их сына во время тюремного заключения Д. Бонхёффера.

Основными адресатами Д. Бонхёффера остаются родители, возлюбленная и друг, которому в третий период заключения Д. Бонхёффер писал почти каждый день. Всего два письма адресованы отдельно Карлу и Пауле Бонхёффер. Эти письма Д. Бонхёффер писал на день рождения родителей. Личное письмо своей матери Пауле Бонхёффер Д. Бонхёффер пишет 28 декабря 1944 г. перед днем её рождения 30 декабря. Карлу Бонхёфферу сын пишет поздравительное письмо в день рождения. В данном письме Д. Бонхёффер вспоминает, как отмечали дома 75-летие отца год назад. Письмо не так эмоционально, как текст, написанный матери. Отцу он пишет о противостоянии в трудной ситуации. Начало и конец данных писем разным адресатам соответствуют конвенциям немецкого языка.

Рената Бетге, жена друга Д. Бонхёффера, получает письмо в связи с рождением ребёнка, которого решили назвать в честь Бонхёффера Дитрихом. Д. Бонхёффер также

адресует шесть писем Ренате и Эберхарду Бетге, из них два письма написаны в связи с рождением и четыре в связи с крещением ребенка.

Одной из важнейших особенностей личной переписки является наличие в личном письме частей, содержательно и формально выпадающих из конвенциональных представлений о письме. Эти части описываются в настоящей работе как факультативные макрокомпоненты, т.к. они не присутствуют во многих письмах (см. обобщение в Таблицах 3, 4). Характерно, что факультативные макрокомпоненты встречаются преимущественно в письмах другу Э. Бетге (см. подробный анализ факультативных макрокомпонентов в § 2.1.1.2 данной главы).

Подводя итог размышления о структуре и типологии личных писем Д. Бонхёффера можно определить, что тематическая структура его письма зависит от таких факторов, как доверие, профессионализм, особенности личностной идентичности, история взаимоотношений между коммуникантами, а также от степени психологической близости между ними. Данные факторы, очевидно, обусловливают выбор языковых средств для решения коммуникативных и когнитивных задач.

Переписка в изучаемый период, несмотря на официальную строгость тюремного заключения и ограниченность адресатов и количества писем, является разнообразной по адресатам и включает нелегальные письма другу и письма возлюбленной, часть которых является официальной, часть — контрабандной. Письма разным адресатам написаны в соответствии с конвенциями оформления немецкого личного письма. Письма родителям, другу, возлюбленной и следователю требуют более детального рассмотрения, поскольку их гораздо больше количественно, и данные письма крайне гетерогенны по своей формальной и содержательной структуре.

2.1.1. Макроструктура личных писем Д. Бонхёффера

В 1 главе было обосновано, что макротекстовый анализ данных писем представляется наиболее адекватным способом изучения писем Д. Бонхёффера в контексте изучения коммуникативных стратегий, потому что такой анализ помогает рассмотреть текстотипологические особенности типа текста «личное письмо», а также выявить логические связи между разными – нередко несочетаемыми друг с другом – компонентами текста.

Перечисленные параметры обусловливают выбор адресантом коммуникативных стратегий и средств их реализации.

Макроструктура личных писем Дитриха Бонхёффера неоднородна и содержит обязательные и факультативные макрокомпоненты. Обязательными макрокомпонентами личного письма являются место и дата, обращение, сообщение, окончание письма и подпись (анализ обязательных макрокомпонентов в письмах Д. Бонхёффера см. в § 2.2.1.1.). Наличие факультативных макрокомпонентов обусловлено рядом внешних и внутренних по отношению к тексту факторов. Главным образом следует признать владение адресантом конвенциями порождения писем разного типа, умение конструировать языковыми средствами разные виды реальности, переключая внимание адресата на разные признаки воспринимаемого, и умение варьировать механизмами вербализации при объективации того или иного комплекса сведений (см. анализ факультативных макрокомпонентов в § 2.2.1.1.2.).

Как показал анализ, на наличие или отсутствие факультативных макрокомпонентов в письме влияют разные факторы. Это, прежде всего, коммуникативная роль адресанта, который последовательно выступает в разных ипостасях: как сын, как заключенный, подсудимый, как пастор и др. Характер отношений – симметричный или несимметричный — между адресантом и адресатом также обусловливает появление в тексте тех или иных макрокомпонентов и последовательность их появления в текстовом целом. Симметричные отношения свойственны для переписки: Д. Бонхёффера с его другом Э. Бетге, Д. Бонхёффера и братом сестры Ганса фон Донаньи, Д. Бонхёффера и его сестрой Урсулой Шляйхер, Д. Бонхёффера и Марии фон Ведемайер, возлюбленной.

Асимметричные отношения, направленные от адресанта к адресату, прослеживаются в коммуникации между Д. Бонхёффером и его племянником.

Асимметричные отношения, направленные от адресата к адресанту, относятся к переписке между Д. Бонхёффером и родителям Карлу и Пауле Бонхёффер, Д. Бонхёффером и свекровью Руфи фон Ведемайер, Д. Бонхёффером и следователем М. Рёдигером.

Характер отношений между коммуникантами может стать и тематической доминантой в письмах. Так, об отношениях с родителями Д. Бонхёффер размышляет в письме

возлюбленной и делает вывод, что эти отношения отличаются от дружеского общения и не могут быть симметричными (см. пример 2).

Отношения с другом можно охарактеризовать как симметричные, но в них присутствуют некоторые особенности. С одной стороны, Д. Бонхёффер был ректором семинарии, в которой учился Э. Бетге, и стал старшим другом Э. Бетге. С другой стороны, Э. Бетге также стал лучшим другом Д. Бонхёффера, и за годы общения и совместных поездок отношения между ними приобрели, очевидно, симметричный характер. В то же время признаки асимметрии отношений можно наблюдать и в другую сторону, поскольку в первом письме Д. Бонхёффер просит Э. Бетге быть его пастором и прочитать его исповедь [DBW VIII: 186].

Серьёзное воздействие на организацию коммуникации имеет такой фактор, как «некоммуникант», т. е. третье лицо, не являющееся непосредственным участником коммуникации: изучаемые письма порождались с учетом цензуры [Метаксас 2012: 500]. Следует подчеркнуть, что обстоятельства тюремного заключения по-разному отражались в письменном наследии Д. Бонхёффера. Так, в последние два периода заключения (см. Таблицу 6), когда Д. Бонхёффер уже долгое время не виделся с другом и родными, а ситуация была неопределенной (3-й период) и пограничной (4-й период после провала покушения на Гитлера), Д. Бонхёффер довольно полно, явно и определенно выражает свои переживания в связи с высокой вероятностью казни в своих стихотворениях и теологических письмах.

Анализ писем Д. Бонхёффера позволяет выявить несколько способов включения факультативных макрокомпонентов в текст личного письма: интеграция в текст и приложение к тексту. В первом случае факультативные макрокомпоненты, распознаваемые по изменению семантической и синтаксической организации (см. подробнее § 2.2.1.2 о факультативных макрокомпонентах) текстовой ткани, образуют вкупе с обязательными макрокомпонентами содержательное, функциональное и интенциональное единство. Во втором случае факультативные макрокомпоненты — как правило, это один, но развернутый, — существуют достаточно автономно от обязательных макрокомпонентов, которые, однако, содержат определенные формальные и содержательные отсылки к факультативным макрокомпонентам (пример 24).

Основным показателем перехода от одного макрокомпонента к другому служит абзац (см. подробнее о характеристике личного письма в § 1.3). Как отмечает О. И. Москальская, пограничными сигналами между сверхфразовыми единствами служит нарушение непрерывности тематической прогрессии [Москальская 1981: 37]. Основным маркером смены темы в письмах Д. Бонхёффера также является абзац, а также вводные слова, например: *nun, eben* и др. Характерно, что выбор способа маркировать тематические переходы зависит от адресата и типа отношений между автором письма и адресатом (пример 55 и пример 71). Так, особенностью писем Д. Бонхёффера другу является постскриптум.

В письмах родителям Д. Бонхёффер только упоминает о библейских текстах для медитации, в то время как некоторые письма другу представляют собой медитацию как таковую, расширяя и обогащая тем самым тематическое и содержательное разнообразие текста личного письма (см. пример 5).

Таким образом, абзац и вводные слова следует признать доминирующими маркерами тематического перехода. В письмах родителям новая тема маркируется только абзацем, что правомерно трактовать как показатель следования конвенциональной структуре личного письма.

Обобщая наблюдения под названным углом зрения, можно констатировать, с одной стороны, что макроструктура писем Дитриха Бонхёффера соответствует конвенциям организации личного письма в немецкой языковой культуре, с другой – разнообразные особенности анализируемых писем появляются под влиянием таких факторов, как пограничная ситуация тюремного заключения, ситуация неопределенности, тип отношений между коммуникантами (симметричные или асимметричные отношения между адресантом и адресатами писем), а также высокая степень интеллектуальности обеих сторон дистанционного общения, глубина веры и высокий профессионализм автора писем.

Нет сомнения, что такие конвенциональные макрокомпоненты, как дата, обращение, тема, основное содержание, прощание, подпись, являются обязательными макрокомпонентами, в то время как искусствоведческие, теологические макрокомпоненты, а также приложения к письмам, содержащие стихотворения, проповеди, молитвы, заметки, правомерно характеризовать как факультативные марокомпоненты, которые могут и

не интегрироваться в текст письма (о принципах вычленения макрокомпонентов см. подробнее § 1.2).

2.1.1.1. Обязательные макрокомпоненты

Анализ писем Д. Бонхёффера показал, что макрокомпоненты, свойственные личному письму: (место) дата – обращение – содержание – прощание – подпись (ср. (Ort und) Datum – Anrede – Briefanschluss – Unterschrift) [URL: duden.de], присутствуют в подавляющем большинстве изучаемых писем. Место написания писем Д. Бонхёффер не указывает ни в одном письме, поскольку оно хорошо известно адресатам – это Тегельская тюрьма. Остальные обязательные макрокомпоненты присутствуют во всех изучаемых письмах.

В этой связи целесообразно начать подробную характеристику обязательных макрокомпонентов с анализа той части письма, где называется дата написания письма. Следует заметить, что, несмотря на довольно ограниченную вариативность при выборе способов обозначения указанных сведений, Д. Бонхёффер всё-таки варьирует возможные способы выражения обязательных макрокомпонентов. Так, в шести письмах другу, относящихся к 1944 г., не проставлена дата, что, возможно, связано с высокой частотой написания писем другу в данный период. В двух письмах Ренате и Эберхарду Бетге, а также Урсуле Шляйхер в мае 1944 г. дата также не проставлена автором, поскольку они написаны по определенному поводу, а именно в связи с крещением сына Ренаты и Эберхарда, т. е. дата выводится из естественной хронологии, известной обоим коммуникантам.

В письмах, написанных на праздник, вместо даты часто содержится отсылка к соответствующему празднику, что, очевидно, является косвенным способом обозначения точной даты, поскольку оба коммуниканта владеют сведениями о церковном календаре, например: *Lätare, 2. Advend, Pfingsten* и т.д.

Место написания письма Д. Бонхёффер, как сказано выше, не подписывает ни в одном письме, поскольку это избыточно — ведь его местонахождение было слишком хорошо известно адресатам писем.

Следующим в макросинтаксисе письма является макрокомпонент «обращение», из которого читатель извлекает важную для себя информацию, в том числе и об эмоциональном состоянии адресанта в момент написания письма, а также и о характере отношений между коммуникантами.

Следует обратить внимание на важную особенность: многие письма другу, датированные разными днями, объединены общими обязательными макрокомпонентами: одним приветствием и одной подписью. Это связано с возможностью отправки писем адресату посредством налаженной Д. Бонхёффером нелегальной переписки, минующей цензуру, о чем сообщают исследователи его письменного наследия и биографы [DBW VIII: 5; Bethge 1970: 940].

Следующим по порядку расположения в тексте является макрокомпонент, в котором адресант излагает то, что ему хотелось бы обсудить с адресатом. Тематика этого макрокомпонента значительно варьируется в зависимости от адресата, от типа письма, а также от периода написания письма. Большие тематические блоки, необязательные для личного письма, трактуются здесь как факультативные макрокомпоненты (см. подробнее § 2.2.1.2.).

Письма Д. Бонхёффера написаны в соответствии с конвенциями оформления немецкого письма. Их стиль обусловлен факторами «адресант» и «адресат». Интерес представляют идиостилистические особенности, к которым в первую очередь можно отнести следующие признаки:

- доминирующий тип предложения: сложные с преобладанием гипотаксиса. Особенно сложный синтаксис характерен для писем следователю, однозначно сооветствующих официально-деловому стилю, принятому в немецкой языковой культуре (пример 123);

- специальная философская, теологическая лексика (примеры 16, 17, 19). К стилистическим фигурам Д. Бонхёффер прибегает редко в личных письмах: встречаются метафоры (пример 129), лексика с пометой „gehoben“ в личных письмах (*Anfechtung*: примеры 76, 84). В письмах другу иногда используется сниженная лексика (*verdammt*: пример 3, *Scheußlichkeit*: пример 3, 96);

- использование неопределённо-личных конструкций нейтрализует эмоциональный накал узника нацистской тюрьмы, что особенно характерно для писем родителям;

- в письмах преобладают повествовательные предложения, однако в ряде случаев Д. Бонхёффер использует также восклицательные и вопросительные предложения для выражения своего эмоционального состояния (см. примеры 64, 67) и в качестве средства реализации суггестивных стратегий утешения (см. пример 59). В тематических (теологических, посвященных размышлению о музыке) письмах вопросительные предложения являются средством реализации аргументативной стратегии (см. примеры 8, 20, 21, 77), в письмах следователю –суггестивно-аргументативной (пример 124);

- для писем Д. Бонхёффера характерно доминирование подчинительного типа логической связи между частями сложных предложений. Семантика этой связи различна: причина, следствие, темпоральная, условная наиболее частотны (примеры 99, 105, 114, 125).

Прощание является важным макрокомпонентом, в котором особенно выражена контактоустанавливающая функция письма. Прощание выражает характер и особенности взаимоотношений между коммуникантами (см. примеры 47, 48, 49).

Последним по порядку обязательным макрокомпонентом является подпись, которая выражена именем адресанта в полном или сокращённом варианте, а также какое-либо его качество, важное для собеседника, например: *dein treuer Dietrich* (другу); *Von eurem dankbaren Dietrich* (родителям); *Dich umarmt Dein Dietrich, der sich von einem Brief auf den anderen freut!* (возлюбленной).

Обобщая первичные наблюдения над организацией писем Д. Бонхёффера, необходимо подчеркнуть, что его письма вполне соответствуют конвенциям типа текста «личное письмо»: в них присутствуют все основные составные части этого типа текста, и стилистические параметры соответствуют всем нормам, описанным в этом формате общения. Анализ писем показал, что Д. Бонхёффер не меняет порядок следования основных макрокомпонентов личного письма.

Выбор темы в письмах Д. Бонхёффера зависит от адресата и от характера отношений между адресантом и адресатом писем. Объём основной части в свою очередь зависит от темы и цели написания письма. Несмотря на неопределённость и пограничность

ситуации, ясность, точность и логичность изложения очевидно доказывают, что Д. Бонхёффер обладает устойчивым психологическим характером и предельно внимательно относится к адресату, структурируя соответствующим образом сообщаемые сведения своим адресатам в зависимости от цели написания письма, заботится о поддержании своих близких в трудных и опасных для них условиях.

2.1.1.2. Факультативные макрокомпоненты

Очевидной идиостилистической особенностью писем Д. Бонхёффера является наличие в них наряду с обязательными макрокомпонентами, полностью соответствующими конвенциям немецкой языковой культуры, таких макротекстовых образований, которые однозначно выпадают в содержательном и формальном отношении из представлений о том, как структурируется личное письмо. Это обусловлено, с одной стороны, стилистическим разнообразием эпистолярного наследия Д. Бонхёффера, с другой – особенностями ситуации заключения, в которой он хотел поделиться с другом[15] самыми важными размышлениями. Так, в тюремной камере Д. Бонхёффер порождал разные типы текста и прикладывал к личным письмам другу свои стихи, прозу, заметки, эссе, медитации, проповеди.

Поэтому мы различаем макрокомпоненты, интегрированные в текст письма, и макрокомпоненты, приложенные к письму. Последние в наследии Д. Бонхёффера можно распределить на следующие группы: 1) Notizen (заметки) – схематичные выписки из прочитанных книг или наблюдения Д. Бонхёффера; 2) Berichte (сообщения) – сообщения о событиях в тюрьме: сообщение о событиях во время воздушной тревоги и о полугоде, проведенном в тюрьме; 3) Gedichte (стихи) — во время заключения Д. Бонхёффер написал 10 стихотворений, хотя с самой юности не писал стихотворений; 4) Gebete – (молитвы) три молитвы о заключенных, написанных Д. Бонхёффером в 1943 г.[16]; 5) Predigten (проповеди) – Д. Бонхёффер написал две проповеди из тюремной камеры: по случаю

[15] Важно напомнить, что факультативные макрокомпоненты зафиксированы в первую очередь в письмах другу.

[16] Издатели собрания сочинений Д. Бонхёффера объединяют молитвы и стихотворения в один раздел. В данной работе мы, напротив, разделяем молитвы и стихотворения, поскольку они представляют собой разные типы текста, преследуют разные задачи и порождаются по разным поводам.

женитьбы Эберхарда и Ренаты Бетге (Traupredigt aus der Zelle), а также по случаю крещения их сына (Gedanken zum Tauftag); 6) Meditationen (медитации) – а именно размышления на отрывки из Библии, используемые ещё со времени основания Д. Бонхёффером семинарии в Финкенвальде, 7) theologische Aufzeichnungen (теологические записки) – теологические сочинения Д. Бонхёффера, среди которых сохранился набросок книги о «безрелигиозном христианстве» – «Entwurf für eine Arbeit» (см. Таблицу 3).

Некоторые элементы перечисленных макрокомпонентов интегрированы в письма и составляют факультативные маркокомпоненты данных писем, которые условно можно подразделить по тематическому принципу на пять групп (см. Таблицу 4).

Количество факультативных макрокомпонентов варьируется в разные периоды заключения Д. Бонхёффера. Обращает на себя внимание, что максимальное количество факультативных макрокомпонентов характеризует третий и четвёртый периоды заключения. Это, очевидно, обусловлено эмоциональным состоянием адресанта: так, в последние периоды Д. Бонхёффер осознаёт неизбежность скорой смерти и спешит высказать другу самое главное. Важным фактором при этом является адресат и отношения между коммуникантами, поскольку именно для дружеских писем характерно наличие факультативных макрокомпонентов.

Наличие теологического макрокомпонента свидетельствует о реализации двух типов дискурса – теологического и научного (примеры 4, 9). В письмах Д. Бонхёффера присутствуют элементы музыкальной и литературной критики (примеры 20, 86). Основные типы дискурса, о которых можно судить по организации макрокомпонентов в письмах Д. Бонхёффера, следующие: бытовой, научный, теологический.

Для бытового дискурса, наиболее выраженного в письмах родителям, характерны: а) конкретность, наглядность, простота языковых средств выражения (пример 146); б) эмоциональность (пример 59); в) непринуждённость (пример 145) (признаки бытового дискурса см. в [Брандес 1983: 210]) и в то же время для писем Д. Бонхёффера характерны интеллектуальность (пример 15), стремление осмыслять события через библейские образы, которые наиболее близки автору писем (примеры 69, 80), поэтому бытовой дискурс не является доминирующим в письмах Д. Бонхёффера. Такая стилистическая характеристика, как интеллектуальность, проявляется на уровне лексики, словообразования, на

лексико-фразеологическом уровне. Для писем Д. Бонхёффера характерно также частотное обращение к дейктической лексике (пример 13), использование топонимов для активизации воспоминаний (пример 74).

Эмоциональность на лексическом уровне выражается с помощью эмоциональной и эмоционально-оценочно окрашенной лексики и фразеологии; специфику этой лексики образует преобладание негативных или фамильярно «сниженных» и субъективно переосмысленных окрасок [Брандес 1983: 213]; этот признак характерен для писем Д. Бонхёффера другу (пример 3).

В отличие от писем другу в письмах родителям Д. Бонхёффер не употребляет сниженную лексику (пример 96). В письмах возлюбленной этот признак также почти не выражен (пример 71). Письма следователю носят официальный характер, поэтому сниженная лексика в них тоже отсутствует (пример 122, 123).

Особый характер имеют теологические письма другу. Для этих писем свойственны такие характеристики научного дискурса, как употребление общенаучной лексики и терминологии и теологической лексики, которая в письмах Д. Бонхёффера представлена преимущественно заимствованиями из греческого и латинского языков (о признаках научного стиля см. в [Солганик 2013: 186]) (см. Таблицу 7).

Композиция раскрывается в логическом механизме доказательства, который слагается из трех взаимосвязанных элементов: тезиса, доводов (аргументов) и способа доказательств (опровержения) [Брандес 1983: 180]. По замечанию В. Б. Кашкина, традиционное понимание цели научного письма как максимально объективного, четкого и краткого представления данных без выражения своих чувств и эмоций, не подтверждается [Болдырева 2001: 66; Кашкин 2007:17] (ср. [Брандес 1983: 182; Riesel 1975: 292]) (пример 9).

Таблица 7

Заимствования из греческого и латинского языков

Греческий язык
Ανακεφαλιωσις (DBW VIII: 246)
Ανθροπος τελειος (DBW VIII: 303, 511) (см. также в (DBW XII: 325))
ανηρ διψυχος (см. также в DBW VI: 321; DBW XIV: 614)
Δει (DBW VIII: 401) (см. также в DBW IV: 77, 80)
Δος μοι που στω και κιωησω την γην (DBW VIII: 368, 557)
Εκκλησια (DBW VIII: 405)

εσχατοςεχθπος (1Kor 15,26) (DBW VIII: 368
„Sublimierung“ ist σαρζ (und pietisch?!) Wiedererbringung ist Geist und zwar nicht im Sinne von Vergeistigung (was für σαρζ ist) sofern von καινηκτισις durch das πνευμααγιον (Heiliger Geitst) (DBW VIII: 247). Πνευμα gegen σαρζ (DBW VIII: 480 (см. также в Σαρζ DBW II: 119; DBW IV: 299, DBW XII: 318, 331, 344)
Περιτομη – Beschneidung (DBW VIII: 406)
Πολισ (DBW VIII: 353)
Χαρις και ειρηνη! – Gnade und Frieden
Μετανοια (DBW VIII: 535, 542, 653) (см. также в DBW IV 326, DBW VI 351, DBW IX 260)
Συνοδος
Латинский язык
cum grano salis
acedia tristia (DBW VIII:187). Термин встречается уже в ранних работах Бонхёффера в семинарии, потом в 1938 г., в 1942 г. Т. е. для друга этот термин знаком.
Consolatio fratrum – утешение братии (ср. 1Фес 5:14) (DBW VIII: 186)
Der deus ex machina (DBW VIII: 407)
Epistula non erubescit – ein Brief errötet nicht Cicero, (DBW VIII: 566)
esti deus non daretur – auch wenn es keinen Gott gäbe (Гроций) (DBW VIII: 530, 532)
Hilaritas (DBW VIII: 307) – Heiterkeit – веселье
Homo religious
Imitatio Christi (DBW VIII: 246) – название книги Томаса Кемписа
Die perturbato animorum – Verwirrung des Geistes (DBW VIII: 369)
Re-capitulatio (Irenäus) (DBW VIII: 246)
sub conditione Jacobea (DBW VIII: 190)
Notizen: testim spiritus sancti
Sui ipsius interpres (DBW VIII: 480)

Для синтаксиса теологических писем Д. Бонхёффера характерны: 1) простые предложения, в которых предельно чётко и бескомпромисно высказывается мысль (пример 4); 2) сокращения, элипсис (пример 16), указывающие на черновой характер писем, которые являются скорее набросками, чем готовым теологическим эссе, 3) ряды однородных членов, оформляющие ясные логические связи (пример 19); 4) наличие вопросительных и восклицательных предложений (примеры 3, 4, 20, 22). Вопросительные предложения делятся на риторические вопросы, способы выражения эмплицитной диалогичности, характерной для личного письма. В то же время научная деятельность носит диалогический характер [Кротков 2016: 13; Провоторов 2001: 104], и теологические письма Д. Бонхёффера характеризуются имплицитной (пример 9) и эксплицитной диалогичностью (пример 13). Восклицания в данных письмах носят скорее не эмотивную, а смысловую функцию, они указывают на неожиданные открытия и на что важно обратить внимание (примеры 4, 19, 23).

Для осмысления элементов религиозного дискурса в письмах необходимо учитывать, как реализуются следующие стратегии: молитвенная, призывающая к исполнению воли Божьей (в проповедях), аргументативная. Наличие средств реализации аргументативной стратегии определяет дискурс писем Д. Бонхёффера как теологический, а не религиозный, поскольку автор стремится обосновать свою точку зрения, используя богословские и философские аргументы (примеры 4, 17).

Описание принципов организции факультативных макрокомпонентов предполагает изучение общих и специфических особенностей содержательного и формального оформления отдельных частей писем. Все названные выше факультативные макрокомпоненты оформлены согласно конвенциям, значимым для соответствующего типа текста, поэтому границы между обязательным и факультативным макрокомпонентами настолько явны, что следует также признать одной из важных макросинтаксических особенностей идиостиля Д. Бонхёффера.

Если другу Д. Бонхёффер пересылал проповеди, молитвы и другие тексты, несвойственные конвенциональной макросинтаксической организации личного письма, то немногочисленные письма, адресованные родным братьям и сестрам, а также матери невесты написаны, как правило, в форме приветствий ко дню рождения или приветствия на различные церковные праздники (пример 114), которые Д. Бонхёффер высылал также родителям и другу. Эти тексты содержат элементы, свойственные проповеди (пример 61): в них автор размышляет о смысле праздника (см. пример 84). Одно из писем представляет собой поздравление с Рождеством (Weihnachtsgruß) в котором содержатся цитаты из Евангелия, стихотворения на рождественскую тему и нотная строка из рождественской мелодии (пример 147).

Прослеживается также зависимость между текстосемантической и текстосинтаксической структурой писем Д. Бонхёффера, с одной стороны, и характером адресата, с другой (см. Таблицу 4).

Обращает на себя внимание соотношение писем разным адресатам и характера макрокомпонентов, интегрированных в текст письма. Результаты анализа, представленные в таблицах 3 и 4, показывают, что чем ближе эмоциональная связь с адресатом, тем менее гетерогенной является структура письма, и наоборот, чем ближе интеллектуальная

связь адресанта с адресатом, тем более гетерогенной становится структура анализируемых писем. Поэтому письма другу и соратнику являются наиболее гетерогенными. В письмах следователю факультативные макрокомпоненты не встречаются, поскольку письма написаны с целью получить оправдание, и поэтому такие письма максимально следуют конвенциям, принятым в немецкой культуре.

2.1.1.2.1. Теологическая проблематика в письмах Д. Бонхёффера

Теологические размышления составляют существенную часть писем Д. Бонхёффера, что обусловлено его жизнью, профессией, церковным служением, призванием и качественным богословским образованием. К теологическому макрокомпоненту мы относим структуры, свойственные таким типам текста, как проповедь, медитация и теологический трактат.

Названные типы текста соотносятся с религиозным дискурсом. На сегодняшний день лингвисты активно и с разных позиций изучают религиозный дискурс [Анисимова 2013; 2019; Бобырева 2007; Балашова 2015; Орехова 2015; Пиевская 2006; Прилуцкий 2008], религиозный язык и текст [Плисов 2018: 5; Балабушевич 1997: 7], рассматривают проблему религиозного стиля [Гадомский 2008: 21; Plisow 2007]. В лингвистике возникло целое направление «теолингвистика», предметом изучения которой являются религиозные тексты, исследуемые с лингвистических позиций [Гадомский 2008: 22; Бугаева 2016: 295; Плисов 2015b: 62]. Характеристикой религиозного дискурса является более высокая формально-смысловая организация по отношению к обыденной речи. Доминирующей функцией религиозного дискурса следует признать функцию речевого воздействия. Выделяют также общую прескриптивную и деонтическую (апелляция к проблемам нравственности, удержание от преступления Божьих заповедей) функции.

Теологический дискурс является частью религиозного и имеет целью «через размышление о Боге и толкование Священного Писания убедить реципиента в истинности христианского учения» [Романченко 2008: 33]. Исследователи определяют следующие функции теологического дискурса: сакральная, когнитивная, аргументирующая, коммуникативная, просветительско-назидательная. Для теологического дискурса характерна активная, и даже интенсивная, апелляция к прецедентным феноменам из Библии, толко-

вание Священного Писания, догматизм, т. е. опора на христианское вероучение [Романченко 2008: 34], наличие богословской терминологии [Романченко 2008: 36].

Среди критериев разграничения разных типов текста, принадлежащих религиозному дискурсу, можно назвать функцию текста и фактор «адресат». Так, важнейшая функция молитвы — апеллятивная — функция обращения и побуждения, при этом доминирующий тип побуждения в молитве — это побуждение-мольба [Уразаева 2003: 32]. Основная функция проповеди также апеллятивная, но в зависимости от характера аудитории содержание проповеди может существенно варьироваться: она может быть обращена к различной аудитории верующих (догматическая, покаянная, аскетическая функции) или неверующих (миссионерская функция) людей (см. обзор классификаций проповедей в [Плисов 2005: 158]).

Среди изучаемых текстов писем Д. Бонхёффера имеются также медитации, т. е. размышления над строкой из Библии. Такая форма размышления над библейскими текстом была принята в основанной Д. Бонхёффером пасторской семинарии в Финкенвальде и стала для Д. Бонхёффера ежедневным правилом в течение многих лет. Для медитаций характерны черты, свойственный типу текста «проповедь»: инклюзивное *wir* [Плисов 2005: 162], наличие синтаксических повторов, параллелизмов. Но в отличие от проповеди медитация больше направлена на какую-либо сквозную тему и в меньшей степени — на определённого адресата. Императив, наличие модальных глаголов, характерные для проповеди, в медитации могут присутствовать, но очень ограниченно. В синтаксическом отношении для проповеди, медитации и молитвы характерны сложноподчинённые предложения с разными способами связи разной семантики между компонентами сложного предложения. При этом характерная особенность медитации Д. Бонхёффера, как и его проповеди, заключается в том, что в некоторых пассажах он использует простые предложения, которые предельно конкретно выражают мысль (см. пример 4).

Для проповеди, медитации и молитвы характерна сквозная тема, указанная во вступлении или в заглавии (для медитации стих из Библии: *Jes 57, 18 [Da ich iher Wege ansah, heilte ich sie und leitete sie und gab ihnen wieder Trost]* (DBW XVI: 651), для проповеди — повод, о котором говорится во вступлении (см. пример 95), для молитвы — заглавие: *Gebet in besonderer Not*). Тема проповеди, как правило, заявляется во вступлении,

но в письменных проповедях тема или повод могут быть указаны в заглавии (*Gedanken zum Tauftag von D. W. R. Mai 1944* (DBW VIII: 428)). Молитва также может быть посвящена различным темам (*Morgengebet, Abendgebet, Gebet in besonderer Not*).

В отличие от перечисленных характеристик религиозного дискурса теологический сочетает в себе черты религиозного, философского и научного. Для теологического языка Д. Бонхёффера присущи такие черты, как наличие специальной терминологии, преимущественно выраженной заимствованиями из греческого и латинского языков, сложноподчинённых предложений с придаточными цели, причины, условия, следствия, апелляция к авторитетам, дискуссия с современными ему коллегами-теологами, часто несогласие с позициями коллег (примеры 9, 102) (о значении придаточных предложениях для аргументации см. подробнее в [Cortès URL].

Во время заключения Д. Бонхёффер написал две проповеди: на венчание друга Эберхарда Бетге и Ренаты (DBW VIII: 73), а также на крещение их сына, которого назвали в честь Дитриха Бонхёффера. Так, в письме от 18.05.1944 содержится вложение: *«Gedanken zum Tauftag von Dietrich Wilhelm Rüdiger Bethge»* (DBW VIII: 428). Эти тексты по своей семантической и синтаксической структуре и по содержанию соответствуют характеристикам типа текста «проповедь» как первичного жанра религиозной коммуникации [Мечковская 1998: 205]. (О характеристиках данного типа текста и о его идиостилистических особенностях см. подробнее также в [Анисимова 2019; Мечковская 1998: 209; Плисов 2005: 157]).

Вообще текст проповеди характеризуется эмоциональностью, что выражается в использовании лексических средств фасцинации (см. подробнее в [Вайц 2015: 132]). Но проповеди, приложенные к изучаемым письмам Д. Бонхёффера, отличаются нарративным характером; очевидно, это обусловлено их письменной формой порождения. Для них характерно использование терминов, прецедентных феноменов из разных сфер, особенно библеизмов. Д. Бонхёффер прибегает к следующим морфологическим средствам: средства выражения категории лица в теологических текстах разного типа (проповедь, молитва и др.) [Матвеева 2015: 128]; наличие вокативов, императивов [Голубева 2015: 172], инклюзивное *wir* (см. пример 5). При этом названные проповеди имеют конкретного адресата: одна проповедь написана по поводу венчания друга Э. Бетге и Ренаты

Шляйхер, вторая — крещения их сына Дитриха Бетге. Именно поэтому для данных проповедей характерно наличие местоимения *ihr* в первом случае и *Du*[17] во втором.

К текстотипологическим особенностям теологических текстов можно отнести наличие прецедентных феноменов, метафор, фразеологизмов библейского происхождения [Голубева 2015: 118].

Некоторые письма посвящены размышлению над строками Библии. По своей структуре медитация близка к проповеди (см. пример 5), содержит параллелизмы, сложносочинённые предложения. При этом Д. Бонхёффер в своих медитациях осмысляет ситуацию с христианской позиции, используя данный тип текста в письмах другу, для которого такой язык тоже был близок и понятен. Таким образом, в ситуации тюремного заключения элементы медитации в письмах Д. Бонхёффера другу становятся средством реализации суггестивной стратегии.

В 1944 г. Д. Бонхёффер посвятил обсуждению богословской проблемы 11 писем другу, написанных в период с 30.04.1944 по 23.08.1944 г. Как отмечал сам Д. Бонхёффер, это были ещё не до конца проработанные размышления, и чтобы лучше осмыслить затрагиваемые в письмах вопросы, для него важно было встретиться с другом и поговорить лично (см. пример 6). Тем не менее, переписка даёт ему возможность отсроченного диалога с другом и проработки новой темы, на которую Д. Бонхёффер собирался написать книгу.

В этих письмах содержатся большие фрагменты текста, имплицитно диалогичные по своей структуре. Эти письма относятся к третьему и четвертому периодам заключения Д. Бонхёффера, последнему году его жизни, и представляют собой квинтэссенцию его богословской мысли. Вопросы, которые он поднял в этих письмах, являются самыми важными для теологической мысли XX-XXI вв. (см. пример 7). Публикация этих писем сделала Д. Бонхёффера широко известным в Европе и Америке после окончания II мировой войны. Незавершенные размышления на тему безрелигиозного христианства впоследствии получили широкий резонанс среди мыслителей-богословов и имеют на сегодняшний день огромное количество трактовок [Feil 1977: 380-396].

[17] Согласно конвенциям сердины XX в., в письмах местоимения, обозначающие адресата, макрировались большим буквами.

Необходимо отметить, что вопрос осмысления религии и веры Д. Бонхёффер затрагивает уже в одном из первых писем из Тегеля от 5.12.1943 (см. пример 7). Д. Бонхёффер откладывал подробный разбор этой темы, надеясь на освобождение и личное обсуждение этого вопроса с другом. Когда для него стало ясно, что в ближайшее время такая личная встреча вряд ли будет возможна, он начинает описывать свои богословские идеи в личных письмах другу (пример 8).

В данных письмах Д. Бонхёффер развивает концепцию безрелигиозного христианства (*religionsloses Christentum*), согласно которой мир, достигший совершеннолетия (*die mündig gewordene Welt*), больше не нуждается в Боге для того, чтобы объяснить непонятные явления (*deus ex machina*). Д. Бонхёффер, по словам С. С. Аверинцева, противопоставляет религии веру в живого Бога [Аверинцев 2006: 120]. С. С. Аверинцев подчеркивает, что Д. Бонхёффер критикует трактовку, согласно которой Бог мыслится как рабочая гипотеза (*Gott als Arbeitshypotese*), а также попытки «прикрыть» безрелигиозность (*Religionslosigkeit*) современного мира некими религиозными формами. Понятие «религия» для Д. Бонхёффера имеет значение, связанное с метафизическим и индивидуалистическим пониманием, попыткой уйти от задач и проблем, открывающихся перед церковью в этом мире. Он подчеркивает, что Бог действует не на границах, а в центре мира и в центре земной жизни человека (*Gott nicht an den Grenzen, sondern in der Mitte*). Д. Бонхёффер размышляет о безрелигиозной интерпретации библейских понятий (*eine nicht-religiöse Interpretation biblischer Begriffe*). Образ церковной общины он видит в служении для других (*für andere*) по образу Христа. Д. Бонхёффер считает, что Бог действует не на границах человеческих возможностей, а в центре человеческой жизни (*mitten im Leben*).

Теологические письма Д. Бонхёффера содержат обязательные и факультативные макрокомпоненты: теологический и философский. Для данных писем типична апелляция к авторитетам из философии, наличие прецедентных феноменов из Библии (пример 78, 84) и заимствований из греческого и латинского языков. Структура этих писем характерна для научного дискурса и включает тезисы и аргументы. Д. Бонхёффер вступает в дискуссию со своими современниками Р. Бультманом, К. Бартом, К. Хаймом (о влиянии Р. Бультмана и других современников Д. Бонхёффера на формирование представлений о

религиозном языке в XX в. на основе антропологического подхода см. в [Плисов 2015a: 52]). В характере полемики выявляется проблематичность личного письма в качестве ведения богословской дискуссии, поскольку Д. Бонхёффер писал письма лично другу и, по словам Э. Бетге, если бы Д. Бонхёффер узнал, что эти письма будут опубликованы, был бы этим обеспокоен [Bethge 1970: 966]. Д. Бонхёффер использует довольно резкие выражения (пример 9).

К. Барт, который уважал Д. Бонхёффера и сохранял с ним дружеские отношения, прочитав эти письма, был оскорблён [Krötke URL: https://www.dietrich-bonhoeffer.net/fileadmin/media/projekte/Barth-Bonhoeffer-1-converted.pdf]. Дискуссия между двумя богословами не была продолжена после войны по причине смерти Д. Бонхёффера. Аксиологические стратегии, которые реализует Д. Бонхёффер в переписке с другом, не свойственны теологическому трактату, хотя структура его писем и содержит элементы данного типа текста.

В отличие от способов включения искусствоведческих макрокомпонентов (см. § 2.2.1.1.) в теологических письмах переход к факультативным макрокомпонентам маркируется особым образом, что эксплицирует связи между отдельными письмами, в которых эти проблемы уже обсуждались.[18] В данных письмах содержится однако традиционное для личного письма вступление и завершение, полностью согласующееся с немецкими конвенциями порождения личного письма.

Анализ позволяет установить три способа ввода теологического макрокомпонента в тело письма, которые целесообразно охарактеризовать более детально.

Наиболее частотным способом включения теологического макрокомпонента в текст является использование наречий темпоральной семантики: *nun wieder, noch, noch etwas, und nun* (пример 10), которые переключают внимание адресата на новую тему, а также активизируют разными способами сведения из обсуждаемой тематики.

[18]Эта техника текстопорождения позволяет проследить определенные параллели между письмами Д. Бонхёффера и гипертекстом, получившим позже широкое распространение в специальной коммуникативной среде. Для последнего характерно наличие системы связи между блоками информации [Энциклопедия эпистимологии 2009: 148; Щипицина 2009a: 56; 2010b: 61]. Труды Д. Бонхёффера содержательно связаны между собой и обладают множеством ссылок к другим богословским, философским, искусствоведческим работам разных авторов, о чём свидетельствует наличие системы ссылок в собрании сочинений, опубликованных в 2015 г. (см. подробнее, например DBW XVII]).

Чаще всего темпоральные наречия располагаются в самом начале соответствующего макрокомпонента. Характерно, что темпоральное обстоятельство (а именно эту синтаксическую функцию выполняют анализируемые единицы в предложении) часто располагаются в письмах Д. Бонхёффера в начале предложения перед сказуемым.

Ещё одним способом перехода к теологическому макрокомпоненту в личном письме являются ссылки на названия и авторов книг, анализ которых помогает Д. Бонхёфферу осмыслять теологические проблемы (пример 11). Интересно, что о книге К. Вайцзекера Д. Бонхёффер упоминает в письме Эберхарду и Ренате Бетге от 24.05.1944 г. (пример 12), но своими размышлениями он делится только с другом. Это обстоятельство говорит, очевидно, о духовной близости между коммуникантами и общих интересах корреспондентов.

Следующий способ маркирования перехода от обязательного к факультативному макрокомпоненту — апелляция к предыдущим письмам друга (пример 13). Д. Бонхёффер делится с Э. Бетге своими богословскими идеями, и его друг реагирует на письма, задает к ним вопросы. Имеет место очевидная секвенция «вопрос – ответ», однако они разводятся во времени и пространстве. Тем самым подчеркивается естественный для обоих коммуникантов диалогичный характер личных писем Д. Бонхёффера.

Характерно, что в конце таких пассажей могут быть заключительные фразы типа: *Also Fortsetzung folgt!* (DBW VIII: 505) (пример 14), после чего автор письма возвращается к бытовой тематике, т.е. он продолжает личное письмо, далее организуя его согласно конвенциям, принятым в немецкой языковой культуре.

Особенность теологических писем в том, что в них Д. Бонхёффер описывает новое явление, до него ещё не изученное теологами[19]. Словосочетание «безрелигиозное христианство» со временем стало термином, имеющим хрестоматийное употребление. Это связано с большим интересом теологов к данной проблематике, с одной стороны, и не-

[19] Значимость концепции безрелигиозного христианства, разрабатываемой Д. Бонхёффером, для христианской теологии подтверждает тот факт, что это определение дается в специальных словарях. Например, в «Вестминстерском словаре теологических терминов» есть следующее определение безрелигиозного христианства: «выражение, принадлежащее Дитриху Бонхёфферу, который верил, что религия, нуждающаяся в Боге для решения проблем или объяснения тайн бытия, устарела, так как люди научились жить без Бога. Отныне Бога надо искать в самой жизни, в человеческой силе и людских слабостях» [Мак-Ким 2004: 37].

возможностью однозначно трактовать положения Д. Бонхёффера, изложенные только в письмах и наброске работы, что способствовало разнообразию интерпретаций, с другой. Д. Бонхёффер переосмысляет уже известные богословские понятия, используя термины из латинского и греческого языков (см. подробнее Таблицу 7).

2.1.1.2.2. Философский макрокомпонент в письмах Д. Бонхёффера

С одной стороны, неудивительно, что в своих теологических письмах, относящихся к третьему и четвёртому периодам заключения, Д. Бонхёффер прибегает к философским понятиям, терминам и прецедентным именам из области философии, с другой – в некоторых письмах философский макрокомпонент, наряду с теологическим, является доминирующим. Д. Бонхёффер регулярно затрагивает философскую проблематику в связи с размышлением о понятии «религия».

Философский макрокомпонент, как и теологический, свойствен дружеским письмам Д. Бонхёффера, в особенности теологическим. В письмах родителям философский макрокомпонент распознается по наличию имен и названий произведений философов, а также цитат из известных философских произведений (примеры 15, 150). В письмах другу Д. Бонхёффер анализирует содержание прочитанных произведений, делится с Э. Бетге своими размышлениями о религии в современном мире (пример 141). Концепция «безрелигиозного христианства» (см. § 2.2.1.2.1), во многом связана с анализом научных и философских сочинений, в которых затрагивается этот вопрос (пример 15). Он активно прибегает к философской терминологии, например: *ästhetische Existenz, erkenntnistheoretische Transzendenz* и др.

Об увлечённости Д. Бонхёффера свидетельствуют и книги, которые были в его библиотеке и которые он просил родителей передать в тюрьму. Среди них находятся работы таких авторов, как Николаи Гартман, Мартин Хайдеггер, Иммануэль Кант, Сёрен Киркегард, Плутарх, Вильгельм Дильтей на немецком языке. Д. Бонхёффер изучал труды этих философов и упоминал их имена в своих личных письмах другу наряду с другими философами, например, Иоганном Фихте и Людвигом Фейербахом, и учеными, например, Исааком Ньютононом.

Д. Бонхёффер сознательно выходит за рамки религиозного дискурса, что выражается в общенаучной проблематике, общезначимых темах. Автор анализируемых писем стремится философски осмыслить понятие «религия». Поэтому изучение наследия Д. Бонхёффера ставит вопрос о границах религиозного и теологического дискурса в его письмах. Например, даже если учитывать только ономастическую составляющую, имена, на которые Бонхёффер ссылается в теологической переписке с другом, — это в основном имена философов и ученых других специальностей, а не богословов. Автор стремится выйти за рамки академического богословия, т. е. религиозного дискурса, чтобы дискутировать на современном языке о богословских проблемах. Выражаясь иначе, по наличию соответствующих прецедентных имен из области философии, терминов, иноязычных вкраплений можно сделать вывод о направлении исследований Д. Бонхёффера и проследить связи с научным теологическим и философским дискурсом (примеры 9, 16, а также Таблицу 7).

В письмах другу Д. Бонхёффера в философском макрокомпоненте присутствует анализ различных точек зрения философов, обобщения, размышления над философскими понятиями и проблемами, в частности над такими понятиями, как «религия» / Religion, «трансцендентность» / Transzendenz (примеры 9, 73, 17, 141). Д. Бонхёффер по-новому трактует эти понятия, что ещё раз подчеркивает такие свойства дружеского письма, как полифункциональность, резкое переключение темы, явная ассоциативность, о которых говорят исследователи данного типа текста [Нижникова 1991; Белунова 2000].

2.1.1.2.3. Искусствоведческий макрокомпонент

Искусствоведческий макрокомпонент в письмах Д. Бонхёффера встречается довольно часто в разные периоды заключения, но он является не столь объемным в сравнении с философским и теологическим. Д. Бонхёффер обсуждает со своим другом музыкальные произведения, картины художников. Особенно ярко это проявляется в третий период заключения Д. Бонхёффера, в то время как Э. Бетге служил в Италии. Раньше, в 1930-е годы, Д. Бонхёффер и Д. Бетге путешествовали вместе в эту страну, и в переписке

вспоминали об этих путешествиях и обсуждали некоторые картины итальянских художников.

Известно, что Д. Бонхёффер, как и его друг, очень любил музыку и играл на рояле. В одном из писем Д. Бонхёффер размышлял о музыке Г. Ф. Генделя и И. С. Баха (пример 20), а также сообщал о том, что слушал «Кармина Бурана» Карла Орфа, произведение, на тот момент новое даже для знающей публики (оно было написано в 1935-1936 гг.).

Искусствоведческий макрокомпонент представлен в текстах Д. Бонхёффера в размерах одного абзаца или нескольких СФЕ, а также при помощи нотной записи (пример 147). Так, в письмах другу Д. Бонхёффер записывал короткие отрывки из музыкальных тем из произведений Л. ван Бетховена и Пауля Герхарда [DBW VIII: 213], причём нотная запись входит в синтаксическую структуру предложения (пример 151).

Анализ названий произведений и имён композитор, упомянутых Д. Бонхёффером в письмах, показывает, что его музыкальный интерес обусловлен его духовной культурой, поскольку, обращаясь к вокальным проивзедениям, он говорит, как правило, о композиторах, которые писали духовную музыку: Хуго Вольф, Иеремия Готтгельф, Генрих Шютц и в особенности Пауль Герхард, гимны которого Д. Бонхёффер учил наизусть, находясь в тюрьме.

Среди инструментальных произведений Д. Бонхёффер говорит о тех, которые он слушал либо вспоминал в заключении: *Sonate C-moll* (Л. ван Бетховен, соната Опус 111 до минор, 2 часть), 2. *C-dur, Karl Orf Karmina Burana*. При этом он использует профессиональные термины, что свидетельствует о высоком уровне музыкального образования автора.

Обсуждение и критика литературных, художественных и музыкальных произведений является для Д. Бонхёффера средством установления связи с коммуникантами, что выражается в вопросах другу, просьбах выразить своё отношение к произведению или автору (пример 21). Через искусствоведческий макрокомпонент Д. Бонхёффер реализует суггестивную стратегию. Обращаясь к известным музыкальным и художественным произведениям, он утешает своего друга, ободряет его и помогает тем самым пережить долгую разлуку (пример 14). Размышления об итальянской живописи становятся напоминанием о счастливых днях, проведённых Д. Бонхёффером и Э. Бетге в Италии (пример 22).

Музыкальные термины для Д. Бонхёффера являются средством, которое он легко использует не только в контексте искусствоведческой критики — он успешно апеллирует к музыкальной лексике, помещая её в контекст своих теологических размышлений. Так, в одном из писем он утешает своего друга, находящегося вдалеке от своей семьи, и призывает не замыкаться на плотской любви, сравнивая жизнь с полифонией (*die Polyphonie*), в которой в качестве главного голоса (*cantus firmus*) выступает любовь к Богу и вечности: *Gott und seine Ewigkeit will von ganzem Herzen geliebt sein*. Значение других голосов не умаляется, напротив, они играют при этом роль контрапункта (пример 23). Музыкальный термин *der Kontrapunkt* используется в теологическом контексте, поскольку возникает в связи с богословским размышлением о человеке и о природе Христа [DBW VIII: 441].

С одной стороны, данное сравнение указывает на хорошее знание Д. Бонхёффером музыкальной культуры и музыкальной формы, с другой – на умение свободно оперировать этими знаниями в разных жизненных обстоятельствах.

Анализ показывает, что искусствоведческий макрокомпонент характерен для следующих подтипов писем Дитриха Бонхёффера: поздравительные письма разным адресатам (преимущественно другу и родителям). При этом искусствоведческий макрокомпонент выполняет следующие функции: в письмах родителям 1) вспомнить о семейных вечерах, когда все вместе слушали музыкальные произведения; 2) глубже раскрыть смысл праздника.

В письмах другу искусствоведческий макрокомпонент служит средством установления связи между хронотопами – настоящим и прошедшим. Особенность дружеских писем заключается в том, что в них искуствоведческие термины помещаются в другой, несвойственный им изначально контекст, и используются Д. Бонхёффером для объяснениия и раскрытия своих теологических идей.

В письмах следователю искусствоведческий макрокомпонент отсутствует.

В письмах возлюбленной данный макрокомпонент не выражен, очевидно, потому что Д. Бонхёффер старался предстать перед М. фон Ведемайер не интеллектуалом, а любящим человеком. Он избегал говорить с ней об искусстве, к тому же она была младше, и её литературные, художественные и музыкальные вкусы не всегда совпадали с его.

Таким образом, искусствоведческий макрокомпонент выражен в письмах другу и в них он служит преимущественно реализации суггестивных стратегий утешения. Основным маркером вычленения искусствоведческого макрокомпонента из писем преимущественно является абзацный отступ, а также специальная терминология, названия произведений и имена художников.

2.1.1.2.4. Поэтическое творчество Д. Бонхёффера

Поэтическое наследие Д. Бонхёффера невелико и включает десять стихотворений различной тематики, которые представлены в виде вложений в его личные письма другу. Но именно поэзия Д. Бонхёффера была опубликована сразу после войны [Deneke 2014: 11; DBW VIII: 8].

Стихотворное творчество Д. Бонхёффера относится к третьему и четвертому периоду его заключения в Тегельской тюрьме, с июня 1944 г. по декабрь 1945 г. Эти стихотворения примечательны тем, что в них отражается духовный путь Д. Бонхёффера: лирика становится для него языком, на котором он говорит о своих философских наблюдениях, анализирует общественную ситуацию, суммирует идеи, высказанные в его богословской концепции в письмах другу. В стихотворной форме Д. Бонхёфферу удается максимально сжато выразить свои переживания и осмыслить свой путь и ситуацию тюремного заключения в контексте жизни всего немецкого народа.

Анализ поэтического наследия Д. Бонхёффера позволяет осознать, что обращение к поэтической форме связано со степенью неопределённости ситуации. В третий период заключения жизненные обстоятельства представляют максимальную степень неопределенности, т. к. это время ожидания покушения на Гитлера и возможности выхода из тюрьмы. Кроме того, прошло довольно много времени – больше года – с момента его заключения, поэтому Д. Бонхёффер ищет форму, чтобы выразить свои переживания, не оглядываясь на характер реакции потенциальных адресатов. В личных письмах другу в этот период прослеживается сквозная теологическая тема, т.е. для адресата сомнения и терзания Д. Бонхёффера выносятся за скобки, на собственных страданиях адресант не акцентирует ни своего внимания, ни внимания своего адресата. Но лирические стихотво-

рения этого времени отражают эмоциональное состояние и философские и богословские убеждения Д. Бонхёффера с максимальной искренностью и открытостью.

А. Денеке называет поэзию Д. Бонхёффера тео-поэзией, поскольку в период заключения Д. Бонхёффер стремился высказать свои богословские взгляды языком поэзии. Поэтический язык является для него наиболее подходящим, поскольку в поэзии отсутствует сравнение разных мнений, стремление лучше аргументировать свою мысль [Deneke 2014: 9]. Так, последнее стихотворение Д. Бонхёффера «Von guten Mächten» / «Во власти добрых сил» стало одним из самых известных духовных стихов XX столетия, который вошел в школьные учебники и в молитвенные сборники [Bethge 1970: 944; DBW VIII: 8]. При этом Д. Бонхёффер не считал себя поэтом и прямо об этом говорил (пример 24). Интересно, что до тюремного заключения он пробовал писать стихи только в юности. Но когда общение с близкими и с другом стало невозможным, когда постепенно ослабевала надежда на освобождение из тюрьмы, попытка вырваться из вакуума через творчество оказалась для Д. Бонхёффера значимой, и поэтическое творчество выводит личные письма за рамки индивидуальных интересов двух друзей. Важно, что наряду с теологическими письмами, в которых Д. Бонхёффер выражает неординарные богословские идеи, в стихотворених автор писем говорит о своих философских и богословских взглядах, а также о своих глубоких личностных переживаниях любви к М. фон Ведемайер и дружбы к Э. Бетге. Тем самым ясно, что стиль поэтической коммуникации представляет собой реализацию аксиологической категории [Firle 1990: 43]. Э. Бетге отмечал, что эти стихи будут жить дальше, потому что они описывают особенную ситуацию оригинальными выражениями и в соответствующей форме.

Изучению поэзии Д. Бонхёффера посвящены специальные исследования Ю. Хенкиса [Henkys 1985], а также А. Денеке [Deneke 2014].

В названных исследованиях отмечается связь поэзии Д. Бонхёффера с его теологическими размышлениями, особенно периода заключения в Тегельской тюрьме, а также глубокая заинтересованность Д. Бонхёффера немецкой духовной поэзией в целом.

В Таблице 8 представлен обзор стихотворений Д. Бонхёффера с указанием на другие труды и письма автора, затронутые в стихотворениях в виде аллюзий.

Вообще, интерес к поэзии был свойственен Д. Бонхёфферу. Он активно и охотно цитировал поэтические произведения в своих проповедях, например, в речи на экуменической конференции в Фано, посвященной теме христианского свидетельства о мире [DBW XIII: 301]. В проповедях, выступлениях, в письмах другу и общине Д. Бонхёффер часто ссылался на духовную поэзию Пауля Герхарда и других авторов. Как отмечают исследователи-теологи, его поэтическое творчество является, с одной стороны, возможностью говорить на мирском языке о том, что его беспокоит, с другой — жанр духовной поэзии, в котором написаны некоторые его произведения, получает новое звучание благодаря Д. Бонхёфферу [Henkys 1985: 201].

Первое стихотворение Д. Бонхёффера «Vergangenheit» / «Прошлое» вложено в письмо другу от 5.6.1944 [DBW VIII: 468], оно посвящено М. фон Ведемайер, и по содержанию его можно отнести к любовной лирике (пример 25).

Отдельно Д. Бонхёффер высылает другу стихотворение «Glück und Unglück» / «Счастье и несчастье». Предыстория этого стихотворения связана с размышлением на тему библейского стиха из 39-й главы книги Бытия [DBW VIII: 493; Melloni 1999: 11], которое посвящено празднику Пятидесятницы: *denn der Herr war mit Josef, und was er tat, dazu gab der Herr Glück / Господь был с Иосифом и помогал ему во всех его делах*. В медитации на этот отрывок Д. Бонхёффер размышляет о том, что такое благословение Божие и каким образом оно связано со счастьем человека (пример 26). И медитация, и стихотворение соотносятся по содержанию с письмом Э. Бетге от 28.7.1944 г., где Д. Бонхёффер размышляет на ту же тему (пример 27).[20]

Таблица 8

Общая тематика писем и стихотворений и библейские аллюзии

Стихотворение	Письмо
Vergangenheit Tegel 5. Juni 1944	Brautbriefe 195
Glück und Unglück Tegel (Juni 1944)	Lösung zum 30.05.1944 (Pfingstdienstag) Gen 39,23: «Der Herr war mit Joseph, und was er tat, dazu gab der Herr Glück (DBW XVI: 653); (DBW VII: 184)
Wer bin ich? (Sommer 1944)	Predigt am 21.10.1928 (DBW X: 517; DBW

[20] Этот и аналогичные факты, думается, правомерно трактовать как диалог текстов, т. е. их содержательное и/или формальное взаимодействие [Гришаева 2019: 184].

	VIII: 232). Christologievorlesung 1933 (DBW XII: 282)
Christen und Heiden (Sommer 1944)	Приложено к письму от 8.7.1944. ср Ин 19:25; Пауль Герхард, средневековая секвенция «Stabat mater dolorosa»
Nächtliche Stimmen (Sommer 1944)	Schilderung der Bombardierung am 27.11.1943 (DBW VIII: 211), аллюзии на 2Petr,10-13, Jes 65,17, 66,22, Apk 21,1 Schuldbekenntnis der Kirche (DBW VI: 130) Prolog (DBW VIII: 38); DBW VI: 283 Wegberitung für das Wort, Mk 4,35-41 (DBW VI: 153)
Stationen auf dem Wege zur Freihit (August 1944)	Briefe aus Tegel: Auf dem Weg zur Freiheit ist der Tod das höchste Fest. (DBW VIII: 549; 551); Paul Gerhardt
Der Freund (27. und 28.8.1944)	(DBW VI: 297) (DBW VIII: 291) Tegeler Zettel
Der Tod des Mose (September 1944)	DBW X, 584, Tegeler Dramenfragment (DBW VII: 34) Predigt zu Num 21,4-9 (DBW XIV: 649; DBW VII: 173; DBW IV: 30 f) zu Gen 2, 1-3 (DBW III: 65; DBW XVI: 488)
Jona (Oktober 1944)	Книга пророка Ионы
Von guten Mächten (Dezember 1944)	Письмо свекрови Brautbriefe vom 19.12.1944 Meditation zu Ps 119 (DBW XV: 506)

Летом 1944 г. Д. Бонхёффер высылает другу три стихотворения: первое называется «Wer bin ich» / «Кто я» имеет пометку Э. Бетге «В письме за июль 1944» [DBW VIII: 513], стихотворение «Christen und Heiden» / «Христиане и язычники» а также стихотворения «Nächtliche Stimmen» / «Ночные голоса в Тегеле» прилагается к письму за 8.7.1944 (DBW VIII: 516). В конце лета Д. Бонхёффер высылает Э. Бетге стихи: «Der Freund» / «Друг», «Der Tod des Mose» / «Смерть Моисея», «Jona» / «Иона». Эти стихи правомерно интерпретировать как макрокомпоненты писем, с одной стороны, поскольку они достаточно автономны в текстограмматическом отношении, а с другой стороны, имеют определённую формальную привязку к письмам, написанным в соответствующие дни.

Если в начале заключения Д. Бонхёффер реализует суггестивную стратегию (см. подробнее § 1.7.4; 2.1.3.2), чтобы посредством библейских сюжетов утешить своих родных и близких, указывая на возможную связь переживаний своих близких родственников с теми,

которые описаны в Библии (пример 152), то в последние два периода заключения, когда для Д. Бонхёффера всё яснее становился трагический исход заключения, он пишет стихи, в которых интерпретирует путь библейских персонажей Ионы и Моисея, которые, согласно библейскому сюжету, не боятся брать на себя вину и ответственность за грехи своего народа [Melloni 1999: 13] (примеры 32, 34).

В стихотворении «Nächtliche Stimmen» / «Ночные голоса в Тегеле» Д. Бонхёффер отражает не столько быт заключенного, т.е. свою конкретную ситуацию, сколько осмысляет связь со своим народом, создает образ целого народа (пример 28). В стихотворении Д. Бонхёффер переходит от личного местоимения *ich* к множественному числу местоимения *wir*. Д. Бонхёффер начинает с описания быта заключенного, но затем полифонически воссоздаёт целый хор голосов (пример 29), рисует образ Страшного суда, осознание вины и в то же время эсхатологической надежды (пример 30).

Стихотворения передают и личностные переживания дружбы и любви (пример 31).

Богословские и философские взгляды Д. Бонхёффера связаны с «безрелигиозным христианством», которое в последний период жизни и творчества Бонхёффера выражено в письмах, а также в стихотворении «Christen und Heiden» / «Христиане и язычники». Это стихотворение является важным шагом в ходе становления теологической концепции Д. Бонхёффера.

Стихотворения «Jona» / «Иона», «Christen und Heiden» / «Христиане и язычники», «Der Tod des Mose» / «Смерть Моисея» можно рассматривать как «текст в тексте», который Ю. М. Лотман определяет как «специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» [Лотман 1981: 431]. Наличие лирических произведений в письмах Д. Бонхёффера подчёркивает сложность макроструктуры писем и в то же время указывает на стремление автора осмыслить происходящее с ним отстранённо, через образ лирического героя.

Тюремное заключение Д. Бонхёффер воспринимает как свой сознательный выбор и не бежит от страданий и смерти, которую он воспринимает как свою жертву ради искупления немецкого народа. Д. Бонхёффер готов пострадать вместе со своим народом и

за него. Так, в стихотворении „Jona“ он иллюстрирует сюжет о пророке Ионе, который, согласно тексту Библии, вместо того чтобы отправиться в Ниневию и призвать жителей к покаянию, садится на корабль и уезжает в другую страну. Но корабль настигает буря, и Иона просит выбросить его за борт корабля, после чего проводит в чреве кита три дня и три ночи, и только после этого отправляется, наконец, в Ниневию (пример 32).

Судьба Д. Бонхёффера пересекается с сюжетом этого стихотворения и образом самого пророка Ионы, которого выбросили в море, словно жертву за грех, и этим стихотворением Д. Бонхёффер свидетельствует о том, что не жалеет о своем жизненном выборе и готов добровольно принять на себя страдание и смерть. Стихотворение написано в особых обстоятельствах, 5 октября 1944 г., в день, когда Фридрих Юстус Перельс был арестован гестапо, 4 октября арестован Рюдигер Шляйхер [Bethge 1970: 929]. За неделю до этих событий Д. Бонхёффер всерьёз готовился к побегу из тюрьмы, поскольку покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. не удалось, и побег был последней возможностью для Д. Бонхёффера избежать смерти. 24 сентября Д. Бонхёффер получил посылку от родных с запасом продовольствия, карточек на продукты питания, и одежду. Но из-за ареста близких людей Д. Бонхёффер решил, что пожертвовать собой лучше, чем подвергать опасности свою семью, и не совершил побег [Bethge 1970: 929]. 8 октября 1944 г. его перевели в более строгую тюрьму на Принц-Альбрехт Штрассе в Берлине.

Похожие смыслы открываются в стихотворении «Der Tod des Mose», которое Д. Бонхёффер отправил другу 29.9.1944. Стихотворение написано на пяти листах. В нем Д. Бонхёффер интерпретирует последнюю главу книги «Исход», где перед смертью Господь показывает пожилому пророку Моисею, который вывел израильский народ из Египетского плена, землю обетованную, но Моисею уже не суждено войти в эту страну. Слова из первого стиха 34-й главы этой книги служат эпиграфом к стихотворению (пример 33).

Узник гестаповской тюрьмы пишет о том, как умирает пророк Моисей, которому не суждено было войти в страну обетованную. Д. Бонхёффер осознает, что приближается смерть, и остаётся всё меньше шансов выйти живым из тюрьмы. Он предчувствует, что Гитлер не победит в войне (пример 34), но дойти до победы автору стихотворения не удастся (пример 35). Д. Бонхёффер рассматривает свою жизнь неотрывно от немецкого

народа, образ которого аллюзивно улавливается в образе народа Израильского, который тоже согрешал и отступал от Бога. В то же время в этом стихотворении Д. Бонхёффер выражает надежду на то, что его народ войдет в «землю обетованную» и война наконец-то закончится.

В стихотворении «Auf dem Wege zur Freiheit» / «Этапы на пути к свободе» Д. Бонхёффер размышляет о смерти, которая является последней точкой на пути к свободе после «дисциплины», «дела» и «страдания». Осмысление смерти как освобождения, с одной стороны, парадоксально, поскольку по-человечески смерть осмысляется как трагедия, отсутствие надежды, но, с другой стороны, отношение Д. Бонхеффера к смерти подлинно христианское (см. подробнее о христианском осмыслении смерти в [Дашевская, Штонда 2017: 51]). Размышление над этой темой характерно для писем, написанных в четвёртый период заключения.

В стихотворениях Д. Бонхёффера можно наблюдать интертекстуальные связи с текстами его личных писем. Например, в письме к свекрови Д. Бонхёффер пишет слова, которые впоследствии находят отражение в строках знаменитого последнего стихотворения Д. Бонхёффера «Von guten Mächten» / «Во власти добрых сил» (см. примеры 38, 39). Тематика стихотворения «Wer bin Ich?» / «Кто я?» находит своё отражение в письме другу (пример 40). В Тегельской камере Д. Бонхёффер осмысляет смерть как последнюю ступень на пути к свободе (пример 41).

В стихотворении «Von guten Mächten» лирический герой[21] (*Ich*) – это сам Д. Бонхёффер, а его собеседники (*Ihr, euch*) – это его родные, члены общины, по мнению Ларри Расмуссена, также участники движения Сопротивления. В этом стихотворении Д. Бонхёффер говорит от имени *Ich* и обращается к адресату *du / Ihr, euch*. Местоимение *Du* относится к Богу, поэтому стихотворение воспринимается как молитва, церковный гимн. Местоимение *wir* можно воспринять как указание на семью Д. Бонхёффера, общину, участников движения Сопротивления или как немецкий народ.

Образ лирического героя во всех стихотворениях соответствует самому Д. Бонхёфферу. При этом он мастерски описывает свою ситуацию и свой жизненный выбор, избегая первичных средств номинации, сознательно дистанцируясь от ситуации

[21] О понятии «лирический герой» см. подробнее в [Роднянская 2001].

тюремного заключения и приближающейся смертной казни, чтобы избежать эмоциональной реакции своих близких. Он не указывает на себя, но выражает свои мысли аллюзиями на библейские сюжеты.

Таким образом, в стихотворениях Д. Бонхёффер предстает в разных ипостасях: любящий человек, друг, заключенный, но и в то же время как зрелый мыслитель. Сам факт того, что Д. Бонхёффер писал стихи, долгое время находясь в заключении, свидетельствует о его стойкости убеждений, духовном противостоянии злу и человеконенавистничеству в ситуации тюремного заключения, о его личном мужестве и крепости духа. В то же время очевидно, что он осмысляет свой путь, подводит черту, итог своей жизни. Надежда осмысляется им эсхатологически, в христианской перспективе победы над смертью. При этом философская лирика порой содержательно связана с текстами личных писем, некоторые выражения из которых дословно повторяются в поэтических произведениях.

2.1.1.3. Средства и способы обозначения коммуникантов

Охарактеризовав макроструктуру писем, целесообразно более подробно остановиться на языковых средствах, которые Д. Бонхёффер использует в своих столь сложно организованных письмах, чтобы выявить вероятные корелляции между обозначением коммуникантов и особенностями их взаимотношения в зависимости от их социальной роли, ипостаси адресанта, ситуации заключения и периодом, когда написаны письма (см. § 2.1.1). Как отмечает Л. В. Нижникова, письмо является единственным типом текста, в котором своё местоименно-номинативное обозначение находят и адресант, и адресат, т.е. в письме всегда эксплицируется антропоцентричность [Нижникова 1991: 31].

Обозначения адресанта и адресатов в письмах Д. Бонхёффера выражены главным образом в обязательных макрокомпонентах «Anrede» / обращение и «Unterschrift» / подпись, которые в анализируемых письмах имеют свои особенности, и регулярно появляются в зависимости от адресата письма.

В целом, обозначения адресатов соответствуют правилам и нормам немецкого языка. Однако выявляются очевидные особенности: различия в обозначениях адресатов кореллируют с характером ипостаси адресанта и социальной ролью адресата. Анализ по-

казывает, что Д. Бонхёффер выступает в разных ипостасях: сын, друг, пастор, заключенный, и средства обозначения коммуникантов указывают на особенности взаимоотношений между адресантом и адресатом.

2.1.1.3.1. Фактор «адресант» в личном письме

Адресант является главным лицом в акте коммуникации, поскольку интенции и личностные характеристики адресанта определяют форму и содержание высказывания, т.е. влияют на семантическую и синтаксическую организацию текста. При этом языковая личность, по утверждению Г. О. Винокура, дифференцируется не как социально-психологическая уникальность, а как коммуникативно-деятельная единица, представляющая собой двучлен – «говорящий – слушающий» [Винокур 1989: 12].

Высказывание может быть представлено, согласно Г. О. Винокуру, в двух стилистических видах — нейтральном и маркированном [Винокур 1989: 17]. Размышляя о характере выбора речевых средств, Г. О. Винокур утверждает: «Акт предпочтения одного языкового средства другому — так же, как степень его осознанности, — это и есть сам говорящий, «образ автора» данного высказывания. В свою очередь, необходимость вербализовать внеязыковую референтную ситуацию через набор денотатов, несущих предметно-логическое значение и передающих смысл высказывания, сама по себе порождает коннотативные смыслы: выбрать речевое средство – значит «как-то отнестись» и к речи и к выраженной ею реальности. Отнестись нейтрально – не значит «не отнестись никак» [Винокур 1989: 18].

Адресант рассчитывает на реакцию адресата сообщения. Важным импульсом коммуникативной деятельности является расчет на эффект, так же, как и мысль. Адресант приписывает адресату определенные свойства, качества, при этом он является первым приемным пунктом собственных коммуникативных усилий. Как отмечает Г. О. Винокур: «Он вслушивается в себя, познает свою речь, и это самопознание выводит на поверхность речевой деятельности интраперсональные проблемы коммуникации, о которых принято говорить лишь в связи с феноменом внутренней речи» [Винокур 1989: 19]. Внешняя речь – это, по выражению Л. С. Выготского, «превращение смысла в слова, ее материализация, а внутренняя – обратный по направлению процесс, идущий извне

внутрь, процесс испарения речи в мысль» [Выготский 1999: 295]. Особенность теологических писем Д. Бонхёффера заключается в том, что они представляют собой именно внутреннюю речь (пример 110).

Какова языковая личность Дитриха Бонхёффера? Это представитель немецкой культурной идентичности, интересующийся разными областями культуры: музыкой, в меньшей мере изобразительным искусством, философией. Профессиональный теолог, автор двух диссертаций, нескольких практических работ по богословию, верующий христианин, друг, основатель, созидатель и член христианской общины. Эти факторы, внешние по отношению к тексту, оказываются важными, поскольку они определяют идиостилистические особенности изучаемых текстов (см. рассуждения об идиостилистических особенностях проповедей митр. Антония Сурожского в [Штонда 2017: 96-99]) (см. подробнее приложение 1).

Обозначение адресанта, как правило, представлено в подписи к письму, формы которой могут различаться. Имя адресанта при этом не меняется, Д. Бонхёффер всегда подписывается как *Dietrich*. В тех случаях, когда он закончил письмо, и в этот же или другой день его продолжил, подпись может быть сокращена: *D. B.*

Способы обозначения адресанта писем меняются в зависимости от адресата. Так, в письмах используются следующие способы именования адресанта: другу: *Dietrich; D.; Dein Dietrich*; родителям: *Euer Dietrich;* возлюбленной: *Von ganzem Herzen Dein Dietrich*; следователю (подпись сохранилась в единственном письме): *Bin ich Ihr sehr ergebener Dietrich Bonhoeffer* (пример 138). наиболее краткая подпись в письмах другу указывает на дружескую простоту отношений, в то время как подчёркнутое выражение преданности в письмах следователю связано со стремлением манипулировать восприятием корреспондента (т. е. следователя), добиваться собственной цели.

2.1.1.3.2. Влияние фактора «адресат» на организацию личного письма

Фактор «адресат» является чрезвычайно важным при рассмотрении типа текста «личное письмо». Содержательная вариативность писем, их формальная структура зависит от адресата писем и отношений между коммуникантами. Отношение Д. Бонхёффера к адресатам писем можно охарактеризовать следующим образом.

Отношения с другом являются симметричными и представляют собой содружество, которое рождается на почве общих профессиональных теологических интересов, причастности к пасторскому братству в Финкенвальде, общем духовном мировоззрении, сопротивлении гитлеровскому режиму.

Отношения с родителями являются несимметричными. П. К. Кулагина, изучившая особенности частной переписки в XIV-XV вв., отмечает, что уже в то время семейная иерархия, будучи более устойчивой, допускала меньше отклонений от официальных норм коммуникации, чем дружеское [Кулагина 2015].

Отношение к следователю М. Рёдеру можно охарактеризовать как манипуляцию, поскольку Д. Бонхёффер использовал скрытые приемы воздействия на следователя, и это поддерживали адресаты его писем, что особенно сильно выражено в письмах родителям (см. подробнее § 2.1.3.3) (примеры 1, 140).

Отношение между Д. Бонхёффером и братией из семинарии можно определить как содружество на тех же основаниях, что и в общении с другом Э. Бетге. Поскольку в данном случае адресат является коллективным, а не единичным, то выбор языковых средств меняется, и это требует специального изучения в связи с существенными различиями в способах организации письма на макроуровне. Д. Бонхёффер является пастором, проповедником, поэтому ему свойственно обращаться к коллективному адресату, и это влияет на характер писем единичному адресату в тех местах, где в текст введён теологический макрокомпонент (примеры 4, 43).

Письма к родителям в отличие от писем другу остаются мало вариативными в содержательном и формальном отношении (см. § 2.1.1.). Их вариативность обусловлена событиями, которые происходили в обыденной жизни семьи Д. Бонхёффера, а также теми прочитанными книгами и немногочисленными по сравнению с письмами другу теологическими размышлениями, которыми Д. Бонхёффер делился со своими родными (ср. пример 4 из писем другу и пример 84 из писем родителям). Характерно, что в письмах к родителям Д. Бонхёффер не упоминает имена своих друзей, поскольку письма проходили через цензуру [DBW 2015: 44]. Но и с учётом фактора «некоммуникант» письма родителям стилистически, тематически более однородны (ср. примеры 3, 5 из писем другу

с примерами 81, 146 из писем родителям). С точки зрения макроструктуры эти письма содержат преимущественно обязательные макрокомпоненты (см. подробнее § 1.3.2.).

Кроме того, тематическое содержание писем родителям обусловлено событиями жизни большой семьи, к которой принадлежал Д. Бонхёффер.

Анализируя средства обозначения адресата, которые представлены в обязательных макрокомпонентах «обращение» и «подпись», можно определить характер взаимоотношений коммуникантов. По имени Д. Бонхёффер всегда обращается к другу: *Eberhard*, а также к возлюбленной: *Maria*. Часто он использует личные и притяжательные местоимения: *Du, Dich, wir* (примеры 44, 45, 46, 47).

Интересно, что других номинаций друга не обнаружено, хотя предполагалось, что, согласно характеристикам дружеского письма (см. подробнее § 1.3.2), оно может содержать разговорную или фамильярную лексику и особые, например уменьшительно-ласкательные имена или обозначения, специфические для дружеских отношений.

Тем не менее, характер общения, а именно дружеское отношение, выражается другими средствами, например, через словосочетание «Adj+Sub». Так, все письма другу Д. Бонхёффер начинает со слов: *Lieber Eberhard!* Таким же образом начинаются письма другим коммуникантам: родителям: *Liebe Eltern!*, отцу: *Lieber Papa*!, Ренате и Эберхарду: *Liebe Renate, lieber Eberhard!*, к тёще Д. Бонхёффер обращается как к родственнице: *Liebe Mutter!*

В письме Гансу фон Донаньи Д. Бонхёффер приветствует его словами: *Mein lieber Hans!* Подпись в письме Гансу фон Донаньи, как во многих письмах родителям и другу, выражена словами: *In Treue und täglichem Gedenken grüßt Dich Dein Dietrich.* (DBW VIII: 60) (ср. выше о способах обозначения адресанта).

Макрокомпоненты «вступление» и «прощание» во всех письмах имеют выраженный личностный характер, поэтому в них Д. Бонхёффер использует преимущественно личные и притяжательные местоимения для обозначения своих адресатов (примеры 44, 45, 46). В личных письмах родным Д. Бонхёффер подписывается как *Euer Dietrich*, подчеркивая тем самым тесную эмоциональную связь со всей большой семьей. Так, в письме к отцу на день рождения он оставляет следующую подпись, включающую местоимения *euch* и *euer*: *Es grüßt Euch in großer Dankbarkeit* (DBW VIII: 362). В письмах к Э. Бетге

при помощи притяжательных местоимений *Dich, Dein* Д. Бонхёффер выражает дружеское отношение к нему: *Dein Dietrich.*

Необходимо отметить, что личные и притяжательные местоимения Д. Бонхёффер употребляет согласно актуальным для того периода конвенциям, а именно с большой буквы [Duden 1987: 768]. На сегодняшний день в письмах допускается употребление личных и притяжательных местоимений как с прописной буквы, так и со строчной.

Анализируя подписи в письмах Д. Бонхёффера, можно проследить его отношение к ситуации в зависимости от периода заключения. Так, в декабре 1943 г., в начале заключения, Д. Бонхёффер надеется на скорую встречу с родителями, и выражает это в подписях. Например, в письме от 5.04.1943: *Mit dem Wunsch, daß Euch und uns allen alle Sorge bald abgenommen werden möchte, grüßt Euch von ganzem Herzen Euer dankbarer Dietrich* (DBW VIII: 58). Некоторые письма другу, относящиеся ко второму периоду заключения, также заканчиваются пожеланием скорой встречи: *Nun auf frohes – baldiges –Wiedersehen wie in alten Zeiten!* (DBW VIII: 196). В третий и четвёртвый период заключения Д. Бонхёффер уже не указывает на возможность скорого свидания, но выражает благодарность, верность, память, а также в письмах другу необходимость взаимных молитв (ср. примеры 44, 47 и др.).

Подписи Д. Бонхёффера в письмах другу и родителям обнаруживают лексические особенности, которые носят, думается, неслучайный характер, но они однозначно выражают отношения между коммуникантами, а также параметры жизненной ситуации и эмоциональное состояние адресанта.

Благодарность (примеры 44, 48), сердечность (пример 45), любовь к родителям (пример 46), память о близких (пример 47) и верность другу (примеры 47, 49, 50) – эти темы по-разному затрагиваются и объективируются через выбор способов и средств в подписях Д. Бонхёффера к письмам. При этом используются разичные лексические средства: существительные, прилагательные, глаголы (примеры 44-50).

Характерной особенностью подписей в письмах к другу, которая выявляется через их братское общение, является тема ходатайства (*Fürbitte*) и общения (*Gemeinschaft*). Подтверждением глубины этих понятий для Д. Бонхёффера являются его многочисленные размышления в других его трудах и письмах братии Финкенвальде (пример 49), ко-

торой Э. Бетге тоже принадлежал. В письмах Э. Бетге из тюрьмы Д. Бонхёффер также просит своего друга молитвенно ходатайствовать о нем. Во многих письмах он говорит, что молится об Э. Бетге и сам просит друга молиться о нём (пример 49). Братские отношения Д. Бонхёффер необычным образом подчеркивает в одном из писем, в котором он использует греческую формулу, характерную для библейских писем ап. Павла к общинам: *Χαρις και ιρηνη! Dein Dietrich.* (DBW VIII: 472). (Ср. стихи в Библии: 1 Петр 1:2, 1 Кор 1:3.)

В письмах, относящихся к последнему периоду заключения, когда Д. Бонхёфферу уже было понятно, что ему грозит смерть, он заканчивает письма пожеланием другу всего хорошего (пример 50). Лишь в одном письме-завещании (Testament) другу Д. Бонхёффер подписывает свою фамилию: *Dietrich Bonhoeffer* (DBW VIII: 204).

Наличие номинативных цепочек, включающих такие понятия, как верность, ходатайство, память, общение (*Treue, Fürbitte, Gedenken, Gemeinschaft*), выявляет особый характер отношений между коммуникантами, которые являются не просто друзьями, а братьями по вере. Это обстоятельство объясняет также, как правило, довольно строгий характер писем, в которых коммуниканты редко позволяют себе снижение стиля.

При этом в письмах родителям Д. Бонхёффер избегал называть имя своего друга. Так, в письме от 17.08.1943 он называет родителям дату рождения Э. Бетге, но не называет его имени, используя только девичью фамилию его супруги Ренаты – *Schleicher's* (пример 51).

В своих письмах родителям Д. Бонхёффер тщательно следит за тем, чтобы не упоминать в письмах имена третьих лиц. Когда он говорит о следователе, то чаще всего использует форму *Herr Dr. Roeder*, т.е. он всячески демонстрирует формальное уважение к следователю, поскольку ему было известно, что сам следователь М. Рёдер читает эти письма в качестве цензора.

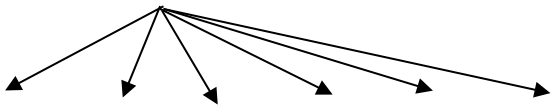
Помимо обращений и подписей аксиологические доминанты проявляются в разнородных номинациях в разных частях писем, когда Д. Бонхёффер так или иначе обращается к своему адресату (примеры 52, 53, 54 из писем другу).

Д. Бонхёффер выражает дружеское доверие Э. Бетге и пишет ему даже о своих слабостях, о чем больше никому не говорит. Д. Бонхёффер относится к своему другу ещё

и как к брату и пастору, поэтому их отношения, несмотря на общность профессиональных интересов, далеко выходят за рамки институциональных. Первое письмо другу Д. Бонхёффер писал как исповедь (пример 53).

Рассмотрев тексты писем Д. Бонхёффера разным адресатам, можно вывести инварианты писем, где О — обязательные макрокомпоненты, F — факультативные, FF = макрокомпоненты, не интегрированные в текст.

$(О_{дата}) + О_{обращение} + О_{сообщение} + О_{подпись}$



$(F_{теол.} + F_{фил.} + F_{искусств.} + F_{муз.} + F_{лирич.} + F_{быт.}) \; + \; + \; FF_{Bericht}$

$+ FF_{Gedicht} + FF_{Gebet} \; +$

$FF_{Textament} + FF_{Entwurf\ für\ die\ Arbeit} + FF_{Predigt} + FF_{n}$

Рисунок 2. Инвариант 0 = макроструктура личного письма Д. Бонхёффера.

Особо следует актуализировать следующие наблюдения.

Анализ подписей к письмам разным адресатам выявил, что и обязательные макрокомпоненты содержат идиостилистические особенности Д. Бонхёффера, характерные для него как для ректора семинарии и основателя христианского студенческого братства, а также через выбор средств обращения к другу и к братии Финкенвальде, способов прощания, степени детализации объективируемых сведений, степени эмотивности и экспрессивности.

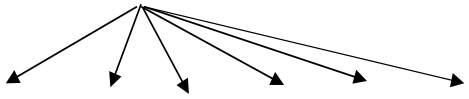
Необходимо отметить, что прощания в письмах являются свидетельством о том, что и он, и его собеседники были единоверцами, поскольку пожелание мира в письмах Д. Бонхёффера являются аллюзией на приветствие и окончание писем апостола Павла [DBW XV: 354]. В пограничной ситуации стратегия на проявление дружеского участия, внимания и пожелание мира собеседнику является важным свидетельством духовной стойкости и душевного участия Д. Бонхёффера.

Таким образом, анализ писем Д. Бонхёффера показывает, что тип текста «личное письмо» имеет строгую организацию, выражающуюся в регулярно воспроизводимой последовательности обязательных компонентов, изучение писем разным адресатам пока-

зывает, что при всём многообразии обсуждаемой тематики и высоком структурном разнообразии личные письма Дитриха Бонхёффера сохраняют жёсткую структуру, в целом соответствующую конвенциональной структуре личного письма в немецкой языковой культуре. Вариативность личного письма Д. Бонхёффера проявляется на уровне факультативных макрокомпонентов обоих типов, и степень гетерогенности данного типа текста зависит в большой степени от фактора «адресат».

Так, максимально гетерогенной является структура писем другу, причём некоторые макрокомпоненты приложены к основному тексту (см. Таблицы 3, 4). Для писем другу характерна разная степень детализации сведений из определенной понятийной сферы (в особенности в проблемном теологическом поле); разные способы развертывания темы (типы тема-рематической прогрессии). Очевидной для наблюдателя является и формальная вариативность: наличие обязательных макрокомпонентов (кроме места и иногда даты). При этом для дружеских писем свойственна высокая степень стилистической разнородности.

$$(O_{\text{дата}}) + O_{\text{обращение}} + O_{\text{сообщение}} + O_{\text{прощание}} + O_{\text{подпись}} + (\text{P.S.})$$



$$F_{\text{теол.}} + F_{\text{филос.}} + F_{\text{искусств.}} + F_{\text{муз.}} + F_{\text{лирич.}} + F_{\text{быт.}} + FF_{\text{Bericht}}$$
$$+ FF_{\text{Gedicht}} + FF_{\text{Gebet}} + FF_{\text{Textament}} + FF_{\text{Entwurf für die Arbeit}} + FF_{\text{Predigt}} + FF_{n}$$

Рисунок 3. Инвариант 1 = макроструктура для письма другу

Границы между макрокомпонентами в личном письме Д. Бонхёффера строгие, и маркером членения текста является деление текста на абзацы, а также маркеры переключения темы типа темпоральных и локативных, а также доминирование номинативных средств из определённой понятийной сферы, имена известных деятелей в той или иной профессии и т. п. Во многих письмах другу присутствует постскриптум.

Письма родителям включают гораздо меньшие по количеству и по объёму факультативные макрокомпоненты, такие как теологический, философский, искусствоведческий, и письма родителям больше соответствуют конвенциональной структуре письма, чем письма другу.

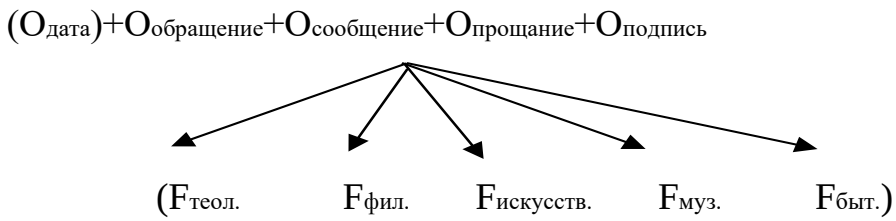


Рисунок 4. Инвариант 2 = макроструктура для письма родителям

Письма возлюбленной характеризуются высокой степенью эмоциональности, акцентом на личные отношения. В них Д. Бонхёффер не затрагивает теологических проблем, высоких интеллектуальных вопросов, в отличие от дружеских писем. Письма возлюбленной менее вариативные, чем письма другу.

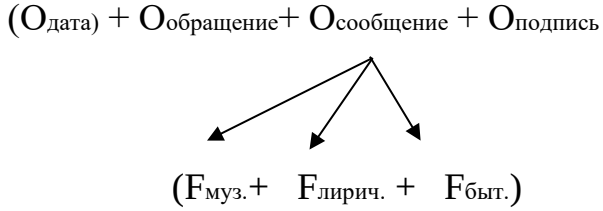


Рисунок 5. Инвариант 3 = макроструктура писем возлюбленной.

Максимально конвенциональными являются письма следователю, в которых вариативность проявляется в содержательно отношении и определяется темой допроса.

(Одата) + Ообращение+ Осообщение + (О подпись)

Рисунок 6. Инвариант 4 = для писем следователю:
обращение – тема – (подпись).

2.1.1.3.2.1. Значение личных местоимений в содержательной части письма

Содержательная часть писем Д. Бонхёффера, как уже было сказано в параграфе 2.1.1.2., отличается огромным тематическим разнообразием, что особенно характерно для дружеских писем. Тем не менее, письмо всегда обращено к адресату, его целью в первую очередь является не информативная, а фатическая функция – поддержание об-

щения. Этим обусловливается наличие личных обращений, выражаемых в форме личных местоимений[22].

Д. Бонхёффер мало говорил о себе в письмах близким. Формально оригинальность структуры его писем во многом обусловлена тематическим богатством, основывающимся, с одной стороны, на широте интересов и глубине эрудиции Д. Бонхёффера как адресанта и его адресатов (в отношении писем другу и родителям), а с другой стороны, стремлением Д. Бонхёффера убедить своих заочных собеседников в том, с чем он не мог согласиться по разным причинам – в том, что он мученик и страдалец, как это предполагали – не без основания – его друзья и родные. Так, в письме от 20.11.1943 он шутит по этому поводу (пример 55), а в откровенном разговоре с другом о своей возлюбленной Марии, с которой Д. Бонхёффер был обручен, он не без горькой иронии сравнивает себя со «старым мучеником» (пример 56).

Особенности использования личных местоимений во многом зависят от фактора «адресат». Так, если в личных письмах родителям, возлюбленной и другу, Д. Бонхёффер, как правило, употребляет местоимение *wir*, включая себя и адресата в одно пространство, не отделяясь от него, то письмах следователю он преимущественно использует *Sie,* и частое обращение к следователю в отношении просьб заключенного является средством реализации манипулятивной стратегии (примеры 119, 123).

Особенно интересно в этом отношении рассмотреть фунционирование личных местоимений в письмах другу, поскольку в них явлена испостаь Д. Бонхёффера как проповедника, руководителя семинарии, и для некоторых пассажей из этих писем характерно использование местоимения *wir*, причём Д. Бонхёффер не уточняет, кого именно он имеет в виду. Так, Фритц де Ланге, голландский исследователь, отмечает, что бонхёфферовскому «я» принадлежало его «мы», его идентичность связана с традициями немецкого народа. Тюремное заключение невидимо разрывает нить, которая связывает его со

[22] О функциях личных местоимениях как средств языковой категоризации пространства члеовека в немецком языке см. в монографии И. Ю. Безукладовой: «Одной из основных функций этих дейктических единиц в процессе коммуникации является референциальная, указательная функция, суть которой состоит в выделении лица или предмета как бытийной сущности с ориентацией на говорящего» [Безукладова 2013: 171] (см. также сходную позицию в [Стренадюк 2013; Устин 1984]).

«своим» [Lange 2012: 61]. Тем не менее, тексты его писем показывают, что внутренне эту связь он не потерял.

Основная функция местоимения *wir*, как и других личных местоимений, состоит в замещении имени [Moskalskaja 2004: 210]. При этом особенность данного местоимения в том, что оно предполагает включение себя в какое-либо сообщество, отношение с другими [Абрамов 2004: 59]. Так, местоимение *wir* может означать: Д. Бонхёффер+Э. Бетге (в письмах Э. Бетге) (примеры 135, 150), Д. Бонхёффер+его семья и близкие (в письмах родителям) (примеры 93, 81), Д. Бонхёффер+возлюбленная (в письмах возлюбленной) (пример 71, 134), немецкий народ (примеры 29, 30), Д. Бонхёффер+люди в целом (в стихотворениях и некоторых письмах другу) (пример 41), Д. Бонхёффер+заключённые (пример 143), христианское сообщество (примеры 61, 38).

Местоимение *wir* в теологических письмах Д Бонхёффера другу вероятно имеет коллективного адресата. Многие годы Д. Бонхёффер непрерывно общался с Э. Бетге и с общиной братии Финкенвальде, но, находясь в тюрьме, из-за соображений безопасности не мог упоминать имена тех, кто входил в общину. Адресатом этих писем могла быть как община Финкельвальде, так и участники движения Сопротивления, и даже вся немецкая лютеранская церковь.

Ларри Расмуссен, размышляя о вопросе Д. Бонхёффера «Кто для нас Христос сегодня?» (пример 57), предполагает, кого Д. Бонхёффер имеет в виду под «мы» в данных письмах. Он считает, что *uns* относится к людям, которые разделяют вину за прошлое и вместе заботятся о будущем [Rasmussen 2005: 83].

Таким образом, использование личных местоимений в письмах Д. Бонхёффера является средством реализации номинативных стратегий персонализации, с одной стороны, и одновременно дискурсивных —аргументативных, суггестивных и манипулятивных —с другой. Если в письмах другу, возлюбленной и родителям он, обращаясь к адресатам, включает и себя в это пространство общения и тем самым реализует суггестивную стратегию установления личной связи «ты и я» по отношению к другу и возлюбленной, «я и вы» по отношению к родным, то в письмах следователю он использует личное местоимение *Sie,* служащее реализации манипулятивных стратегий, чтобы вызвать доверие

следователя и достигнуть своей цели – убедить следователя, что обвиняемый абсолютно невиновен и не опасен властям, поскольку он пастор.

2.1.1.3.2.2. Способы конструирования хронотопа

Одним из средств и способов реализации стратегий является конструирование разных хронотопов. Хронотоп, согласно определению М. М. Бахтина, является «существенной взаимосвязью временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975: 234]. Разнообразие способов конструирования хронотопа кореллирует с разными текстовыми структурами. Анализируя это явление, Л. А. Ноздрина вводит понятие текстовой сетки, определяя последнюю как реализацию функционально-семантического поля в конкретном тексте. Понятие «текстовая сетка», по мнению Л. А. Ноздриной, включает четыре категории: хронотоп, координаты, дейксис и точка зрения, при этом категория точки зрения организуется посредством взаимодействия темпоральной (пример 100, 101, 153), локальной (пример 116, 153), персональной (пример 96), референтной (пример 82) и модальной (пример 4, 99) текстовых структур [Ноздрина 2001a: 41; Ноздрина 2001b: 62].

Одной из очевидных особенностей содержательной и формальной организации личных писем Д. Бонхёффера является то, что в одном тексте нередко можно выявить несколько хронотопов. Отмеченное обстоятельство представляется не случайным, т.к. в одиночестве тюремного заключения Д. Бонхёффер часто обращается к воспоминанию о прошлом и к конструированию будущего. Это и стало импульсом для выявления средств и способов конструирования хронотопа того или иного типа.

В самом общем смысле можно выделить в текстовом пространстве изучаемых личных писем четыре типа хронотопа: а) реальный – в обязательных макрокомпонентах; б) виртуальный – в обязательных и факультативных макрокомпонентах; в) фиктивный – в факультативных макрокомпонентах; г) гипотетический (в научном исследовании). Указанные типы хронотопа были выделены в письмах Д. Бонхёффера, поскольку в них обнаруживаются характеристики разных типов текста (поэзия, проза, медитация, проповедь). На виртуальный и фиктивный типы хронотопа в текстах письмах указывают такие средства, как Konditionalis, обстоятельства времени (пример 62).

В своих личных письмах Д. Бонхёффер конструирует хронотоп разными способами. Как показывает анализ соответствующих средств, это главным образом зависит от адресата, а также, естественно, от интенции адресанта. Реальный хронотоп конструируется для сообщения о настоящих событиях. Фиктивный хронотоп представлен в фиктивных литературных жанрах (стихотворениях), виртуальный хронотоп — в воспоминаниях о прошлом и при конструировании желательных для адресанта ситуаций. К гипотетическому хронотопу Д. Бонхёффер прибегает в своих научных трудах, в особенности в теологических письмах, а также в эссе и размышлениях, созданных в период заключения.

В письмах Д. Бонхёффера использованы следующие средства обозначения места и времени: лексические средства локативной семантики: название городов (пример 22), стран, местностей, темпоральные средства: наречия времени (пример 55), существительные темпоральной семантики (примеры 2, 25).

К морфологическим формам можно отнести такие временные формы глагола, как перфект (пример 2), претеритум (пример 20), конъюнктив (пример 6).

Синтаксические средства выражены глагольными предложениями в форме «Konditionalis», субстантивными предложениями и др.

Реальный хронотоп представлен через описание в письмах другу и в стихотворениях личного переживания ситуации заключения в общем контексте жизни Германии (примеры 58, 59).

Показательно, что тип хронотопа оказывается тесно связанным с особенностями адресата, а также с типом восприятия адресантом, т. е. Д. Бонхёффером, реальной ситуации, степенью неопределенности соответствующей ситуации для субъекта восприятия и степенью выраженности пограничной ситуации для адресанта (ср. примеры 143, 144, 153).

Различие дружеских писем и писем родителям заключается в том, как Д. Бонхёффер осмысляет и констатирует с помощью языковых средств действительность тюремного заключения. Так, в письмах другу Д. Бонхёффер чаще апеллирует не к внешним событиям жизни, а к собственным внутренним переживаниям (пример 54). В письмах родителям Д. Бонхёффер использует средства обозначения реального хронотопа,

чтобы противопоставить реальности заключения быт и события в своей семье, которая находится от него на расстоянии всего нескольких километров (пример 82).

Одной из характерных особенностей писем Д. Бонхёффера является конструирование «возможных миров», что явственно видно на примере его поэтических художественных и теологических сочинений, созданных в период заключения. При этом в тексте писем другу Д. Бонхёффер подчеркивает важность личного общения с Э. Бетге и жалеет о том, что не имеет возможности обсуждать свои творческие идеи с другом лично (пример 6). Виртуальный хронотоп, мир предписываемых действий,[23] представляет конструкции, которые А. П. Бабушкин называет вербализованными представлениями [Бабушкин 2001: 75].

Виртуальный мир существует в ментальном пространстве языка в качестве мысленного воплощения реальных событий. И хотя образы фантазии принадлежат воображению [Бабушкин 2001: 74], она, тем не менее, не разрушает и даже не оскорбляет правду жизни, не умаляет восприятие научной истины [Бабушкин 2001: 42], а также помогает по-новому чувственно воспринять реальные события [Firle 1990: 40]. Так, с одной стороны, в своих художественных произведениях Д. Бонхёффер конструирует фиктивные миры, с другой —таким способом он осмысляет личную реальную ситуацию тюремного заключения и время войны, дистанцируется от неё, переключает своё внимание и внимание своего адресата на те события, явления, предметы, состояния, которые кардинально выпадают из реальной действительности. В письмах Д. Бонхёффера мы наблюдаем «возможные миры», которые «схвачены» языковым знаком. Д. Бонхёффер репрезентирует свое желание встретиться с другом и возлюбленной в стихотворениях, он осмысляет свое положение тюремного заключения через библейские образы пророков (*Moses, Jona*), конструирует ситуации в своих письмах: например, представляет, как гуляет по лесу летом, сожалеет об утраченных ранее, до заключения, возможностях и т. д. (пример 60).

---

[23] См. определение «возможных миров» у А. П. Бабушкина: «В отличие от реального мира все эти ментальные фрагменты выступают в качестве «возможных миров», существующих в сфере языковой модальности. Предлагается назвать этот вид модальности модальностью возможных миров. Возможные миры становятся объектом лингвистического исследования только тогда, когда они вербально репрезентируются, то есть когда их идеальная сущность «схвачена» языковым знаком» [Бабушкин 2001: 79].

В ситуации тюремного заключения человек разграничивает две реальности – настоящую в заключении и желаемую, вне стен тюрьмы [DBW VIII: 624]. Но жизнь Д. Бонхёффера, ограниченного в действиях и общении с людьми, тем не менее, не теряет внутренней интенсивности и ценности, и его воображение создает различные образы, с помощью которых он осмысляет события реальной действительности, например, в форме прозаических сочинений, эссе, теологических трудов, в стихотворениях, в текстах личных писем, творя в своём воображении возможные миры.

Такой эффект возникает потому, что в своих сочинениях Д. Бонхёффер видит ситуацию эсхатологически, осмысляя собственную смерть и рассматривая её как «последний этап на пути к свободе», выходя за рамки реального времени и пространства (пример 61).

Интересно, что Д. Бонхёффер конструирует реальности разного типа в зависимости от адресата писем. Так, описывая реальность тюремного заключения в письмах родителям, он утверждает, что можно быть сытым, даже если съедаешь кусок зачерствелого хлеба на завтрак (пример 43), и постоянно акцентирует внимание на том, что о нём не нужно беспокоиться, всячески подчёркивая, что он благодарен родителям за помощь.

В письме же другу реальность заключения предстаёт совсем в другом ракурсе, причем он описывает своё психологическое состояние, свои душевные переживания детально и без прикрас (пример 62). Д. Бонхёффер раскрывает сокровенные стороны своей души, говорит о том, что испытывает уныние, и даже пишет об этом стихотворение «Wer bin ich?» / «Кто я?».

Если в письмах родителям Д. Бонхёффер делает акцент не на своих переживаниях, а конкретных событиях из жизни своей семьи, то в письмах другу он подробно останавливается на описании своих душевных переживаний и состояний, не называя их, а создавая фиктивную реальность, описывая теологические вгзляды (пример 7), о чём свидетельствуют лирика, проза, теологические письма.

Важно отметить, что в названных случаях различаются использованные лексические и синтаксические средства, функционирующие при конструировании различных возможных миров, что сказывается на объёме писем родителям и другу. А. П. Бабушкин отмечает, что возможные миры реализуются посредством сослагательного наклонения [Бабушкин 2001: 80]. В письмах Д. Бонхёффера сослагательное наклонение выполняет

разные функции: чтобы вспомнить о днях, проведённых с семьёй и тем самым отвлечься от трудного тюремного быта, представить, как адресант писем снова встретится с другом, родными и близкими, обобщить свои эмоциональные переживания. Он конструирует желаемую ситуацию встречи с другом (пример 62).

В примере 40 Д. Бонхёффер имитирует встречу с другом, и темы их возможного разговора занимают три больших абзаца письма, в которых Д. Бонхёффер делится с другом сокровенными переживаниями настоящих событий.

Действительно, в письмах другу и родителям многочисленны высказывания Д. Бонхёффера, выражающие желание встретиться с ними не в условиях визита в тюрьму, а дома, в дружеском общении. Но при этом адресант говорит о своем прошлом не как о «мире утраченных возможностей», скорее наоборот: он не сожалеет о своем выборе. Тем не менее, он часто использует форму «Indikativ» для выражения потенциальных возможностей, вероятно, это желание, которое может быть исполнено (пример 63).

Д. Бонхёффер также использует вопросительные предложения, которые, согласно концепции возможных миров А. П. Бабушкина, называют «возможный мир, репрезентируемый вопросительными предложениями» [Бабушкин 2001: 70] (о разветвлённом функциональном потенциале вопросительных предложений в дискурсе см. подробнее в [Волкова 2010; Дашкова 2013; Цурикова 2001; Schendels 1982] (пример 64).

В дружеских письмах Д. Бонхёффер конструирует реальный хронотоп при помощи разнообразных отсылок к событиям, поездкам, встречам, которые он совершал вместе с Э. Бетге. Языковыми средствами, с помощью которых решается эта задача, являются географические названия, указывающие на совместное путешествие Д. Бонхёффера и Э. Бетге в Италию в 1920-х годах: *Verona, Rom, Vatikan*; немецкие топонимы: *Tresebur, Finkenwalde, Berlin*; имена общих друзей, братьев в Финкенвальде живых и умерших (*G. Seydel, B. Riemer, R. August* [DBW VIII: 193]) и воспоминание о совместно проведённых церковных праздниках с общинами в разных странах (пример 153); прецедентные имена, имена известных писателей, художников, композиторов, теологов и названия их произведений (*Stifter «Witiko», Per Gynt, Macchiawelli* и др.); указание на год и время, когда было совершено то или иное событие (пример 135); воспоминание о встречах, которое зарожда-

ется из упоминания простых предметов быта, например, написание письма при свечах (пример 62).

Актуален для Д. Бонхёффера и т.н. потенциальный мир, «картина» которого складывается из сценариев действий, которые при актуализации той или иной «скрытой» возможности могут быть вызваны к жизни [Бабушкин 2001: 50] (пример 93).

Письма Д. Бонхёффера насыщены разнообразными средствами выражения модальности: употребление модальных глаголов (примеры 2, 98, 99, 105), кондициональных предложений (примеры 7, 52, 67), неопределенно-личных предложений с *man* (подробнее § 2.1.1.2.4.), вопросительных и восклицательных предложений (примеры 4, 14, 15, 20, 22), вводных конструкций (пример 10), модальных частиц (примеры 88, 103), средств и способов смены тематики (примеры).

Важным средством конструирования хронотопа в письмах Д. Бонхёффера является категория модальности, которая выражает различные виды отношения высказываний к действительности. Модальность включает всю совокупность явлений, которые являются неоднородными по смысловому объёму, грамматическим свойствам, а также по способу своей оформленности [Бабушкин 2001: 13]. В своих письмах Д. Бонхёффер часто апеллирует к модальным глаголам, а также конструкции «*man*+модальный глагол». Частое использование таких конструкций указывает на отношение Д. Бонхёффера к ситуации заключения как к испытанию, которое и ему, и его адресатам необходимо преодолеть (примеры 98, 99, 115 и др.).

Изучение средств и способов конструирования реального и виртуального хронотопа в письмах Д. Бонхёффера побуждает поставить вопрос о влиянии пограничной ситуации на процессы порождения текста. Постановка данного вопроса связана с тем, что письма Д. Бонхёффера, написанные в разные периоды заключения, имеют следующие особенности.

1) Организация текста варьируется в зависимости от особенностей категоризации автором сведений о пространстве и времени, а также от того, как он относится к актуально переживаемой ситуации в разные периоды заключения. Так, в 3-й и 4-й периоды заключения, во время осознания неизбежности смертной казни, Д. Бонхёффер обращается к поэтическим формам (примеры 32, 34, 35, 36, 37). Тем не менее, с самого начала за-

ключения он допускает для себя возможность смертной казни и открыто пишет об этом другу (пример 97), не теряя чувства юмора в оценке ситуации заключения (пример 55), утешая родных и возлюбленную (пример 114). Тем не менее, он испытывал сильные внутренние терзания вплоть до мысли о самоубийстве, о чём он написал не в письмах, а только в своих заметках (пример 117).

2) Автор конструирует и реальный, и разные виды виртуального хронотопа в письмах на протяжении всех этапов заключения. Однако степень выраженности пограничной ситуации и ситуации неопределенности, а также её очевидность для субъекта восприятия определяет степень и способ выражения виртуального хронотопа. Если в начале заключения Д. Бонхёффер конструировал в письмах ситуации встречи с другом и близкими (пример 62), то в 3 и 4 периоды заключения виртуальный хронотоп выражается в теологическом макрокомпоненте (пример 141) и в образе лирического героя стихотворений (примеры 32, 34, 35, 36, 37).

3) Помимо разнообразных языковых средств темпоральной и локальной семантики при конструировании реального и виртуального пространства используются и различные средства выражения объективной и субъективной модальности (пример 131). Объективная модальность – выражение действия (возможность, необходимость, разрешение, запрет, желание и т.д.) и субъективная, т.е. когда говорящий высказывается по отношению к обозначаемому событию (предположение или чужое утверждение) [Helbig 1996: 131].

На семантической структуре текста сказывается и степень осознания адресантом писем остроты ситуации неопределенности, поскольку потенциально возможные средства конструирования хронотопа используются по-разному. Изучение средств и способов конструирования хронотопа обнаруживает прямую корреляцию между степенью выраженности опасности ситуации для субъекта восприятия и степенью остроты осознания потенциальной опасности субъектом восприятия, с одной стороны, и использованием средств выражения модальности, в особенности субъективной модальности, с другой. Так, в первых письмах родным и другу на первом и в начале второго этапа заключения чаще всего используются средства выражения реального времени в наклонении «Indikativ», а именно темпоральные и модальные союзы и наречия (*dann; anfangs, sobald)* и др.;

модальные глаголы (примеры 43, 98), существительные темпоральной семантики: *In den ersten 12 Tagen; in den vergangenen 7 ½ Monaten*; *Dann ging ich an ein kühnes Unternehmen* …, фазовые глаголы: *Ich begann… die Geschichte … zu schreiben* и т. д. Это обусловлено стремлением Д. Бонхёффера описать ситуацию заключения в письмах родным и другу.

В письмах, написанных в первый период заключения, Д. Бонхёффер размышляет над планами на будущее и надеется на скорое освобождение и встречу с родными, друзьями и возлюбленной (пример 68). Это выражено при помощи условных придаточных предложений.

В ходе второго и третьего периодов заключения Д. Бонхёффер конструирует виртуальный хронотоп посредством создания фиктивных текстов — прозы и поэзии, а также вводя различными способами «возможные миры» в текст личных писем. При этом используются следующие синтаксические структуры: haben + zu + Inf., sein + Inf.; используются формы Indikativ, Konjunktiv I, Konjunktiv II, Imperativ, -bar, модальные слова. Чем дольше автор писем находится в заключении, тем чаще он вспоминает в своих письмах об общении и поездках с другом, о семейных событиях и праздниках. Тем самым, будучи человеком, для которого пространство и время ограничены и постоянно сжимаются, он выходит за рамки обыденной тюремной реальности (пример 69).

Таким образом, конструирование хронотопа является средством реализации дискурсивных стратегий в письмах Д. Бонхёффера. Посредством воспоминаний о прошлых событиях жизни семьи, совместных путешествий с другом, а также через конструирование ситуаций встречи со своими близкими Д. Бонхёффер реализует суггестивные стратегии переключения внимания и утешения. Для реализации аргументативных стратегий Д. Бонхёффер конструирует гипотетический хронотоп, апеллируя к трудам немецких богословов, прецедентным феноменам из сфер музыкального искусства и литературы, библейским текстам, а также к собственным своим сочинениям, связывая тем самым свои труды в настоящее время с предыдущими, и тем самым ему удаётся бороться с обстоятельствами, которые совсем не способствуют интеллектуальному труду. Конструирование хронотопа является средством реализации манипулятивных стратегий в письмах к следователю, поскольку адресант помещает реальных людей в вымышленный контекст, тем самым запутывая следователя.

При этом наряду с темпоральными, локативными и модальными средствами идиостилистические особенности текстов Д. Бонхёффера заключаются в активном использовании сложных синтаксических образований, в особенности придаточных предложений реального и нереального сравнения.

2.1.1.4. Иноязычные вкрапления

В текстах писем Д. Бонхёффера присутствуют такие несвойственные личному письму единицы, как иноязычные вкрапления, к которым автор писем прибегает преимущественно в дружеских письмах в факультативных макрокомпонентах (преимущественно в теологическом, философском), а также в обязательном макрокомпоненте «подпись». Иноязычные вкрапления обнаруживают специализацию на тематику, обсуждаемую в письме, на тип адресата, а также на ситуацию, в которой они используются.

Анализ специальной литературы по вопросу иноязычных вкраплений в текстах разного типа показывает неслучайность их использования в текстах. Л. П. Крысин, изучая явление «заимствования» в общетеоретическом плане, выявил виды заимствований, внутренние и внешние причины их появления в языке, а также особенности их формирования [Крысин 2004]. Богатство функционального потенциала иноязычных вкраплений при конструировании фиктивной реальности описано на материале художественных текстов [Гришаева 2004; 2016]. Иноязычные вкрапления анализируются как средство конструирования инокультурной реальности для акцентирования определенных ценностных (гуманистических) ориентаций [Гришаева 2016]. Раскрыта специализация иноязычных вкраплений в разножанровых художественных текстах [Большакова 2008; Коломейцева 2016; Краснова 2009; Олейникова 1992; Скребов 1997], а также в публицистическом тексте [Маркелова 2014]. Особенности функционирования иноязычных вкраплений в ситуации полилингвизма на примере языка иммигрантов из Конго во Франции изучила Я. А. Глебова [Глебова 2016]. Различные исследования доказывают, что иноязычные вкрапления в текстах разных типов проявляют богатство функционального потенциала, экономно и ярко характеризуют два (или более) культурных пространства, показывают профессиональную сферу адресанта текста и так или иначе характеризуют адресата.

Для писем Д. Бонхёффера характерна активная апелляция к тексту Библии на языке оригинала — греческом. Труды западных богословов Д. Бонхёффер читал на латинском языке[24]. Это не случайно: он настолько свободно владел древними языками, что и в личных письмах другу активно и регулярно использовал языковые средства из латинского и греческого языков. Это свидетельствует, очевидно, о его высокой образованности и естественном многоязычии в профессиональном и личном общении с коллегами и друзьями. Находясь в тюрьме, Д. Бонхёффер, согласно упоминанию Э. Бетге, имел Библию на немецком языке в переводе Мартина Лютера и греческий текст Нового завета. В тюремном заключении у него также был текст Конкордата, но к нему не прилагались комментарии и словарь [Bethge 1970: 946].

Однако обсуждаемый здесь феномен встречается не во всех письмах — он характерен только для писем другу. Широкое использование данных языковых средств в тексте личных писем другу указывает на высокий уровень эрудиции и интенсивную интеллектуальную деятельность Д. Бонхёффера и его адресата. Другими словами, употребление лексических единиц анализирумого типа однозначно обусловлено фактором адресата: Э. Бетге и Д. Бонхёфффер были хорошо образованными теологами, поэтому автор писем не поясняет для друга семантику заимствований, будучи уверенными, что тот сможет понять их смысл и роль в тексте.

В письмах возлюбленной Д. Бонхёффер, напротив, стремится не делать акцент на своей эрудированности. Основная функция данных писем — фатическая (о функциональном потенциале личного письма см. в [Белунова 2000; Ковалёва 2002; Нижникова 1991]). Поэтому не удивляет факт, что в письмах возлюбленной иноязычное вкрапление используются Д. Бонхёффером лишь один раз (пример 71). В этом случае посредством иноязычного вкрапления Д. Бонхёффер реализует суггестивную стратегию утешения.

В письмах родителям, общине и следователю Д. Бонхёффер ни разу не прибегает к иноязычным вкраплениям ни из греческого, ни из латинского, ни из современных европейских языков. Таким образом, характер использования иноязычных вкраплений в тек-

[24]Латинский язык является основным при чтении философской и богословской литературы средневековья и Нового времени.

сте письма является явным маркером ипостаси адресанта: сын, пастор, теолог. В письмах следователю он сознательно стремится не показывать свой уровень эрудиции, играя роль наивного пастора, который ничего не понимает в политике [Метаксас 2012: 498].

Вообще, для личных писем Д. Бонхёффера в другие периоды жизни не характерно широкое использование заимствований. Он писал теологические труды, делал заметки о различных библейских понятиях[25], предполагающих знание греческого оригинала Нового Завета. Но в условиях тюремного заключения и отсутствия преподавательской деятельности Д. Бонхёффер использует для своих размышлений форму личного письма. Он прибегает к иноязычным вкраплениям премущественно в письмах на праздники, а также в теологических письмах 1944 г., в третий и четвёртый периоды заключения. Особенность функционирования иноязычных вкраплений из теологической сферы в письмах Д. Бонхёффера другу заключается в том, что они используются не только в теологическом макрокомпоненте.

В лирическом макрокомпоненте, как следует ожидать, иноязычных вкраплений не должно быть. Однако в письмах встречаются музыковедческие иноязычные вкрапления, причём в контексте размышления над теологическим вопросом (пример 23).

Как правило, иноязычные вкрапления из разных сфер бытуют в письмах Д. Бонхёффера в виде одной лексемы (*Adiaphora*) или группы слов (*δος μοι πουστω*). Музыкальные термины представлены одной лексемой (*Polyphonie*), в одном случае — в виде группы слов (*cantus firmus*), а также в виде отдельных нотных строк, фиксирующих музыкальную фразу (примеры 147, 151).

Иноязычные вкрапления в текст письма вводятся двумя способами: 1) без ссылки на источник; 2) ссылки на источник указаны корректно и точно, согласно конвенциям немецкого языка. В большинстве писем Д. Бонхёффер не ссылается на источники. Сноски, которые содержатся в научных изданиях собрания сочинений Д. Бонхёффера, даны впоследствии исследователями его трудов. Некоторые вкрапления из теологической сферы Д. Бонхёффер не поясняет, поскольку справедливо и вполне оправданно полагает,

[25] См. заметки, в которых Д. Бонхёффера раскрывает то или иное понятие на основе библейского текста и использует слова и выражения на языке греческого и древнееврейского языков, например, заметки о таких понятиях, как *Friede, Freude* [DBW XV: 350].

что адресат (Э. Бетге) их адекватно понимает, поскольку хорошо знаком с теологическим дискурсом и свободно владеет соответствующими знаковыми системами (пример 72).

Анализ обращает внимание на то, что греческие, латинские вкрапления по-разному вводятся в письмах Д. Бонхёффера. Назовём наиболее частотные вкрапления: 1) цитата из Библии на языке её оригинала – греческом: *Der Tod als εσχατος εχθπος (1Kor 15,26)*; 2) богословская и философская терминология (например, термин *Πνευμα gegen σαρζ*, к которому прибегает Д. Бонхёффер, используется в богословии К. Барта); 3) устойчивые выражения и цитаты из сочинений античных мыслителей: *Δος μοι πουστω και κινησωτην γην* (Архимед); 4) прецедентные феномены из богословской или философской литературы: *vita activa/contemplativa*.

Вкрапления на латинском и греческом языке представлены богословской и философской терминологией, а также в форме устойчивых выражений. Так, в размышлении о проблемах богословия Д. Бонхёффер активно апеллировал к некоторым понятиям из Нового завета, вводя их в канву рассуждений на греческом языке (пример 73).

Д. Бонхёффер использует лексическую единицу из Нового Завета *περιτομη* (нем. *Beschneidung*), которая встречается в посланиях апостола Павла к римлянам и галатам. Д. Бонхёффер вводит это понятие в современный культурный контекст, находит для него новое обоснование, т.е. фактически адаптирует его для современного человека, живущего в другой, чем во времена апостола Павла, культуре. Греческое вкрапление становится в данном тексте средством, при помощи которого автор формулирует научный тезис. Д. Бонхёффер обращается также к греческой и латинской терминологии известных западных богословов (например, Иринея Лионского), а также к трудам своих современников – А. Гарнака, К. Барта и мн. др.).

Функциональный потенциал иноязычных вкраплений на разных языках различается, о чем свидетельствует сопоставление способа их включения в текст, а также специализация этих средств на определенные сферы употребления (см. подробнее Таблицу 7). Заимствования подчеркивают письменный характер текста, который порой напоминает по своей организации теологический трактат, и автор активно прибегает к заимствованиям именно в тех частях писем, в которых он пишет другу о своих теологических размышлениях, т.е., по сути, следует правилам порождения научного текста (см. признаки

научного текста в § 2.1.1.2.1). Вместе с тем, будучи в большинстве своём по сути прецедентными феноменами (далее – ПФ), иноязычные вкрапления устанавливают внутри- и внетекстовые связи в письмах между составными частями одного текста и между разными письмами.

При помощи иноязычных вкраплений можно легко проследить связь между разными письмами Д. Бонхёффера, а также между письмами и его богословскими трудами. Так, к понятию *ανερδιφυχος* (см. в послании Иакова 1:8: «муж с раздвоенной душой не твёрд во всех путях своих») Д. Бонхёффер апеллирует в набросках для занятия в семинарии Финкенвальде (DBW XIV/I: 614), а также в своём труде «Этика» (DBW VI: 321).

Иноязычные вкрапления могут также являться средством связи разных хронотопов: «здесь и сейчас – там и тогда», «тюрьма – семинария» и др. (см. письма от 28.11.1943 (пример 74), от 23.2.1944 (пример 75), которые содержат воспоминания о жизни в семинарии в Финкенвальде). Иноязычные вкрапления активизируют значительные пласты важных для обоих коммуникантов сведений, к которым можно отнести: со-бытие, со-размышление, со-причастность, со-чувствие, со-переживание, со-присутствие (пример 54).

Функции описываемых единиц, а также форма их бытования в текстах разного типа определяются общими тенденциями их функционирования согласно конвенциям немецкой (шире – общеевропейской и интернациональной, общечеловеческой) языковой культуры.

В своих письмах другу Д. Бонхёффер прибегает к иноязычным вкраплениям для решения разных коммуникативных задач: (1) чтобы аргументировать свою позицию при помощи теологической лексики (пример 17); (2) чтобы утешить собеседника (пример 23). Иноязычные вкрапления выполняют в письмах Д. Бонхёффера многочисленные функции, которые довольно полно представлены в Таблице 9 ниже.

Таблица 9

Функции заимствований в письмах другу

Функции	Латинский		Греческий			Французский
	Филос. лекс.	Теолог. лекс.	Философ. лексика	Теолог. лексика	Муз. лекс	Общекультурная лексика
Конденсируют информацию	+	++	+	++	+	+
Помогают припоминать	±	+	±	+	–	–
Иллюстрируют собственные тезисы	+	++	+	++	+	–
Являются аргументом	+	+	+	+	–	–
Опровергают мысль	±	+	+	+	–	–
Переключают внимание	+	+	±	±	+	+
Фиксируют результаты долгих размышлений	+	++	+	++	+	–

Согласно данным, представленным в Таблице 5, можно выделить следующие функции заимствований в письмах Д. Бонхёффера: характеризующую, номинативную, экспликативную, аргументативную, информативную, эмотивную, аксиологическую, дескриптивную, экспрессивную, мнемоническую (напоминание). Самое большое количество заимствований приходится на второй и третий периоды заключения, когда Д. Бонхёффер раскрывает в письмах теологическую проблематику. Ко второму периоду относятся также тематические письма, посвященные размышлению о церковных праздниках Рождества и Пасхи (примеры 149 и 150). В третий период Д. Бонхёффер особенно часто прибегает к иноязычным вкраплениям, поскольку ведет активную богословскую переписку со своим другом Э. Бетге, и характер личных писем другу становится научным, о чём и свидетельствует количество и функциональный потенциал иноязычных вкраплений в тексте личных писем другу (см. Таблицы 7, 9).

Как показано в Таблице 10, в 47-ми письмах другу зафиксировано ≈19 случаев заимствований из латинского и 14 случаев заимствований из греческого языков (это без учёта повторов одних и тех же лексических единиц), около 10-ти случаев заимствования из итальянского языка, а также два случая заимствований из французского языка (см. Таблицу 10).

Таблица 10

Количественный и формальный анализ иноязычных вкраплений

Вкрапления (слова и выражения)	Количество	Формальная характеристика				Сферы употребления			
		Лексема	Группа слов	Предложение	Выдержка из текста	Теология	Философия	Музыка	Изобразительное искусство
На латинском	≈19	+	+	+	+	+			–
На греческом	14	+	+	+	+	+	+	+	–
На итальянском	≈10	+	_+	–	_–	_–	_+	+	+
На французском	2	–	+	–	–	–	+	–	+

Количественная характеристика заимствований в письмах Д. Бонхёффера другу представлена в Таблице 11 ниже.

Таблица 11

Количественная характеристика заимствований в письмах другу Э. Бетге

Период пребывания в тюрьме	Количество писем другу	Количество иноязычных вкраплений
Апрель – июль 1943	16	–
Август 1943-апрель 1944	21	9
Апрель – июль 1944	10	19
Июль 1944 – февраль 1945	47	4

Анализ полученных данных убеждает, что заимствования из греческого и латинского языков являются в изучаемых текстах полифункциональными: с их помощью можно определить, как разворачивается семантическая структура текста, какое место в личном письме занимают теологические, искусствоведческие, философские и другие тематические блоки, которые в тексте личного письма на первый взгляд воспринимаются как инородные (примеры 4, 17 и др.).

Таким образом, Д. Бонхёффер прибегает к иноязычным вкраплениям в письмах другу, и их использование связано с реализаций двух стратегий: суггестивной стратегии дистанцирования при размышлении о смерти в письмах другу на церковные праздники (примеры 149, 150), и аргументативной в теологических письмах (пример 73). Наличие столь несвойственного для личного письма явления характеризует личное письмо как письменный текст, в котором адресант тщательно выбирает языковые средства. Это обу-

словлено, во-первых, фактором «адресант», спецификой его профессиональной деятельности, широтой его образования и эрудиции, во-вторых, фактором «адресат». Так, Д. Бонхёффер апеллирует к заимствованиям в письмах другу, поскольку это позволяют личные особенности адресата, который имел богословское образование.

2.1.1.5. Термины

В исследуемых письмах Д. Бонхёффер регулярно использует разнообразную терминологию:[26] общенаучную (*Arbeitshypothese*), общефилософскую (*Metaphysik*), специально-научную – теологическую (*Transzendenz*, *Pantheismus*), привязаную к определенной христианской конфессии (*Reformationsfest, Pietismus*). При этом Д. Бонхёффер прибегает к терминологии в разных макрокомпонентах, преимущественно в факультативных: теологическом и философском.

Основанием для включения анализируемых единиц в ту или иную группу являются пометы в толковом словаре «Duden»: такие как *bildungsprachlich, Gebrauch: Theologie* [URL: www.duden.de] и им подобные. Общеупотребительные слова *Liebe, Glaube, Hoffnung* Д. Бонхёффер стремился интерпретировать с точки зрения библейского откровения, поэтому в данном контексте их тоже правомерно отнести к общехристианским терминам. Это вписывается и в актуальную тенденцию. Так, например, в Словаре библейского богословия К. Леон-Дюфура [Словарь библейского богословия 1990: 115, 527, 615] эти понятия трактуются с точки зрения Библии.

Терминологию в письмах Д. Бонхёффера можно условно разделить на общерелигиозную (христианскую) и специальную, которая включает в себя теологические, философские, музыковедческие термины.

К общерелигиозной терминологии можно отнести такие лексические единицы, как *Metaphysik, die Herausgerufenen, Kultus, Buße, Wiedergeburt, Heiligung, Vita christiana,*

[26]«Термин – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [Головин 1987: 5]. Их морфологические свойства подчинены единым для языка грамматическим законам [Головин 1987: 100]. Синтаксис научной речи ориентирован на логическое использование терминов, их определение и пояснение [Головин 1987: 100]. Выделяют простые термины-существительные; сокращенные термины; сложные термины; многокомпонентные термины; термины-глаголы; термины-прилагательные [Брандес 1983: 187], интернациональные термины [Чернышова 2014: 51]. Профессиональная лексика является подвидом терминов [Riesel 1975: 83].

Incarnation. Критерием отнесения лексических единиц к терминологии служат уже упомянутые пометы в словаре «Duden»: *gehoben* и *Religion*.

Специальную терминологию можно разделить на теологическую, философскую: *die erkenntnistheoretische Transzendenz; Not, der Sorge, das Unheil (Heidegger)* и музыковедческую: *g-moll, Kontrapunkte, cantus firmus*.

Некоторые ПФ в письмах Д. Бонхёффера функционируют в качестве научных терминов:, *Profanierung, περιτομη, Der deus ex machina, Chalcedonese, Alttestamentisch, pietisch-methodische Versuch, N. T.* Наличие аббревиатур в тексте личных писем другу является, очевидно, свидетельством научного стиля, свойственного этим письмам, поскольку, как утверждают исследователи, сокращения являются характеристикой терминологии [Riesel 1975: 83].

Терминология в письмах Д. Бонхёффера представлена преимущественно простыми терминами-существительными и двусоставными терминами со структурой *Adj.+Sub. (religiöse Apriori)*. Преобладают общенаучные термины из философской сферы, а в теологических письмах – преимущественно теологические термины. Особенно интересным представляется то, что его неологизм *nichtreligiöses Christentum* стал термином, которому сегодня посвящаются статьи в специальных словарях, такие как *Nichtreligiöse Interpretation des Christentums, Religionsloses Christentum, nicht-religiöse Interpretation der theologischen Begriffe* [Мак-Кин 2004: 37].

Д. Бонхёффер обращается к терминам преимущественно в письмах другу. Письма родителям, общине, возлюбленной и следователю не содержат специальной терминологии. Доминирующие функции терминов в письмах Д. Бонхёффера — это обобщение и название — идентификация объектов. Кроме того, при помощи терминов адресанту удается компримировать информацию в текстах писем, т. е. представить свои размышления максимально кратко (пример 16).

При помощи терминов Д. Бонхёффер реализует номинативные стратегии прямой идентификации [Гришаева 2014], называя библейские понятия на языке греческого оригинала и / или так, как это принято в специальных дискурсах.

2.1.1.6. Библеизмы

Абсолютно не удивительно, что для писем Д. Бонхёффера обращение к библейским сюжетам является совершенно естественным. Библия была единственной книгой, которая была у него с первых дней заключения [DBW VIII: 44]. К библейским словам, выражениям, образам и истории он обращается в личных письмах к другу, родителям, родственникам, возлюбленной и даже в письмах к следователю, чего вряд ли можно было ожидать в подобной коммуникативной ситуации. Цели использования библеизмов в текстах писем различаются в зависимости от адресата писем, именно поэтому рассмотрение функционального потенциала библеизмов в письмах Д. Бонхёффера заслуживает внимания в связи с выбором адресантом той или иной дискурсивной стратегии.

Частотное использование библеизмов, очевидно, не является, типичной характеристикой личного письма. По всей видимости, обращение автора писем к библеизмам связано, во-первых, с особенностями ситуации, которую правомерно назвать пограничной и ситуацией неопределенности. Во-вторых, данное явление становится более понятным в силу того, что вера — часть личностной идентичности автора писем. Потому Библия была для Д. Бонхёффера основным и практически единственным источником духовного укрепления, утешения и связи с церковной общиной в условиях, когда для него было невозможным братское общение, участие в богослужении и в церковных таинствах[27] [DBW VIII: 186].

Однако такие факторы, как адресат, пограничная ситуация тюремного заключения, несомненно, также влияют на функциональный потенциал библеизмов в тексте. Именно поэтому необходимо рассмотреть, какую роль в тексте личного письма играют обсуждаемые языковые средства.

Вообще библеизмы относятся к чрезвычайно значимым культурным феноменам [Орлова 2015: 90]. Носители культуры прибегают к библеизмам в совершенно разных речевых ситуациях, поэтому данное явление изучают с разных сторон и по разным поводам.

---

[27] В первые дни заключения Д. Бонхёффер читал книгу откровений Иоанна Богослова и Псалмы. В течение всего периода заключения он также находит вдохновение в духовной поэзии Пауля Герхарда и других духовных поэтов. В течение первых шести месяцев заключения Д. Бонхёффер перечитал Библию два с половиной раза [DBW VIII: 188].

В научной литературе существуют несколько подходов к определению понятия «библеизм», но всё ещё нет единого определения этого понятия [Боллигер 2005: 54; Назарова 2001: 147]. В данном исследовании, вслед за Е. И. Боллигер, под библеизмом мы понимаем «любую интертекстуальную реализацию библейского текста, в том числе и синтаксическую, в любом другом тексте культуры» [Боллигер 2005: 54], поскольку способы реализации текста Библии могут быть чрезвычайно разнообразными.

Источником библеизмов, естественно, является Библия, а также разнообразные тексты, которые тесно и причинно с ней соотносятся. Поэтому правомерно разделить библеизмы на две группы: библеизмы в узком и в широком смысле. Под библеизмами в узком смысле целесообразно понимать обращение непосредственно к тексту Библии. Библеизмы в широком смысле — это богослужебная лексика, конфессионализмы, духовные стихи, аллюзии к Библии в разных формах и видах, функционирующие в межличностном общении верующих людей (подробнее о библеизмах в узком и широком смысле см. в [Штонда 2016: 226]).

Библеизмы в узком смысле отсылают непосредственно к тексту Библии. Свободное использование библеизмов в узком и широком смысле Д. Бонхёффером в личных письмах указывает на высокий уровень богословского образования автора анализируемых писем, его свободу с максимальной точностью апеллировать к текстам Священного Писания в совершенно разных ситуациях и для разных целей (примеры 27, 32, 33, 76). Библеизмы в широком смысле в текстах Д. Бонхёффера представлены в виде церковной поэзии и духовных песнопений. Данный тип библеизмов указывает на конфессиональную принадлежность автора, особенности его восприятия церковной традиции и на глубокую и разностороннюю образованность (примеры 100, 149, 159).

Следует заметить, что в разных типах текста библеизмы в узком и широком смысле функционируют по-разному, о чем свидетельствуют труды разных авторов. Так, подробно изучены библеизмы в художественном тексте в русской и европейской культурах [Климович 2010; Романова 2003; Хрячкова 2007]. Функции библеизмов в языке современных религиозных и светских газет сопоставила Е. Н. Прибытько [Прибытько 2002]. При этом, по замечанию автора, в светских газетных статьях была выражена номинативная функция библеизмов, тогда как в религиозных газетах – функция убеждения [Худя-

кова 2008]. Даже в такой не свойственной для библеизмов сфере, как институциональный дискурс, библеизмы часто встречаются и выполняют чрезвычайно важные функции. Так, Е. И. Боллигер рассмотрела функции библеизмов в речах политиков России, Швейцарии, США, Германии, Великобритании и таким образом выявила особенности употребления названных единиц в разных культурах [Боллигер 2005].

Н. П. Назарова изучила особенности функционирования библейской фразеологии и её переводов в российской и немецкой культурах [Назарова 2001]. В работах Е. Ю. Кисляковой и Е. Н. Бетехтиной рассматриваются библеизмы в английском языке в художественном тексте. Е. Н. Бетехтина изучила особенности функционирвоания библейских фразеологизмов в художественном тексте [Бетехтина 1995]. Е. Ю. Кислякова рассмотрела библейские фразеологизмы с ономастическим компонентом в художественном тексте [Кислякова 2004]. Роли библеизмов в системе немецкого языка посвящена работа Ж. З. Ирмаковой [Ирмакова 2009].

Ещё один ракурс исследований связан с функционированием библеизмов в разных языках с учётом национальных и конфессиональных особенностей в разных странах. Так, К. В. Яцевич рассмотрела библеизмы в чешском языке в сравнении с русским и немецким языками [Яцевич 2003];

Поскольку для личного письма такое явление, как библеизмы, является нетипичным, соответствующих исследований не было. Изучаемые письма Д. Бонхёффера написаны теологом, и ряд писем являются теологическими, поэтому апелляция к библеизмам обусловлена, с одной стороны, профессией адресанта, с другой, его умением свободно прибегать к ним в самых разных ситуациях, по разным поводам и в зависимости от адресата писем.

Такие факторы, как пограничная ситуация и ситуация неопределённости, безусловно, повлияли на выбор соответствующих библейских сюжетов в тексте писем и в стихотворениях. Так, в своих письмах Д. Бонхёффер указывает, что один из его любимых образов — библейский пророк Иона. Этот сюжет он осмысляет в своём стихотворении «Jona» (см. подробнее § 2.1.1.1.2.4) (пример 32). В письмах к разным адресатам Д. Бонхёффер часто апеллирует к книге Псалмов (примеры 78, 80). Молитвы псалмопевца, находящегося в нужде и страдании, созвучны узнику тюрьмы, и в письмах

Д. Бонхёффер многократно прибегает к сюжетам этой книги, чтобы утешить своих родных.

Способами введения библеизмов в письма Д. Бонхёффера являются цитата, аллюзия и лексические библеизмы. Парафраз Д. Бонхёффер не использует, поскольку, во-первых, текст писем из тюрьмы предполагает не детализацию, а скорее компрессию[28] информации, а во-вторых, его собеседники были знакомы с текстом Библии и не нуждались в подробных комментариях. Поэтому преимущественными способами выражения библеизмов является аллюзия (примеры 72, 73, 76, 78) и цитата (пример 78). При этом аллюзия чаще выражается лексемой или группой слов (примеры 72, 76).

Лексические библеизмы в узком смысле представлены в письмах Д. Бонхёффера в разных видах: (1) названий книг Библии: *Hiob, Psalmen,1. Mose*; (2) прецедентных ситуаций из Библии: *Passionsgeschichte, hohenpriesterliches Gebet.*

В письмах разным адресатам Д. Бонхёффер часто ссылается на стихи из Библии, из Нового Завета, например: *Eph, Röm, 2 Tim*, (*Eph* – послание ап. Павла к Ефесянам), и из Ветхого: *Ps*. Указания приводятся Д. Бонхёффером в общепринятых в теологическом сообществе сокращениях (пример 76).

Текст библейского отрывка, на который ссылается автор, кореллирует с его собственным осмыслением проживаемой Д. Бонхёффером ситуации и служит средством реализации суггестивной стратегии утешения близких и придания ситуации характера всеобщности, поскольку события, описанные в Библии, по своему накалу, напряжению и опасности не уступают тому, что переживал Д. Бонхёффер в тюремной камере (примеры 77, 78).

---

[28]Данный термин используется прежде всего в естественных науках: «Компрессия (лат. *Compression* – сжатие) – сжатие газа в цилиндре двигателя внутреннего сгорания, воздуха в компрессоре [Крысин 2006: 380]. В лингвистических словарях под компрессией понимается сжатие, экономия рече-языковых средств для выражения содержания (например: компрессия языкового материала в учебных целях) [Жеребило 486: 160; Нелюбин 2003: 85] (см. также о явлении свёртывания субъектно-предикатных структур в [Москальская 1981: 50].

Таблица 12

Использование библеизмов в различных типах текста в письмах Д. Бонхёффера

Библеизмы	Макрокомпоненты в тексте письма				
	Бытовой	Музыковедческий	Теологический	Философский	Искусствоведческий
В узком смысле	+	+	++	+	+
В широком смысле	+	+	+	+	+

Как показано в Таблице 12, апелляция к библеизмам для лютеранского теолога является совершенно естественной частью его коммуникации. Индивидуальное восприятие ситуации обусловливает выбор библейского сюжета, т.е. при помощи библеизмов Д. Бонхёффер реализует разные дискурсивные стратегии. Он апеллирует к библеизмам даже для осмысления бытовых ситуаций, например, распорядка дня (примеры 79, 80). В то же время в заключении он осмысляет при помощи библеизмов не только быт, но и смысл своего нахождения в тюрьме. Судьба Д. Бонхёффера пересекается с судьбой главного героя книги Иова, праведного человека, имеющего большое потомство и богатство, что в Ветхом завете осмыслялось как благословение Божье, заболевает тяжелой болезнью – проказой, из-за чего Иов становится ритуально нечистым и отделенным от своей семьи и от социума. К нему приходят друзья и между ними происходит разговор о смысле страданий. Упоминая эту книгу, Д. Бонхёффер выводит переписку с родителями на совершенно иной — экзистенциальный — уровень, не говоря при этом прямо о своих личных переживаниях. Тем самым он напоминает родителям библейские сюжеты, возможно, исполняя свое пасторское служение через просвещение своих родителей, указывая им путь преодоления страданий и реализуя тем самым суггестивную стратегию.

Библеизмы в широком смысле присутствуют в текстах Д. Бонхёффера преимущественно в форме цитат из духовных песнопений (примеры 81, 82). Тематика песнопений связана с надеждой на преодоление трудностей.

Лексические библеизмы в широком смысле представлены в виде названия праздников: *Karfreitag, Pfingsten, Ostern;* конфессионализмов: *Trau, Konfirmation* (об использовании библеизмов в зависимости от типа текста см. Таблицу 13 ниже).

На специализацию библеизмов в письмах Д. Бонхёффера влияет фактор «адресат». В письмах другу библеизмы функционируют аналогично тому, как это имеет место в научно-богословском дискурсе. Библеизмы в письмах родителям, возлюбленной выполняют другие функции, связанные с реализацией суггестивной стратегии. Особенность писем другу заключается в том, что в них Д. Бонхёффер прибегает к богословской терминологии (см. § 2.2.1.2.2.). Текст личного письма содержит фрагменты, семантическая и синтаксическая структура которых относится к теологическим трактатам.

При помощи библеизмов Д. Бонхёффер осмысляет актуальную для него ситуацию (пример 76), осуществляет интертекстуальную связь с другими своими теологическими сочинениями (см. таблицу 13 ниже). Он выводит ситуацию за рамки тюремной камеры в область церковную, братскую и актуальную для каждого современного человека (особенно в стихотворениях, см. § 2.1.1.1.2.4.).

В письмах родителям преобладают библеизмы в широком смысле, поскольку автор преимущественно цитирует поэзию, указывает на духовные стихи и музыку, написанную на определённые библейские сюжеты (пример 83).

В письмах возлюбленной доминирует эмотивная функция библеизмов (примеры 70, 144). Как и в письмах родителям, при помощи библейских образов Д. Бонхёффер стремится утешить свою возлюбленную.

В письмах следователю был обнаружен лишь один библеизм (пример 124), и при помощи него Д. Бонхёффер, очевидно, манипулирует сознанием следователя, как бы подтверждая тем самым, что он предан властям.

Как и библеизмы в узком смысле, библеизмы в широком смысле в текстах Д. Бонхёффера связаны с осмыслением ситуации в опоре на образы, заложенные в библейских текстах, а также через аллюзии на тексты М. Лютера (пример 84).

В текстах писем Д. Бонхёффера присутствуют конфессионализмы. Например, в письме на день реформации (*Reformationsfest*) он размышляет об истории реформации.

Библеизмы в письмах Д. Бонхёффера используются для реализации различных целей в зависимости от адресата: как подтверждение богословской мысли в письмах другу, т.е. как средство аргументативной стратегии (пример 4), как способ утешить возлюбленную и свою семью в письмах родителям, т.е. как средство реализации суггестивных аргументативных стратегий (примеры 70, 78), как средство реализации манипулятивной стратегии в письмах следователю М. Рёдеру, где Д. Бонхёффер ссылается на строки из послания ап. Павла к Римлянам, чтобы создать о себе образ наивного пастора, совершенно не интересующегося политикой (пример 124).

Как показано в таблице 13, в тексте личного письма библеизмы имеют большой функциональный потенциал и реализуют разные дискурсивные стратегии. Более того, выбор библеизмов зависит от типа реализуемой дискурсивной стратегии: Д. Бонхёффер выбирает ту или иную тему в зависимости от адресата.

В письмах Д. Бонхёффера другу библеизмы используются преимущественно для того, чтобы последовательно аргументировать свою богословскую позицию, т.е. реализовать аргументативные стратегии. Изучение особенностей функционального потенциала библеизмов в дружеской переписке теологов подтверждает, с одной стороны, полифункциональность дружеских писем вообще. С другой стороны, сознательное и активное обращение к библейскому тексту является характерной особенностью личной и официальной переписки теологов, как и теологического дискурса в целом. Особенность текстов Д. Бонхёффера в том, что он очень внимательно относится к своему адресату, и ему удаётся достичь цели коммуникации в зависимости от степени доверия, симметричности-ассиметричности отношений, грамотно используя разнообразные, доступные ему средства, среди которых важную роль играют библеизмы.

В письмах родителям и возлюбленной при помощи библеизмов Д. Бонхёффер реализует преимущественно суггестивную стратегию, прежде всего утешение своих самых близких людей.

В письмах следователю М. Рёдеру посредством указания на стих из библии Д. Бонхёффер реализует манипулятивную стратегию.

Таблица 13

Функциональный потенциал библеизмов в письмах Д. Бонхёффера разным адресатам

Функция	Адресат				Способ активации библеизма
	Возлюбленная	Друг	Родители	Следователь	
Аргументировать богословскую позицию	_	+	_+	_	Заимствование из Библии Ссылка на библейский стих Цитата из Библии
Осмыслять ситуацию тюремного заключения	_	+	+	_	Ссылка на библейский стих Аллюзия Пересказ библейского сюжета
Размышлять о смысле страданий, смерти и воскресения	–	+	+	–	Заимствование из Библии Ссылка на библейский стих
Утешать близких	+	+	+	–	Цитаты из Библии
Маниуплировать ситуацией	–	–	–	+	Ссылка на библейский стих

Очевидно, более подробный анализ библеизмов необходимо проводить специально, в данной работе выявлены наиболее значимые тенденции, связанные с реализацией различных стратегий в текстах личных писем Д. Бонхёффера. На примере анализируемого материала установлено, что роль библеизмов в текстах разных типов различается в зависимости от цели сообщения, которое определяет выбор стратегии, что в свою очередь причинно коррлерирует с разнородными особенностями адресата и типа ситуации, в которой порождаются тексты.

2.1.1.7. Прецедентные феномены и их функциив письмах Д. Бонхёффера

Ранее уже констатировалось, что тексты писем Д. Бонхёффера насыщены ПФ. Функции ПФ в письмах Д. Бонхёффера весьма разнообразны, поэтому целесообразно выделить общие и специфические функции ПФ. В данной работе под общими функции ПФ, вслед за Л. И. Гришаевой, мы понимаем такие, как информирование о системе основополагающих ценностей, о мотивах деятельности личности в различных условиях и др. [Гришаева 2004: 34], под специфическими – функции, присущие ПФ в определенных типах дискурса, в данном случае – в теологическом, философском, искусствоведческом,

литературоведческом, элементы которых встречаются в личных письмах Д. Бонхёффера другу.

Наряду с библейскими прецедентами в письмах встречаются ПФ из других сфер: философской, литературной, художественной и других. ПФ в письмах Д. Бонхёффера обладают большим функциональным потенциалом и служат средством реализации аргументативных и суггестивных стратегий.

Целесообразно пояснить, что прецедентными называют общеизвестные в отдельной культуре, субстрате, социуме феномены.[29] ПФ является семиотическим явлением второго порядка, знаком особого рода, который замещает комплекс ситуаций [Караулов 1987: 217]. ПФ не только сообщает информацию, но «имеет прежде всего прагматическую направленность, выявляя глубинные свойства языковой личности, обусловленные либо доминирующими целями, мотивами, установками, либо ситуативными интенциональностями» [Караулов 1987: 241], и названные характеристики ПФ, очевидно, необходимо учитывать при анализе текстов Д. Бонхёффера.

В своих письмах Д. Бонхёффер апеллирует к ПФ трех типов: 1) универсальные: *Don Quijote*; 2) культурно-специфические, имеющие активное хождение в немецком культурном пространстве, например: *Michael Kohlhaas* (DBW VIII: 333), *„faustische" Bedeutung von Gotik* (DBW VIII: 367) (Данный пример помимо немецкого образа Фауста актуализирует размышления О. Шпенглера в книге «Закат Европы», *Stifter «Witiko»*); 3) субкультурные, значимые и понятные только для коммуникантов.[30]

Третий тип ПФ – значимые и понятные для Д. Бонхёффера и его коммуникантов – связан с его собственными богословскими трудами. Как уже сказано выше, на сегодняшний день сочинения Д. Бонхёффера стали известными в широких кругах читателей не только в Германии, но и в других странах мира [DBW I: IX]. Индивидуальные ПФ представлены в виде названия богословских сочинений Д. Бонхёффера: *Nachfolge,*

[29] Термин «прецедентный текст» впервые введен Ю. Н. Карауловым [Караулов 1987: 216], затем появились понятия «прецедентные ситуации», «прецедентные высказывания» и «прецедентные имена», а также более общий термин «прецедентные феномены» (см. подробнее в [Захаренко 1997: 82; Красных 2002: 42-59]. Прецедентные феномены изучаются на материале разных типов текста (см., например, в [Семочко 2010; 2012]).

[30] О критериях разграничения прецедентных феноменов на универсальные, культурно-специфические и субкультурные см. подробнее обоснование в [Гришаева 2004: 36 и далее].

Gemeinsames Leben и др. К некоторым понятиям, широко используемым в более ранних трудах, Д. Бонхёффер обращается в письмах, предполагая, что они хорошо известны собеседнику. Другими словами, анализ личных писем Д. Бонхёффера позволяет проследить, как то или иное понятие входит в коммуникативную практику носителей языка и культуры, как – и частично почему – отдельные номинативные средства становятся прецедентными. Такие параметры, как новизна и актуальность для носителей обсуждаемых языковых и культурных сведений, языковая форма, соответствующая полностью или частично конвенциям, актуальным в немецком языке, культуре, либо отличающаяся от этих конвенций, частотность обращения к соответствующему знаку, благоприятные для конвенциализации коммуникативных условий, инициализация новых ПФ и др., явно прослеживаются в изучаемых текстах.

Д. Бонхёффер апеллирует к прецедентным феноменам различными способами: через прямое цитирование (пример 81); косвенное цитирование (пример 18), аллюзии (пример 76); прецедентные имена (пример 85) и ситуации (пример 152).

Важной функцией ПФ в письмах Д. Бонхёффера является компрессия информации, что вполне согласуется с общими для всех ПФ свойствами (см., например, о компрессии рекламного текста в [Ильясова 2013: 242]). Названная функция является важной текстотипологической характеристикой письма как типа текста [Подъяпольская 2007: 174]. Ещё одна функция ПФ – активизировать определенное эмоционально-оценочное восприятие [Петрова 2014: 143].

В письмах Д. Бонхёффера компрессия реализуется эксплицитным и имплицитным способами, критерии которых предложены в [Гришаева 2004: 20]. При эксплицитном способе используются конвенциональные для соответствующей языковой культуры формы существования ПФ (пример 130). Имплицитный способ часто выражается посредством лексической компрессии, а именно:

- ПФ отсылают к стихам из Библии (1Petr 3:17);

- заимствованиям (*περιτομη*);

- выражаются в прецедентных именах: *Du erinnerst Dich wohl des Bultmann'schen Aufsatzes über „Entmythologisierung des Neuen Testaments"* [DBW VIII: 414];

- посредством сокращений некоторых известных богословских названий: *N. T.* = Neues Testament [DBW VIII, 307];

- апелляцией к философским терминам (пример 17).

Типы ПФ и их функциональный потенциал в письмах разным адресатам различаются. В ходе анализа были выделены несколько групп ПФ.

1. ПФ, встречающиеся в богословском дискурсе (библеизмы в широком смысле) (пример 81), и ПФ, источником которых стала непосредственно Библия (библеизмы в узком смысле) (примеры 33, 77); 2. ПФ, бытующие преимущественно в философском дискурсе (пример 17); 3. ПФ из искусствоведческого дискурса, которые в свою очередь можно разделить на: а) ПФ, бытующие в музыке и музыковедческой литературе (пример 23); б) ПФ, источником которых стала литература и литературная критика (пример 86); в) ПФ из различных текстов по изобразительному искусству (пример 23).

Автор анализируемых писем стремится минимумом средств убедить своих адресатов в том, что, находясь в тюрьме, он остается верен своим моральным и этическим принципам и убеждениям. Для решения данной коммуникативной и когнитивной задачи ПФ оказываются максимально подходящим средством компрессии информации, поскольку ПФ имеют сверхличностный характер, т.е. известны широкому окружению адресата [Караулов 1987: 216], обладают богатством функционального потенциала и значимостью для коллективного субъекта в различных форматах общения [Караулов 1987; Захаренко 1997; Красных 2002; Гришаева 1998; 2004; 2014; и др.].

Функция ПФ различается в зависимости от типа адресата. Наиболее часто Д. Бонхёффер прибегает к ПФ в письмах другу, что связано с наличием разнообразных факультативных макрокомпонентов (см. Таблицу 14 ниже о способах активации ПФ в письмах другу).

Таблица 14

Способы активации прецедентных феноменов в письмах Д. Бонхёффера другу

ПФ	Способы активизации						
	Цитирование		Изложение содержания	Аллюзия	Лексическая компрессия		
	Прямое	Косвенное			Имя автора/героя	Название произведения	Термин
Богословские	+	+	+	+	+	+	+
Философские	+	+	+	+	-	+	+
Из музыкальной сферы	-	-	+	-	+	+	+
Из литературы	-+	+	+-	+-	+	+	+-
Из изобразительного искусства	-	-	-+	-	-+	+-	-+

Особый интерес представляют теологические письма другу в период 30.04-08.1944 г., когда встречается множество прецедентных имен. Это на первый взгляд самостоятельное описание представляет реферирование книги В. Дильтея «Воззрение на мир» (нем. Weltanschaung) с анализом мировоззрения исследуемых авторов, что является признаком научного дискурса.

Способы апелляции к ПФ отличаются в зависимости от адресата. Так, в письмах родителям ПФ выражены в форме названий произведений, которые Д. Бонхёффер просит привезти родителей, а также библейских цитат (пример 78) и аллюзий (пример 84). В письмах возлюбленной ПФ представлены в виде цитат из Библии и из церковных гимнов (пример 144), прецедентных имён (*L. Pasteur, Rilke*). Письма следователю содержат только один ПФ — аллюзивный библеизм (пример 124) (см. подробнее § 2.2.1.2.3).

ПФ в письмах Д. Бонхёффера, как уже ясно из анализа, обладают чрезвычайно разнообразным функциональным потенциалом. Посредством ПФ адресант обозначает тему письма, устраняет темпоральную и локальную дистанцию между коммуникантами, изменяет точку зрения на ситуацию через варьирование степени детализации в тексте письма, содержательно и формально по-разному представляет в тексте сведения об одной и той же ситуации в зависимости от адресата письма (ср. пример 62 из письма другу, 70 – из письма возлюбленной и 78 – из письма родителям).

Анализ функционального потенциала ПФ позволяет проследить их специализацию: к музыкальным и литературным образам Д. Бонхёффер апеллирует с помощью ПФ для выражения своего эмоционального состояния, чувств и настроения на момент написания письма, например, к музыке из «Пер Гюнта», чтобы описать и осмыслить ситуацию заключения, например, «Записки из мёртвого дома» Ф. Достоевского (пример 86). Для того, чтобы структурировать и максимально уплотнить актуальный для коммуникантов информационный поток, адресант писем чаще всего использует ПФ из богословской и философской сфер (пример 73).

Таблица 15

Тематика прецедентных феноменов в письмах разным адресатам

Тип ПФ	Родителям	Другу	Возлюбленной	Следователю
Богословские	+	++	+	+_
Философские	+_	++	_	_
Искусствоведческие	+_	+	+_	_
Литературные	+_	+	+	_

Анализ функционального потенциала ПФ показал, что в письмах Д. Бонхёффера выявляются как общие функции ПФ, так и особые, свойственные письмам разным адресатам (см. Таблицу 15 выше). Этому можно найти разумные объяснения. С одной стороны, автор стремится наиболее полно выразить мысль в кратчайшем по объему письме, с другой — актуализировать профиль настоящих событий, используя наиболее яркие исторические примеры. Д. Бонхёффер прибегает к прецедентным ситуациям из Библии, художественной литературы, философским размышлениям. Вопреки ожиданию, тексты, в которых выражается исключительно личностная позиция, содержат общезначимые богословские и философские размышления, отмеченная особенность наиболее ярко выражена в письмах другу. Более того, частотность обращения к ПФ в письмах другу отличается в зависимости от периода написания письма. В теологических письмах, написанных в августе-сентябре 1944 г., количество ПФ резко возрастает, поскольку Д. Бонхёффер излагает свои размышления в форме, напоминающей богословский трактат, и это связано с типом ситуации.

Очевидно, через эти письма Д. Бонхёффер хочет поделиться своими размышлениями с более широкой аудиторией в отличие от других писем, которые соответствуют основной функции личного письма – контактоустанавливающей.

Таким образом, ПФ в письмах Д. Бонхёффера выполняют чрезвычайно разнообразные как общие, так и специфические функции и используются адресантом в самых разных контекстах и с разными интенциями. При помощи ПФ Д. Бонхёффер реализует преимущественно аргументативную и суггестивную стратегии. В первом случае ПФ конденсируют информацию, становясь средством доказательства авторской позиции. Во втором случае ПФ свидетельствуют о неугасимом творческом духе автора, несмотря на трудность переживаемых обстоятельств. Манипулятивные стратегии реализуются в письмах следователю, средством реализации которых является в одном случае библеизм, в другом – отсылка к собственным богословским сочинениям.

2.1.1.8. Функции неопределённо-личного местоимения *man* в письмах Д. Бонхёффера

Одной из идиостилистических характеристик писем Д. Бонхёффера является наличие многочисленных неопределенно-личных предложений с особыми функциями. Предложения изучаемого типа обладают богатым, но весьма специфическим потенциалом. С одной стороны, по сравнению с функциями, описанными в классических грамматиках, предложения с местоимением *man* часто приобретают новые функции в описываемых коммуникативных условиях, с другой – они эффективно реализуют функциональный потенциал, описанный в грамматиках (см. подробнее в [Jung 1968: 357, 358; Duden 1962: 270; Helbig 1996: 259-260; Riesel 1975: 223; Кашкина 2009: 13]).

Так, согласно грамматике Г. Хельбига и Й. Буша, местоимение *man* реализует следующие функции в зависимости от контекста: (1) придание высказыванию характера общеупотребительного; (2) действующее лицо незначимо или неопределимо; (3) абстрагирующая функция, когда конкретные факты должны быть переданы без упоминания воспринимающего лица; (4) замещение личного местоимения в различных целях, например, дистанцирование [Helbig 1996: 259-260] (ср. схожую трактовку в [Riesel 1975: 223]).

В словаре «Дуден» выделяется 5 способов употребления местоимения *man*:

1) В отношении одного человека; 2) группы людей: Jemand, irgendjemand oder eine bestimmte Gruppe von Personen, 3) a) die Leute, b) jemand, der sich an bestimmte gesellschaftliche Normen, Gepflogenheiten hält, 4) ich, wir (wenn der Sprecher, die Sprecherin in der Allgemeinheit aufgeht oder aufgehen möchte), 5) du, ihr, Sie; er, sie (zum Ausdruck der Distanz, wenn jemand die direkte Anrede vermeiden will) [URL: www.duden.de] для обозначания коммуниканта, а также партнера по коммуникации.

Для того чтобы детально описать предложения с *man* в письмах Д. Бонхёффера, целесообразно детально изучить референцию самого местоимения, учитывая то, что *man* в данных письмах относится к разным референтам [Grischaewa 2013: 169].

Анализируя тип референции *man*, а также функциональный потенциал предложений с местоимением *man* через изучение номинативных функций соответствующих предложений, важно отметить, что содержательная интерпретация данного типа предложений может различаться в зависимости от типа референта местоимения *man*, поскольку в разных ситуациях активизируются разные в количественном и качественном отношении комплексы разнородных сведений.[31]

Существуют две интерпретации референции. Согласно первой, референция связана с именами, дескрипциями и местоимениями [Арутюнова 1976; Стросон: URL: https://classes.ru/grammar/157.new-in-linguistics-13/source/word documents/_2.htm; и др.]. Согласно второй точке зрения, референция является языковым средством [Падучева 2010: 247] и не входит в значение языкового знака [Гришаева 1998: 57]. Ю. С. Степанов отмечает, что категория «личность-безличность» является одним из значений предложения, «референция же принадлежит высказыванию, т.е. употреблению предложения в речи. Референция – это соотнесение высказывания и его частей с действительностью – с объектами, событиями, ситуациями» [Степанов 1988: 227]. Так, референция относится к сфере функционирования языка [Степанов 1988: 228]. В данной работе мы изучаем не референцию предложений, а одного из компонентов, поскольку

[31] Как отмечает Н. Д. Арутюнова, логически интерпретировать неопределенно-личные высказывания гораздо сложнее, чем определённо-личные, поскольку неопределённая дескрипция не соотнесена с предметной областью, и её можно найти в последующем тексте [Арутюнова 1976: 196].

исследуемый компонент – неопределенно-личное местоимение *man* – особенно значим при реализации стратегий в пограничной ситуации.

Местоимение *man* может референцировать к *wir*-эксклюзивному и инклюзивному. Местоимение первого лица множественного числа *wir*-инклюзивное предполагает в составе своей референции и адресата, и адресанта, в то время как *wir*-эксклюзивное исключает адресата [Виноградов 1998: 590; Абрамов 2004: 245; Кашкина 2005: 13]. В дискурсе разных форматов грамматический потенциал *man* реализуется по-разному. Например, анализируя предложения с *man* в типе текста «интервью», О. В. Кашкина отмечает, что данный тип предложений реализует стратегию дефокусации, т. е. переключает фокус внимания адресата с личности говорящего как единичного индивида на некоторую группу, членом которой он является [Кашкина 2005: 12].

Весь корпус предложений с *man,* встречающийся в анализируемом материале, условно разделен на четыре группы: письма родителям, другу, возлюбленной и следователю. Это решение обосновано тем, что предложения одинаковой структуры выполняют разные функции в личном письме разным адресатам, причем решающим фактором оказывается именно характер адресата.

В 31-м изученном письме родителям были отмечены 85 предложений с *man,* в 26 письмах возлюбленной выявлено 63 случая употребления *man*. В восьми письмах следователю содержится лишь 11 предложений с местоимением *man*. В 47-ми письмах другу обнаружено 193 случая употребления предложений с анализируемым типом местоимений.

Количественное различие в употреблении *man* в письмах родителям, другу и возлюбленной связано с объемом писем: многие письма другу состоят из нескольких частей, написанных на протяжении нескольких дней до отправления письма. Письма родителям значительно меньше по объему (см. подробнее § 2.1). По этой причине трудно установить соотношение предложений с *man* в письмах разным адресатам. Тем не менее, анализ писем Д. Бонхёффера показывает, что чаще всего Д. Бонхёффер прибегает к предложениям данного типа в письмах другу, затем – родителям, возлюбленной, и реже всего он использует письма с *man* в письмах следователю. Объяснением является то, что в письмах следователю Д. Бонхёффер реализует номинативные стратегии прямой иден-

тификации при обозначении третьих лиц, географических мест и иных референтов в отличие от писем родителям, где адресант в ряде случаев использует стратегии косвенной идентификации, чтобы скрыть от цензора имена своих друзей.

В письмах родителям едва ли ожидаемо использование неопредленно-личных предложений, поскольку письма сына родителям должны носить максимально личностный характер. Тем не менее, анализируемый тип предложений используется в письмах Д. Бонхёффера родителям довольно часто. Их использование не случайно: они выполняют определенные функции, связанные с «пограничной ситуацией» заключения. Доминирующей функцией неопределённо-личного местоимения, согласно классификации Г. Хельбига и Й. Буша, является замещение личного местоимения, поскольку в письмах родителям Д. Бонхёффер стремится в своём рассказе дистанцироваться от трудных обстоятельств заключения. Другими словами, предложения с *man* становятся средством реализации и стратегии дистанцирования от реальности тюремной жизни, поскольку Д. Бонхёффер стремился убедить своих родителей в том, что с ним всё в порядке. Использование данного типа предложений подчеркивает значимость происходящих событий для Д. Бонхёффера и его близких, а также указывает на особенности восприятия данной ситуации говорящим. В некотором смысле адресант психологически облегчает для адресата своё положение.

Детальный анализ позволил выявить семь типов референтов местоимения *man* в анализируемых 31-м письме родителям. Результаты анализа обобщены в Таблицах 16 и 17. Тип референции был определён из контекста писем, в которых ясно, с каким референтом соотносится неопределенно-личное местоимение *man*.

При обозначении ситуации в референции к говорящему (*man=ich*) данные единицы служат для выражения переживания ситуации заключения (пример 87). Предложение с *man* имеет референцию к говорящему в случаях, когда адресант говорит о своих неисполнимых в ситуации заключения мечтах (пример 155).

Предложения данного типа могут выражать фатическую функцию личного письма (пример 89).

Таблица 16

Вероятные корреляции между типом референции *man* и ролью адресанта при написании письма

Тип референции	Ипостась в коммуникации					Количество употреблений
	Сын	Взрослый член семьи	Интеллектуал	Заключенный	Пастор	
Man=ich	++	+	+–	+	+–	39
Man=n	+	+–	+	+	+	7
Man=ich+n	+	++	–	+	+	22
Man=Ihr	++	+	–	+–	–	5
Man=Ich+ Ihr	++	++	–	+	+–	6
Man=Ich+ sie	+–	+	–	++	+	4
Man=sie	–	–	+	++	–	2

Предложения с *man* референтируют ко всем людям «*n»,* т.е. используются для придания ситуации общеупотребительного характера (пример 43).

Д. Бонхёффер стремится опровергнуть общеизвестные мнения об особо трудных сторонах тюремного заключения (пример 90).

Предложения с *man* в референции к *Ich+Ihr* выполняют фатическую функцию в общении с родными. Например, в конце первого письма родителям из заключения он вспоминает последний семейный праздник перед его арестом и в самом конце добавляет: (14.4.1943) *Man wird für Geringes dankbar, auch das ist wohl ein Gewinn.* (DBW VIII: 43) В контексте личного письма это общее выражение обращено непосредственно к семье адресанта в качестве слов поддержки.

К предложениям с *man* в референции к *Ich+sie* Д. Бонхёффер прибегает, когда говорит о быте в тюрьме. Так, в одном из писем он описывает празднование Пасхи в тюрьме (пример 91).

Очевидно, что различие ролей адресанта в процессе коммуникации влияет на выбор языковых средств. Интересно в этом контексте проследить, каким образом функциональный потенциал предложений с *man* связан с ролью адресанта в коммуникации (см. Таблицы 17, 18, 19).

Таблица 17

Количественная характеристика предложений с *man* в факультативных макрокомпонентах, интегрированных в текст письма

Тип референции	Ипостась в коммуникации				Количество
	Пастор	Возлюбленный	Интеллектуал	Заключенный	
Man=ich	+–	++	–	+	39
Man=n	+	–	–	+	2
Man=ich+n	+–	–	–	+	4
Man=du	+–	++	–	+	9
Man=Ich+du	–	++	–	+	8
Man=sie	+–	–	–	+	1

Таблица 18

Ипостась адресанта в письмах родителям

Роль в коммуникации	Сын	Взрослый член семьи	Интеллектуал	Заключенный	Пастор
Количество писем	29	21	25	20	11
Доминирующая функция предложений с *man*	Утешение, психологическая борьба со сложными обстоятельствами жизни, разлукой	Обобщение переживаний, значимых и для адресанта, и для адресата	Размышление над прочитанным, о языке, о философии	Дистанцирование от трудных обстоятельств жизни в тюрьме, благодарность родным за помощь	Обратить внимание на вопросы веры, общезначимые человеческие проблемы

Из предложенного в Таблице 19 ниже сопоставления можно сделать вывод, что в письмах Д. Бонхёффера родителям не наблюдается жёстких корреляций между функциями местоимения *man* и разными ипостасями адресанта. Причиной этого, по всей видимости, являются, во-первых, сложные взаимоотношения анализируемых предложений с пред- и посттекстом, во-вторых, широкий грамматический потенциал местоимения *man,* в-третьих, жёсткое следование конвенциям личного письма, в которых основная ипостась Д. Бонхёффера – это сын, а также то, что его отношения с родителями являются асимметричными.

Таблица 19

Тип референции предложений с *man* в письмах другу

Тип референции	Ипостась в коммуникации			
	Теолог	Близкий друг	Интеллектуал	Заключенный
Man=ich	+	++	+	+
Man=n	+	–	+	+
Man=ich+n	+–	+–	+	+
Man=Ihr	–	+	+–	+
Man=Ich+du	+–	++	+-	+
Man =ich+sie	+	–	–	+
Man=sie	+	–	–	+

Ещё один фактор, который определяет количество и функциональный потенциал предложений с *man* в письмах родителям, это период написания письма. Так, письма, написанные в первый и второй периоды заключения, в 1943 г., особенно проникнуты надеждой на скорый выход из тюрьмы (примеры 92, 93).

В письмах родителям Д. Бонхёффер прибегает к местоимению *man* в связи с противостоянием трудным обстоятельствам жизни, с выражением благодарности родителями и стремлением их утешить, с надеждой на скорое освобождение из тюрьмы (пример 94).

При референции *man* к *Ich+Ihr* адресант выступает в ипостаси сына и взрослого члена семьи, при референции *man* к *Ich* – преимущественно как сын.

Из таблиц 18 и 19 выше ясно, что предложения с *man* имеют большой потенциал в тексте личного письма Д. Бонхёффера и решают многочисленные коммуникативные задачи. Использование данного типа предложений, несомненно, связано с ситуацией заключения, и таким образом Д. Бонхёффер не говорит напрямую о том, как он страдает, однако говорит об этом дистанцированно, придавая ситуации характер всеобщности, поскольку в период войны страдали многие люди.

Адресатом писем Дитриха Бонхёффера были не только его родители, но и вся его большая семья, поэтому предложения с *man* в референции *Ich+Ihr* подразумевают также

его братьев и сестер. Основная функция предложений с *man* реализуется через утешение родителей, а для самого заключенного – через преодоление внешних обстоятельств, а также через психологическое дистанцирование от тюремной реальности и привычной для него работы. Такая трактовка базируется на функциях местоимения *man*, описанных в грамматиках, а именно придание ситуации общеупотребительного характера, абстрагирующей функции. Доминирующей функцией является замещение личных местоимений для дистанцирования, при чём данная стратегия реализуется в тех случаях, когда Д. Бонхёффер описывает пограничную ситуацию и философски обобщает своё отношение к ситуации этого типа.

Выбор адресантом предложений с *man* обусловлен тематикой писем. Обсуждая бытовые проблемы, говорящий использует стратегию прямой идентификации, обозначает себя *ich*, своих собеседников – *ihr*, и редко использует неопределённо-личные предложения, в то время как при обсуждении философской тематики, при размышлении о церковных праздниках, осмыслении ситуации заключения Д. Бонхёффер часто прибегает к предложениям с *man*. При этом реализуется функция замещения личного местоимения *ich* для того, чтобы дистанцировать своих родных и себя от личного переживания ситуации с сопутствующими трудностями.

Предложения с *man* реализуют также абстрагирующую функцию. Интересно, что референция местоимения *man* в этих случаях оказывается различной. При абстрагирующей функции *man* референт к *«ich», «ich+ihr»* – к родным или референт к *«n»* – ко всем людям, в случае дистанцирования – к *«ich+wir»* в тех случаях, когда Д. Бонхёффер описывает быт заключенных.

Таким образом, выбор предложений изучаемого типа связан с реализацией таких дискурсивных стратегий, как дистанцирование и абстрагирование, а также стратегия утешения своих родных. Предложения с *man* служат средством реализации преимущественно суггестивных стратегий в письмах Д. Бонхёффера родителям.

В 47-ми письмах Д. Бонхёффера другу Э. Бетге выявлено 193 случая употребления предложений с местоимением *man*. При анализе предложений названного типа в письмах другу выяснилось, что функции предложений с *man* в письмах другу схожи с функ-

циями, реализуемыми в письмах родителям. Особенности употребления предложений с местоимением *man* касаются связи с контекстом, о чем речь пойдет далее.

Так, Д. Бонхёффер прибегает к предложениям с местоимением *man* для дистанцирования от ситуации заключения, и чтобы показать свои переживания и осмысление ситуации, предельно обобщая смысл происходящего (пример 96).

В письмах другу Д. Бонхёффер высказывается более открыто, чем в письмах родителям, прибегая к средствам более низкого стилистического регистра. Здесь он открыто говорит о возможности своей смерти в тюрьме и просит не беспокоиться за него (пример 97). Как и в письмах родителям, Д. Бонхёффер не сосредотачивается лишь на своих проблемах, но проявляет внимание к переживаниям своего собеседника, он утешает друга, находящегося на войне и испытывающего душевную боль от разлуки со своей семьей (пример 98). В письмах другу частотной является референция «Ich-Du».

Д. Бонхёффер использует неопределенно-личные предложения в тех случаях, когда он стремится придать выражению общеупотребительный характер [Helbig 1996: 260] (пример 99).

Д. Бонхёффер часто употребляет местоимение *man* с модальными глаголами, чтобы осмыслить ситуацию. Согласно грамматикам, модальные глаголы выражают модальность (возможность, необходимость, способность, предположение и т. д.) [Helbig 1996: 50]. Они употребляются с основными глаголами, выражая предикат. Модальные глаголы выполняют таким образом синтагматическую функцию и выражают модальное значение [Moskalskaja 2004: 53]. При этом данная структура характерна для проповеди, и в своих письмах Д. Бонхёффер прибегает к ней для реализации стратегии утешения. В письмах родителям *man* с модальными глаголами используется реже, чем другу. Поскольку Э. Бетге был студентом семинарии, где преподавал Д. Бонхёффер, их связывали отношения членов пасторской общины, и элементы проповеднического дискурса явно присутствует в письмах Д. Бонхёффера другу (примеры 100, 101).

Местоимение *man* в теологических письмах выполняет функцию философского обобщения, поскольку в богословской переписке местоимение *man* референрует к современным Д. Бонхёфферу богословам (пример 102).

Предложения с модальными глаголами в данном контексте могут означать согласие или несогласие с точкой зрения других богословов (пример 102).

Таким образом, функции местоимений *man* в письмах другу более разнообразны, чем в письмах родителям. Это связано с более разнообразной тематикой данных писем. Помимо осмысления ситуации заключения, дистанцирования от обстоятельств заключения, более ярко проявляются функции обобщения и стремления предать высказыванию общеупотребительный характер. Это особенно ярко проявляется в теологических письмах, которые составляют существенную часть переписки с другом (примеры 11, 101). Однако функция утешения в данных письмах также выражена довольно определённо. Например, Д. Бонхёффер пытается утешить друга, который находился в разлуке со своей семьей. Особенность писем другу в том, что эта функция проявляется в них в богословском ракурсе (пример 23). Обобщение количественной характеристики предложений с *man* в факультативных макрокомпонентах представлены в Таблицах 20 и 21 ниже.

Таблица 20

Количественная характеристика предложений с *man* в факультативных макрокомпонентах, не интегрированных в текст письма

Факультативный макрокомпонент								
Проповедь	Молитва	Богословские мысли	Набросок книги	Стихотворения	Заметки	Завещание	Сообщение	Приветствие
–	–	++	5	2	1	1	1	–

Таблица 21

Характеристика предложений с *man* в факультативных макрокомпонентах, интегрированных в текст письма

Факультативный макрокомпонент					
Бытовой	Богословский	Философский	Искусствоведческий	Музыкальный	Лирический
+–	++	+	+–	+–	–

Особенность исследуемого типа предложений в письмах возлюбленной заключается в типе их референции, Д. Бонхёффер преимущественно использует данный тип предложений в референции к «*ich*» и «*ich+du*». Это объясняется преимущественно лич-

ным характером данных писем, стремлением автора максимально доверительно говорить со своей возлюбленной, которая была на 18 лет младше его.

Функция предложений с *man* выражается в дистанцировании в тех случаях, когда Д. Бонхёффер говорит о своём понимании и осмыслении ситуации заключения (пример 103).

Посредством предложений с *man* Д. Бонхёффер реализует преимущественно стратегию утешения. Когда он говорит о своих трудностях или трудностях Марии фон Ведемайер, у которой на войне погиб отец, то он использует неопределенно-личные конструкции, чтобы абстрагироваться от ситуации (примеры 104, 105).

Если в письмах другу Д. Бонхёффер предстает как интеллектуал и профессиональный богослов, готовый дискутировать со своими коллегами и высказывать неординарные богословские идеи, то в письмах возлюбленной он стремится показать себя совершенно с другой стороны — как любящего и заботливого мужчину.

Таким образом, анализ функций неопределённо-личного местоимения *man* в письмах Д. Бонхёффера позволяет установить, что доминирующей функцией данного местоимения в изучаемых письмах является обобщение, придание ситуации характера всеобщности. Контекст употребления данного местоимения зависит от адресата письма. Так, в письмах родителям и возлюбленной местоимение *man* является средством реализации суггестивной стратегии утешения, Д. Бонхёффер говорит о необходимости бороться с трудными обстоятельствами, выражает надежду на освобождение из тюрьмы. При этом он преимущественно использует конструкцию «*man*+модальный глагол». В письмах другу наряду со стратегией утешения Д. Бонхёффер прибегает к названной конструкцией в теологическом макрокомпоненте как обобщению при реализации аргументативной стратегии доказательства своей богословской позиции. В зависимости от адресата и тематики писем отличается и тип референции. Поскольку Д. Бонхёффер рассужает о теологии, то местоимение *man* выражает точку зрения, которой придерживается некоторый круг теологов. В письмах родителям местоимение *man* преимущественно референрует ко всем людям, либо к семье, в письмах возлюбленной оно обобщает Д. Бонхёффера, возлюбленную и семейный круг. В письмах следователю данное местоимение встречается крайне редко, что обусловлено их назначением как писем следовате-

лю по поводу допросов. В этих письмах адресант стремится выражаться предельно конкретно, избегая обобщений, поэтому он не прибегает к неопределённо-личным местоимениям.

Изучение материала показывает, что было бы поспешным говорить о жестких корреляциях между типом референта, типом контекста (обсуждаемой проблематикой) и функций предложений с *man*. Но тем не менее нельзя не заметить влияние перечисленных факторов на реализацию функционального потенциала неопределённо-личных предложений с *man*.

2.1.1.9. Соотношение диалогичности и монологичности в письмах Д. Бонхёффера

Характерными чертами личного письма является эксплицитная (явная, выраженная обращением к адресату в тексте письма и вопросами к нему) и имплицитная (скрытая) диалогичность, а также диалогизация, которая обусловливает наличие семантического поля адресата (см. § 1.4.1). Но исследование писем Д. Бонхёффера показывает, что монологичность также является важной характеристикой его текстов. Это обусловлено таким факторами, как личные интересы коммуникантов, пограничная ситуация тюремного заключения, в которой Д. Бонхёффер не мог устно обсуждать со своим другом важные для него вопросы. Именно поэтому некоторые фрагменты его текстов, особенно те, в которых присутствует теологический макрокомпонент, носят монологичный характер, с одной стороны, и в них меняется характер диалогичности, с другой.

В зависимости от степени выраженности диалогичности данные письма можно условно разделить на две группы: (1) письма, в которых диалогичность доминирует и выражена явно; (2) письма, в которых диалогичность имплицитна. Имплицитная диалогичность проявляется в том, что целые фрагменты текстов писем Д. Бонхёффера содержат монологические размышления на определенную тему, которую Д. Бонхёффер развивает в течение длительного периода переписки со своим другом. Для адресата Э. Бетге в свою очередь эта тематика также важна, и адресант ожидает от него содержательной, предметной реакции. Разная степень детализации информации в текстах писем разным

адресатам обусловлена тем, насколько подробно адресант раскрывает новую для адресата информацию в тексте письма.

И с содержательной, и с формальной позиции диалогичность явлена в письмах поразному. В формальном отношении это связано с употреблением вопросительных структур, которые использованы адресантом для реализации различных целей: риторические и содержательные вопросы, переспросы, которые требуют реакции адресата по своей сущности (пример 106). В таких письмах Д. Бонхёффер обращается к своему адресату, и эти обращения вплетены в рассуждения (пример 106). В теологических письмах эксплицитная диалогичность преимущественно проявляется в конце теологического макрокомпонента в качестве его завершения (пример 106, 107). Окончание письма предполагает эксплицитную диалогичность, что является свойством личного письма (пример 108) и выражается в макрокомпоненте «прощание».

В содержательном отношении диалогичность в «теологических письмах» прослеживается в том, что в них затрагиваются проблемы принципиально новые, важные и интересные для обоих коммуникантов, и для Д. Бонхёффера важны были ответы друга на его богословские размышления о безрелигиозном христианстве. Другими словами, монологическое письмо имеет и такие признаки, которые можно интерпретировать только как признаки диалогичности. Несмотря на временную и локальную дистанцию, диалог между Э. Бетге и Д. Бонхёффером не прекращался (пример 109).

Некоторые письма написаны фрактурой, что можно рассматривать как формальный показатель монологичности, поскольку данный шрифт Д. Бонхёффер использовал только при написании богословских работ, и что делало трудно читаемый почерк Д. Бонхёффера ещё менее разборчивым[32]. В одном из писем он из-за этого извиняется перед другом (пример 110) и признаётся, что высказанные мысли важны скорее для него самого, чем для друга.

Анализ писем Д. Бонхёффера убеждает, что соотношение монологичности и диалогичности в его письмах различается в зависимости от тематики письма. Содержатель-

[32] Наличие в письмах Д. Бонхёффера фрактуры является интересным примером для лингвистики в свете изучения паралингвистических средств и их роли в организации текста (о значении паралингвистических средств при изучении текста см в [Анисимова 1999; 2003]).

но это обусловлено тем, что проблематика, затронутая в письмах, освещается адресантом с разной степенью детализации в зависимости от ситуации и / или адресата.

В письмах, в которых Д. Бонхёффер затрагивает искусствоведческую, литературоведческую тематику, преобладает имплицитная диалогичность. Эти фрагменты, как правило, состоят из нескольких СФЕ, каждое из которых равно одному абзацу (см., например, письмо от 25.07.1944 г., в котором Д. Бонхёффер делится с другом размышлением о прочитанных «Записках из мертвого дома» Ф. М. Достоевского). В письме от 16.07.1944 г. Д. Бонхёффер повествует о своих впечатлениях о только что прослушанных им сценах из оперы «Кармина Бурана» Карла Орфа, а также музыке Г. Ф. Генделя и И. С. Баха (пример 20).

Литературоведческие фрагменты, как и теологические письма, предполагают преимущественно имплицитную диалогичность, но содержат и эксплицитную. В конце искусствоведческого макрокомпонента Д. Бонхёффер спрашивает, согласен ли его собеседник с той или иной концепцией или с собственными размышлениями Д. Бонхёффера, и ждёт реакции друга на искусствоведческую и литературную критику.

В письмах, в которых затрагивается преимущественно бытовая тематика, диалогичность может быть имплицитной и эксплицитной. Так, эмплицитная диалогичность характерна для писем Д. Бонхёффера родителям, в которых он обращается с конкретными просьбами, например, передать книги или вещи. В следующих письмах родителям он благодарит за переданные вещи и книги, а также за письма родных (пример 112). В письмах родителям Д. Бонхёффер задаёт вопросы о здоровье родных, просит передать приветы, благодарность и поздравления с праздниками своим братьям и сёстрам (примеры 157, 158).

Эксплицитная диалогичность свойственна письмам возлюбленной, в которых Д. Бонёффер не затрагивает философские темы – они всегда ориентированы на адресата, поэтому являются максимально диалогичными по сравнению с письмами другим адресатам.

Диалогичность проявляется и в письмах следователю, где темы высказываний подсудимого определяются вопросами следователя. Кроме того, Д. Бонхёффер стремит-

ся манипулировать следователем, и средством реализации манипулятивных стратегий является диалогичность.

Таким образом, в письмах, в которых присутствует философский и теологический макрокомпоненты, наблюдается максимальная степень монологичности на формальном и содержательном уровнях. Тем не менее, монологичный характер носят только определенные фрагменты текста, а именно теологические письма и искусствоведческая критика. В этих фрагментах автор апеллирует к собеседнику, поэтому элемент диалогичности в них присутствует, хотя формально в меньшей степени, чем в бытовом макрокомпоненте.

Для бытового макрокомпонента писем характерна эксплицитная диалогичность в виде вопросов разного типа, просьб.

Наличие монологических фрагментов в текстах Д. Бонхёффера наряду со свойственной личному письму диалогичности свидетельствует о гетерогенности текста личного письма, а также указывает на идиостилистические особенности текстов Д. Бонхёффера, который использует разные способы подачи материала в зависимости от адресата и от условий, в которых порождается текст.

Тексты, относящиеся к первому и второму этапам заключения характеризуются эмплицитной диалогичностью. Тексты, относящиеся к третьему и четвертому периодам заключения, содержат большие монологические фрагменты, теологические письма, которые характеризуются монологичностью, но имплицитная и эксплицитная диалогичность в них тоже присутствует. Другими словами, правомерно говорить о соотношении мнологичности и диалогичности в изучаемых текстах, а также о степени их проявления в зависимости от выраженности факторов «пограничная ситуация» и «ситуация неопределённости».

Обобщая, необходимо особо отметить ряд особенностей анализируемых текстов. С одной стороны, наличие монологических фрагментов связано с осмыслением ситуации, с другой – с невозможностью личного общения с близкими в течение долгого времени. Параметр «адресат» во много определяет диалогический или монологический характер письма.

2.2. Реализация номинативных и дискурсивных стратегий в личных письмах Дитриха Бонхёффера

Поскольку речемыслительная деятельность телеологична, т. е. подчинена достижению определенной цели, то она реализуется согласно определенной стратегии и организуется как последовательность речевых и неречевых действий (см. § 1.7.).

Языковые средства, которые Д. Бонхёффер использует в своем эпистолярном наследии и различия в их выборе, обусловлены разными дискурсивными стратегиями, разными целями в зависимости от адресата и от ситуации, в которой происходит коммуникация.

Анализ выбора средств и способов реализации дискурсивных стратегий чрезвычайно информативен, т. к. письма Д. Бонхёффера порождены в таких коммуникативных условиях, которые подвержены влиянию нескольких факторов: «пограничная ситуация», «ситуация неопределенности», «некоммуникант».

В текстах Д. Бонхёффера стратегии реализуются при помощи разнообразных средств: использование теологической терминологии, библеизмов, ПФ из сфер богословия, литературоведения, наличие монологических фрагментов в теле письма и др. Д. Бонхёффер предстаёт в письме как образованный человек, для которого совершенно естественно обращаться к ПФ, иноязычным словам и выражениям, библеизмам в своей речи, использовать сложные синтаксические структуры, варьировать форму выражения мысли.

Языковые средства являются средством реализации дискурсивных стратегий, выбор которых в свою очередь зависит от особенностей адресата. Так, неопределённо-личное местоимение *man* в письмах Д. Бонхёффера является средством реализации номинативных стратегий деперсонализации, генерализации. Использование личных местоимений становится средством реализации стратегии персонализации и проявляется в письмах родным, возлюбленной и другу, особенно в тех случаях, когда Д. Бонхёффер благодарит своих родных и друзей, а также в таком обязательном макрокомпоненте, как подпись. В письмах следователю персонализация связана со стремлением воздействовать на следователя, подчёркивая личное, уважительное отношение к нему и тем самым вызывая доверие.

На выбор стратегий влияют такие факторы, как культурная идентичность адресанта, его личностные характеристики, а также социальные параметры: профессия, возраст, социальный статус, а также социальное лицо (см. § 1.7).

Культурная идентичность адресанта проявляется в письмах Д. Бонхёффера в выборе языковых средств в процессе теологических размышлений (пример 113). В теологических письмах другу Д. Бонхёффер аргументирует свою позицию при помощи прецедентных имен и ситуаций из истории Европы. Свои богословские тезисы он аргументирует ПФ из немецкой философии и богословия: М. Лютера (пример 84), И. Канта, Г. Ф. Гегеля, И. Г. Фихте и др. (пример 16). В разговоре об искусстве Д. Бонхёффер часто прибегает к примерам из немецкого искусства – музыки, живописи, литературы (пример 114).

Дискурсивные стратегии, а именно аргументативные, суггестивные и манипулятивные, реализуются посредством номинативных, поскольку на выборе номинативных средств сказывается характер отношений между адресантом и адресатом. В своих письмах Д. Бонхёффер реализует следующие номинативные стратегии.

Стратегия прямой идентификации (пример 60) проявляется в обращении по имени, использовании личных местоимений. Данный тип номинативных стратегий является основным в письмах Д. Бонхёффера (примеры 60, 70, 114, 123).

Стратегия персонализации, как и предыдущий тип стратегий означает прямую идентификацию субъекта при помощи личных местоимений (ср. примеры из писем другу: 63, 65, родителям: 145, 146, возлюбленной: 71, следователю: 123)

Стратегия дефокусации реализуется при помощи предложений с неопределенно-личным местоимением *man* (см. § 2.2.1.2.5.) в значении типизации, когда высказывание приобретает характер всеобщности.

Стратегия дистанцирования также осуществляется в частом использовании *man* (см. подробнее § 2.1.1.2.4.).

Стратегия деперсонализации реализуется в риторических вопросах, а также в сокрытии имён третьих лиц (например, Schleichers вместо имени друга Э. Бетге).

Д. Бонхёффер использует как вербальные, так и невербальные средства реализации стратегии утешения. Благодарность и любовь к родным выражается вербально. Дру-

гу он первое время передает небольшие посылки, потом общается только вербально, посредством писем.

На выбор способа реализации стратегий влияют внешние условия, а именно пограничная ситуация, ситуация неопределенности, одиночество тюремной камеры, предельная ограниченность в общении и свободном движении.

В письмах следователю М. Рёдеру Д. Бонхёффер осуществляет оффензивную (наступательную) стратегию, в то время как в письмах родителям он разными способами намекает на сложности, с которыми он сталкивается в тюремном заключении, не детализируя описания, не заостряя на этом внимание адресата и призывая своих родных не относиться к своему положению как к трагическому, поскольку в военное время многие люди переживают страдания (пример 115). В текстах писем прослеживается изменение взгляда на переживаемую ситуацию. Он то смотрит на ситуацию изнутри, как её участник (пример 90), то извне, словно сторонний наблюдатель, мысленно дистанцируясь от жестокой, мрачной, порой беспросветной жизни в гестаповских застенках (пример 103).

Иначе Д. Бонхёффер выстраивает коммуникацию со своим другом, которому с первого письма он говорит о своих страданиях как единственному человеку, с которым он может делиться своими переживаниями (пример 52).

В своих письмах Д. Бонхёффер конструирует виртуальные миры, что тоже зависит от фактора «адресат». Так, в письмах другу виртуальный хронотоп проявляется в теологических, лирических, философских макрокомпонентах. В письмах родителям и возлюбленной виртуальная реальность, как правило, связана с ожиданием возможной встречи, приятными воспоминаниями о прошлых встречах. Воспоминание служит средством реализации суггестивной стратегии.

При описании ситуации в письмах Д. Бонхёффер реализует стратегию обобщения, дистанцирования от обстоятельств заключения, активно используя при этом предложения с неопределённо-личным местоимением *man*.

Актуализация разнородных интертекстуальных связей являются значимым средством, влияющим на структуру письма. Теологические письма Д. Бонхёффера другу становятся продолжением его интенсивной теологической деятельности, представленной многочисленными богословскими сочинениями, проповедями, размышлениями, кото-

рые в изучаемых письмах используются автором как средства реализации аргументативной стратегии, а также в одном из писем следователю — манипулятивной.

Из личных писем рождаются другие тексты: стихотворения, размышления на фрагменты из библейских текстов, проза. И наоборот, в личных письмах другу Д. Бонхёффер суммирует продуманные мысли, которые можно, опираясь на закономерность текстовой организации, охарактеризовать как своего рода аннотации к произведениям, критический анализ собственных произведений. И такой способ межтекстовых отношений следует сравнить с коммуникативным образованием, появившемся в языковой культуре много позже – с гипертекстом.

Рассмотрим, какие стратегии и какими средствами Д. Бонхёффер реализует конкретные дискурсивные стратегии в своих письмах.

2.2.1. Аргументативные стратегии

Аргументативные стратегии в письмах Д. Бонхёффера реализуются преимущественно двум адресатам: другу, особенно в теологических письмах, и в письмах следователю. Осознавая невозможность личного обсуждения актуальных богословских вопросов с другом, Д. Бонхёффер формулирует их в личных письмах, создавая тем самым аргументативную ситуацию в условиях отсроченного диалога [Васильев 1992: 3].

Аргументация осуществляется при помощи разнообразных лексических и синтаксических средств. Наиболее функционально нагруженными следует признать синтаксические средства.

Синтаксическими средствами реализации аргументативных стратегий являются: экспликация причинно-следственных связей посредством вводных конструкций: *am ersten, am zweiten*; сложноподчиненные предложения с разными типами связи (преимущественно изъяснительной, каузальной, консекутивной): *ich gehe davon ab, daß…* и др. Для дружеских писем характерна апелляция разными способами к авторитетам и заочная дискуссия с современными Д. Бонхёфферу учёными по актуальным проблемам философии и теологии (примеры 9, 102).

Для писем Д. Бонхёффера характерны следующие типы аргументации (см. подробнее § 1.7): изложение научных аксиом (пример 19), ссылка на положения ис-

торических документов (пример 113), прямое и косвенное цитирование признанных авторитетов (примеры 12, 16, 18), опора на законы природы: сравнение исторического процесса с взрослением человека (пример 4). Д. Бонхёффер в своих письмах другу прибегает также к доказательству (развёрнутому), т.е. подтверждению правильности тезиса при помощи системы аргументов, а именно: 1) в тематическом развитии, например, в теологическом письме от 16.7. 1944: *Zum Historischen... in der Moral … In der Politik… Schließlich der philosophische Schlußstrich …*; 2) во вводных конструкциях: *einerseits … andrerseits*. В первом теологическом письме он задаёт проблемные вопросы, на которые стремится найти ответы в ходе переписки с другом (пример 141).

Внешние обстоятельства не способствовали научным трудам. Работа Д. Бонхёффера часто прерывалась воем сирен, возвещающих о воздушных атаках (пример 143), погодными условиями (пример 142), что обусловило наличие не до конца аргументированных тезисов в его письмах. Наличие в письмах тезисов, которые не подтверждены аргументами в результате названных выше факторов – всё это впоследствии привело к тому, что теологические письма Д. Бонхёффера получили множество трактовок, и однако интерес теологического сообщества к этим письмам не угасает с тех пор многие годы.

Специфика личных писем Д. Бонхёффера в том, что в них, с одной стороны, реализуются аргументативные стратегии, с другой — задействован способ, при помощи которого ведутся споры с известными богословами — современниками Д. Бонхёффера, не свойственный научной речи из-за однозначной аксиологической нагруженности высказываний, например, фраза «*friss Vögel oder stirb*» оскорбила К. Барта [Krötke URL: https://www.dietrich-bonhoeffer.net/fileadmin/media/projekte/Barth-Bonhoeffer-1-converted.pdf].

Таким образом, ясно, что выбор стратегии определяется особенностями типов дискурса, адресатом и темой письма. В изучаемых письмах Д. Бонхёффера другу имеются макрокомпоненты, организованные по законам научного текста – теологического, философского, искусствоведческого, литературно-критического, – а также официального институционного дискурса. Наиболее последовательно это характерно для теологических писем. Для писем родителям и возлюбленной свойственна реализация суггестив-

ных стратегий. Письма следователю написаны в официально-деловом стиле, и в них Д. Бонхёффер прибегает к аргументативным и манипулятивным стратегиям.

2.2.2. Суггестивные стратегии

Данный тип стратегий характерен для писем близким: родителям, другу и возлюбленной. Реализация суггестивных стратегий в письмах Д. Бонхёффера обусловлено ситуацией заключения, которую мы характеризуем как ситуацию пограничную и ситуацию неопределённости. В письмах Д. Бонхёффера суггестия направлена на то, чтобы его родным и близким людям было легче воспринимать ситуацию его заключения, а ему самому — осмыслить и принять приближающуюся смерть (см. раздел 1.7.4). В изучаемых письмах мы выделяем следующие способы реализации суггестивной стратегии.

1) Тщательный отбор информации в письмах. Д. Бонхёффер не хотел, чтобы его родители переживали от того, что сын живёт в тяжёлых условиях. Поэтому он умалчивает о многих фактах в данных письмах и почти не описывает трудности, с которыми он сталкивается. При этом для писем родителям характерна ориентация на описание положительных событий и выражение благодарности им за помощь и поддержку до и во время заключения (примеры 45, 46, 47, 94).

2) Сознательное дистанцирование от внешних обстоятельств заключения (пример 7). Теологические письма другу, с одной стороны, помогают Д. Бонхёфферу дистанцироваться от жестокой реальности жизни, с другой – помогают осмыслить ему и, вероятно, другу, приближающуюся смерть (пример 4).

3) Придание ситуации характера всеобщности. Способы реализации данной стратегии различаются в зависимости от адресата. Для писем другу характерно обращение к личным темам, что отражается в гетерогенности макроструктуры, т. е. в присутствии в текстах разнообразных факультативных макрокомпонентов: философских обобщений, теологических размышлений, стихотворений (примеры 4, 23, 31, 72, 85). В письмах родителям это достигается преимущественно через использование неопределенно-личных конструкций (см. § 2.1.1.2.4) (примеры 87-94).

4) Переключение внимания собеседника с собственной ситуации заключения на события жизни адресата и его семьи (пример 145).

5) Приложения к письмам в виде стихотворений (см. раздел 2.2.1.1.2.4).

6) Сознательная или неосознаваемая словесная игра, выражающаяся в варьировании выразительными возможностями немецкого языка: а) нотные знаки вместо слов; б) иноязычные вкрапления (см. § 2.2.1.2.1.); в) обращение к ПФ для максимально точного и ясного для адресата изложения содержания; г) включение в текст библеизмов, цитат из духовных песнопений; д) лексика из философской сферы (см. § 2.2.1.1.2.2.); е) полноценные проповеди по особым поводам: женитьбы друга и крещения его сына (см. проповедь по поводу женитьбы друга в [DBW VIII: 73-79]).

7) Конструирование виртуального хронотопа (см. § 2.2.1.1.3.3.).

8) Сознательное стремление к выражению положительных эмоций (пример 52). Это достигается преимущественно в письмах родителям и возлюбленной.

Важное значение в текстах Д. Бонхёффера имеют такие нетипичные для личного письма средства выражения утешения, как нотные знаки, короткие фрагменты музыкальных произведений, поскольку при помощи названных средств Д. Бонхёффер активирует комплекс сведений, значимый как для него самого, так для адресатов его писем. В целом, письмо как тип текста не является парлингвистически активным или креолизованным текстом (см. характеристику данных текстов в [Анисимова 2003: 8]). Но в письмах Д. Бонхёффера, написанных по случаям церковных праздников, музыкальные произведения являются, с одной стороны, свидетельством его активной душевной жизни, внутренней работы, борьбы с трудными внешними обстоятельствами, с другой – идиостилистической характеристикой писем Д. Бонхёффера, обладающего хорошим музыкальным слухом и вкусом.

Как показывает анализ разнообразных средств реализации суггестивной стратегии, Д. Бонхёффер мастерски владел словом и находил разные возможности утешить своих близких. Тем не менее, за утешительными словами родителям (пример 116) стоит очевидное огромное усилие воли, поскольку тюремный быт в реальности был очень тяжел и причинял Д. Бонхёфферу многочисленные физические, интеллектуальные и психологические страдания. Только в письмах другу и потом в стихотворении «Wer bin ich» Д. Бонхёффер пишет о своих собственных страданиях и о своей борьбе с унынием

[Lange 2012: 60]. Об этом свидетельствуют в том числе и заметки, в которых он фиксирует даже свои мысли о самоубийстве (пример 117).

Суггестивные стратегии имеют важное значение в письмах Д. Бонхёффера близким. Естественно, что в письмах следователю он прибегает к другим типам стратегий. Особое значение реализция суггестивных стратегий имеет в письмах родителям, поскольку данным способом сообщения информации о себе Д. Бонхёффер пытается сконцентрировать внимание родителей на жизни всей семьи и на его благодарности родителям. Суггестивные средства важны также для писем возлюбленной, когда Д. Бонхёффер стремится утешить возлюбленную и выражает надежду на встречу с ней, уверяет в необходимости терпеть разлуку и трудные обстоятельства жизни во время войны.

В письмах другу, в которых Д. Бонхёффер концентрируется на философско-богословском осмыслении современной ему церковной ситуации, стратегии, реализуемые в этих письмах, можно охарактеризовать как аргументативно-суггестивные, поскольку фактически он использует аргументативные средства и способы изложения мысли с целью утешить друга.

Предельно обобщая, можно сказать, что при написании писем Д. Бонхёффер придерживается аргументативных и суггестивных стратегий, разными способами утешая друга, родных и возлюбленную, с одной стороны, и поддерживая имидж и авторитет сотрудника абвера перед следователем, с другой.

2.2.3. Манипулятивные стратегии

Д. Бонхёффер писал письма из заключения и в пограничной ситуации (см. § 1.6.2), потому понятно, что в некоторых из них реализуются манипулятивные стратегии (см. § 1.7.5.).

Стратегии данного типа характерны для писем Д. Бонхёффера следователю. Кроме того, эти стратегии реализуются в некоторых письмах родителям. Так, в научном издании писем Д. Бонхёффера в сносках обозначено, что некоторые фрагменты писем родителям предназначены специально для следователя, поскольку и адресанту, и адресатам данных писем было известно, что переписка подвержена цензуре (пример 140). Особенно это характерно для писем от 27.07.1943 и от 03.08.1943, написанных в конце первого

периода заключения, периода допросов, когда Д. Бонхёфферу было разрешено написать родителям для того, чтобы ему назначили адвоката. В некоторых письмах родителей Д. Бонхёфферу присутствуют пассажи, предназначенные для следователя, например, в письме от 3.3.1944 отец Карл Бонхёффер намекал, что сын нужен дома (пример 139). Мать в письме от 15.6.1943, обращаясь к Д. Бонхёфферу, специально говорит о своей надежде на то, что сын больше не будет делать ошибок и будет верен власти (пример 1).

Манипулятивные стратегии, как уже говорилось, являются доминирующими в письмах следователю М. Рёдеру, поэтому в данном разделе мы рассмотрим эти письма более подробно.

Восемь писем следователю написаны в промежутке между 10.06-2.08.1943 г., т. е. в первый этап заключения Д. Бонхёффера в конце периода допросов. По замечанию издателей собрания сочинений Д. Бонхёффера, эти письма содержат множество подчеркиваний, исправлений, разных редакций предложений, что, очевидно, свидетельствует о тщательном выборе языковых средств и о конспирации. То, что соизмеримо с правдой, в этих письмах часто подается в фиктивном контексте [DBW XVI: 401].

Для данных писем характерны следующие способы реализации манипулятивных стратегий:

- Искажение информации. Д. Бонхёффер сознательно нарушает принцип кооперации Г. П. Грайса (см. раздел 1.7.), помещая истинные события в ложные обстоятельства. Тем самым он стремится добиться смягчения наказания.

- Экспликация трюизмов. В подобных случаях говорят азбучные истины, например, обоснование службы в абвере через возможность служения немецкому народу из-за любви к последнему (пример 118).

- С одной стороны, для писем Д. Бонхёффера следователю характерна максимальная логичность изложения, с другой стороны — эмоциональная нагруженность текста, стремление добиться доверия следователя к себе. Д. Бонхёффер стремится сконструировать для следователя образ наивного пастора и постоянно утверждает, что он сам ничего не понимает в юридических вопросах, что и спровоцировало его арест и заключение (пример 123).

- Уверение в абсолютной честности подсудимого и значимости этого качества для него как личности: *für mich persönlich, nach meiner innersten Überzeugung* (примеры 119, 120).

- Следуя принципам организации официального дискурса, Д. Бонхёффер активно использует в письмах следователю выражения, характерные для риторики нацистов (пример 138) (о нацистской риторике см. подробнее в Katajewa 2019: 100).

Селекция информации достигается смещением содержательных акцентов, тщательным выбором языковых средств. Так, Д. Бонхёффер был заподозрен в утечке денег за границу, что на самом деле было связано с его участием в операции по спасению евреев «Unternehmen-7», во время которой 14 человек эмигрировали в Швейцарию. На следствии Д. Бонхёффер очень тщательно отбирает информацию, когда говорит о людях, связаных с этим предприятием (пример 121). Он сознательно искажает информацию и говорит о своём полном непонимании юридических вопросов (пример 122). При этом Д. Бонхёффер явно и разным способом подчеркивает уважительное отношение со следователем, всегда вежливо обращаясь к нему, называя его должность: *sehr verehrter Herr Oberkriegsgerichtsrat,* а также общаясь с ним исключительно на Вы: *Sie* (пример 123). В письмах родителям Д. Бонхёффер всегда называет следователя *Herr Dr. Röder*, а в письмах другу, которые не проверялись цензурой, он использует сокращения: *R.* (примеры 129, 137, 138).

В одном случае Д. Бонхёффер апеллирует к цитате из библейского текста и писем апостола Павла с целью манипуляции (пример 124). Д. Бонхёффер прибегает к библеизм в письме следователю, чтобы убедить своего собеседника в том, что подсудимый сконцентрирован на религии, не виновен, он верен своим властям и готов служить своему народу: *Dienst am deutschen Volk* (DBW XVI: 418) (пример 125).

Д. Бонхёффер активно использует длинные сложноподчинённые предложения, формы пассива, перегружает текст избыточной информацией – эти формы характеризуются как канцелярские штампы и свойственны юридическому немецкому языку [Langenscheidt Anwalt-Deutsch 2009: 63], который не всегда понятен непрофессионалу [Zypries 2008: 48]. Владение Д. Бонхёффером юридическим стилем свидетельствует о стилистической гибкости его языка, об умелом варьировании своих действий в зависи-

мости от меняющихся условий, об адекватном выборе дискурсивных стратегий. Он рассчитывал, как его слова будут воздействовать на собеседника (М. Рёдера) в позитивном для себя смысле, и строго выверял выбор языковых средств.

Д. Бонхёффер использует сложноподчинённые предложения причины, следствия, соединяемых союзами: *daß, so daß*. Сложная синтаксическая структура характерна для текстов официально-делового стиля. Так, для них свойственно наличие большого количества отымённых предлогов и союзов [Брандес 1983: 169]: *wohl, sowohl, nur je, zwar*.

В письмах следователю адресант часто сокращает имена: *Frl., Fr. - Friedenthal*, названия: *K. B.K – Bekennende Kirche,* чтобы компримировать информацию, которая хорошо известна следователю (пример 126).

О своих заграничных командировках Д. Бонхёффер говорил в письмах следователю, что для него эти выезды являются возможностью поддержания экуменических контактов и заодно – выполнения рабочего задания в абвере (пример 127). На самом же деле Д. Бонхёффер использовал церковные связи для участия в заговоре против Гитлера.

Таким образом, Д. Бонхёффер реализует стратегию манипулирования в письмах следователю, располагая богатым арсеналом средств и способов достижения своих целей. Способы реализации данной стратегии, выбранные Д. Бонхёффером, можно считать успешными, поскольку ему удалось скрыть своё участие в заговоре против Гитлера, хотя у следователя имелись для этого некоторые доказательства.

Манипуляция заключается в том числе и в умении Д. Бонхёффера говорить на языке пропаганды, принятом в гитлеровское время. Он использовал средства, характерные для пропагандистского дискурса, а именно апеллировал к таким понятиям, как служение народу, вера в единство немецкого народа. Это свидетельствует об умении Д. Бонхёффера подстроиться под любой тип дискурса, не отказываясь при этом от своих собственных убеждений и оставаясь им верным до конца.

2.3. Факторы, обусловливающие реализацию стратегий

Как отмечалось выше (см. § 1.6), ситуация является значимым фактором при порождении писем. В следующих параграфах мы остановимся на анализе пограничной си-

туации и ситуации неопределенности и языковых средствах, специализирующихся на функционировании в этих ситуациях.

2.3.1. Влияние фактора «пограничная ситуация» на организацию письма

Дитрих Бонхёффер находился в тюремном заключении с 1943 по 1945 гг. – в военное время, когда многие люди испытывали страдание, разлуку, ежедневно противостояли смерти. Об этом он часто напоминал своим родным в письмах, акцентируя, что его заключение не является особой ситуацией по сравнению с тем, что испытывали другие люди. Тем не менее, одиночество тюремной камеры и всё более яркое и ясное осознание, что заключение закончится смертью, характеризуют ситуацию его заключения, особенно в период после покушения на Гитлера, как пограничную (о пограничной ситуации см. подробнее в § 1.6). Эти факторы влияют и на выбор отдельных языковых средств автором, и на способ изложения мыслей, т. е. в конечном счете обусловливают организацию всего текста.

Особенности ситуации, в которой порождается текст, обусловливают выбор коммуникантами способа решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи, и это относится к всё ещё мало исследованной области. В специальной литературе существуют исследования отдельных типов ситуаций, как правило, бытовых (приглашение, приветствие, извинение и др.) [Беляева 1992; Цурикова 2002; Плетнёва 2007; Пучкова 2011]. В этих исследованиях описывается влияние разных коммуникативно-прагматических факторов на выбор средств достижения коммуникативной цели, изучается вклад отдельного фактора в результат коммуникативного взаимодействия. Однако фактор «пограничная ситуация» пока ещё не оказывался в центре лингвистического исследования.

Ситуации названного выше типа, как убеждает анализ, обусловливают выбор адресантом обсуждаемой в письме тематики, средств решения однотипных номинативных задач и в конечном итоге влияют на организацию текстов разного типа: личных писем, статей, критических заметок, проповедей и т. д.

Благодаря разносторонней и продуктивной интеллектуальной деятельности, реализованной при написании теологических и философских трудов, а также личных писем,

Д. Бонхёфферу удаётся духовно преодолевать трудности тюремного заключения. Изучение его дружеских писем показывает, что, осознавая неизбежность собственной казни, Д. Бонхёффер не пожалел о своем выборе – бороться с нацистским режимом – и вместе с тем не утрачивал надежду на благоприятный исход (пример 76).

Многоаспектный анализ показал, что чрезвычайная степень содержательной и структурной гетерогенности макроструктуры личных писем Д. Бонхёффера другу, будучи основной идиостилистической особенностью изучаемых текстов, обусловлена влиянием фактора «пограничная ситуация» на процесс порождения текста. Осознавая близкий конец и понимая, что нет возможности обсудить свои идеи с другом лично, Д. Бонхёффер стремится поделиться с другом и коллегой самым главным – своими новаторскими размышлениями, и пишет Э. Бетге теологические письма, в которых он даёт другу представление о своём теологическом труде.

Необходимо отметить также зависимость между частотностью обращения к определенной тематике и степенью гетерогенности соответствующего письма в зависимости от уровня опасности пограничной ситуации. Так, по сравнению с первым и вторым периодами заключения более поздние третий и четвёртый периоды 1944-1945 г. показывают, что именно в это время наиболее часто Д. Бонхёффер обращается к философской и теологической проблематике, осмысляя эти проблемы так же, как и лирический герой его философской поэзии. Это подтверждается близостью тематики, обсуждаемой в названные периоды (см. § 2.1.) (ср. из стихотворений примеры 25, 32 и из теологических писем 4, 7, 16, 17).

Можно предположить, что чем больше адресант осознает высокую степень опасности для себя, тем более гетерогенной становится макроструктура текста личного письма. Чем выше надежда на благоприятный для себя исход дела у Д. Бонхёффера, тем менее гетерогенной является структура личного письма, тем ближе структура текста к прототипическим принципам организации текста этого типа. Это связано со стремлением Д. Бонхёффера высказать своему другу самые главные свои мысли, осознавая скорый конец.

В письмах Д. Бонхёффера разным адресатам реально переживаемая им ситуация отражается по-разному. Так, в письмах родителям Д. Бонхёффер преимущественно ре-

ализует суггестивные стратегии (см. подробнее § 2.1.3.2.), стремясь не концентрироваться на своих личных переживаниях, а выразитть благодарность родителям и проявить интерес к жизни семьи. Поэтому макроструктура письма максимально приближена к прототипической (т. е. складывается из обязательных макрокомпонентов). В письмах другу, напротив, Д. Бонхёффер модифицирует макроструктуру письма, включая в текстовую ткань разнообразные факультативные макрокомпоненты (см. подробнее § 2.1.1.2.). В письмах возлюбленной, как и в письмах родителям, Д. Бонхёффер реализует суггестивные стратегии (см. § 2.1.3.2) (примеры из писем, родителям – 90, 92, другу – пример 115, возлюбленной – пример 136). В письмах следователю фактор «пограничная ситуация» обусловливает выбор средств для реализации манипулятивных стратегий (см. § 2.1.3.3.) (примеры 122-127).

2.3.2. Влияние фактора «ситуация неопределенности» на выбор дискурсивных стратегий

Некоторые обстоятельства, с которыми Д. Бонхёффер сталкивался, находясь в заключении, можно определить как ситуацию неопределённости (см. раздел 1.6.1.), поскольку часто ему приходилось ожидать решений следствия; при этом степень неопределённости с течением времени постоянно усиливается. Весь второй период заключения связан с ожиданием приговора. В третий период, до 20 июля 1944 г., зная о готовящимся покушении на Гитлера, он тем не менее рассчитывал на возможный благоприятный для себя исход дела. В октябре 1944 г., после неудачного покушения на Гитлера, Д. Бонхёффер готовил побег из тюрьмы, но не совершил его, поскольку за два дня до этого был арестован его брат [Метакса 2012: 555].

Все перечисленные события отражены в его письмах. Так, во второй период заключения Д. Бонхёффер строит планы на будущее, конструирует виртуальные миры (см. § 2.1.1.1.3.4) (пример 155), мечтает о женитьбе и о встрече с близкими (примеры 63, 67, 68, 93, 135). В письме от 25.02.1944 г. Д. Бонхёффер говорит о многомерности жизни и возможности возвыситься над ситуацией (пример 128), не впасть в уныние и негативное эмоциональное состояние.

Таким образом, чем выше степень неопределенности, чем сильнее такая ситуация приближается к пограничной, тем больше Д. Бонхёффер в дружеских письмах обращается к темам, важным для него как интеллектуала, тем более гетерогенной становится макроструктура дружеских писем. Доминирование суггестивных стратегий, реализуемых в такие периоды в личных письмах Д. Бонхёффером своим родственникам и возлюбленной, однако не означает, что автор этих писем не осознает опасности для себя лично как для человека. Эти размышления, напротив, поднимаются до философских обобщений и выражаются через образ лирического героя стихотворений, а также имплицитно присутствуют в таких обязательных макрокомпонентах личного письма другу, как прощание и подпись.

2.3.3. Фактор «некоммуникант» и его влияние на организацию текста

Фактор «некоммуникант» в письмах Д. Бонхёффера, вне всякого сомнения, влияет на содержательную и формальную структуру письма.

В письмах из заключения Д. Бонхёффер, безусловно, принимал во внимание цензуру и избегал многих выражений, опасных для родных, друзей и коллег, высказывая такие мысли с помощью специально разработанного кода[33] [DBW XVI: 3]. В научном издании его трудов даются сноски, что некоторые пассажи писем написаны для цензора (пример 140). Это характерно даже для писем другу, которые не были подвержены цензуре, поскольку они могли быть перехвачены гестапо [Метаксас 2012: 502]. Издатели писем Д. Бонхёффера отмечают, что изучение стиля его писем, начиная с его службы в абвере в 1941 г., представляет проблему, поскольку Д. Бонхёфферу приходилось скрывать большое количество информации в силу своей деятельности [DBW XVI: 3].

Тот факт, что фактор «некоммуникант» влияет на выбор номинативных средств (см. § 2.1.3), не требует развёрнутого доказательства, т. к. Д. Бонхёффер находится в тюрьме. В письмах родителям Д. Бонхёффер называл своего следователя *Herr Dr. Roeder*, подчеркивая уважение к нему, с одной стороны, и реализуя манипулятивную

[33] В семье Бонхёфферов на случай ареста был разработана система кодовых слов и зашифрованных сообщений. В книгах, передаваемых родителями для Д. Бонхёффера в тюрьму, через каждые восемь страниц была подчёркнута одна буква, таким образом семья обменивалась важными сообщениями, связанными со следствием [Метаксас 2012: 500].

стратегию, адресуя ему пассажи писем к родителям – с другой. В письмах другу, которые не проверялись цензурой, Д. Бонхёффер почти не упоминает имя М. Рёдера, но в тех случаях, где это имя встречается, автор использует другое обозначение — сокращение *R*. Сравнение писем показывает, что фактор «некоммуникант» является значимым в личном письме Д. Бонхёффера и является важным при выборе дискурсивных стратегий (см. § 1.5.3). Так, с другом он говорит о своем следователе совершенно в другой, несколько пренебрежительной тональности, не пытаясь высказать подчёркнутое уважение к нему (пример 129).

В письмах родителям первого и второго периода заключения Д. Бонхёффер скрывал имя Э. Бетге, и называл его по девичьей фамилии его супруги *Schleichers*, перед днём рождения он напоминал родителям, чтобы они не забыли поздравить его (пример 130).

В одном из писем другу Д. Бонхёффер говорит о совместной вечерней работе. При этом только другу известно, что слово *Arbeit* в данном случае является кодовым для запрещенного прослушивания новостей о Германии по радио «BBC Лондон» (пример 131).

При обозначении родителей Д. Бонхёффер использует стратегии прямой идентификации так же, как при номинации возлюбленной Марии фон Ведемайер в письмах к ней (пример 70). Он не скрывает её имя в письмах родителям и другу, поскольку ясно, что это не повлияет на следствие (пример 56 из письма другу; пример 42 из письма родителям).

Если в письмах родителям Д. Бонхёффер не пишет о своих цензорах, умалчивает о своих друзьях и предназначает некоторые письма специально для цензуры, то в письмах возлюбленной он открыто пишет о том, что его тяготит постоянный надзор и цензура (пример 132), а также постоянное наблюдение (пример 133, 134). В случае же, когда Д. Бонхёффера связывает с адресатами его писем отношения заговорщиков, он использует стратегию умолчания.

Про членов общины в письмах из тюрьмы Д. Бонхёффер умалчивает, чтобы не подвести их под подозрение гестапо. О власти и Гитлере он также ничего не говорит по понятным причинам [Метаксас 2012: 498]. Ни в одном из писем Д. Бонхёффер ни разу не упоминает имени Гитлера и других известных политиков. Он участвовал в заговоре про-

тив Гитлера, но всё, что касалось предстоящего покушения 20 июля 1944 г., в переписке не обсуждается в письмах другу. При чтении его писем не сразу можно понять, о чём идёт речь (пример 135), и разобраться можно лишь при помощи научных комментариев, подготовленных исследователями для издания, или же если быть полностью в курсе биографии Д. Бонхёффера.

Таким образом, фактор «некоммуникант» является значимым при выборе языковых средств в письмах Д. Бонхёффера из заключения. Так, данный фактор определяет тип номинативной стратегии (оффензивный или деффензивный): первая выражается в подчеркнуто вежливом обозначении следователю в письмах, которые подвергаются цензуре, вторая — в пренебрежительном отношении в письмах, которые не подвергаются цензуре.

Родители Д. Бонхёффера также меняют стратегию поведения, зная о цензуре. Так, в письмах присутствуют высказывания-упрёки со стороны матери (пример 1), высказывания-жалобы со стороны отца (пример 156). Присутствие в коммуникации третьего лица способствует изменению стратегий взаимодействия, языка и стиля диалога коммуникантов, что проявляется в письмах в виде высказывания, как правило, длиной в один абзац, предназначенный специально для следователя. Некоммуникант остаётся незаметным, но значимым участником коммуникации, что особенно ярко проявляется в письмах родителям, поскольку эти письма регулярно подвергались цензуре.

Выводы

Многоаспектное и комплексное изучение личных писем Дитриха Бонхёффера позволяет сделать следующие выводы.

Тексты писем Д. Бонхёффера являются жёстко структурированными и всегда содержат следующие обязательные для личного письма макрокомпоненты: дата, обращение, сообщение, прощание, подпись. Место написания писем Д. Бонхёффер не указывает, поскольку оно хорошо известно его адресатам, с одной стороны, и чтобы не наводить подозрения на близких в случае просмотра писем третьими лицами, с другой. Дата написания писем не указывается в том случае, если Д. Бонхёффер часто пишет своему адре-

сату, что наиболее характерно для писем другу и в нескольких случаях – письмам возлюбленной.

Гетерогенность личного письма проявляется в содержательном и структурном отношении и прежде всего свойственны макроструктурной организации текста. Наивысшая степень гетерогенности имеет место в обязательном макрокомпоненте «сообщение», который включает в себя такие разнообразные факультативные макрокомпоненты, как философский, теологический, искусствоведческий, лирический, бытовой. Число и характер факультативных макрокомпонентов зависит от таких коммуникативно-прагматических факторов, как «адресат», степень неопределённости ситуации, доверие между коммуникантами, симметричность / асимметричность их отношений. Наиболее разнообразными по форме и содержанию являются письма другу Э. Бетге, в то время как письма родителям порождаются согласно конвенциям, присущим немецкой языковой культуре. Письма следователю представляют собой особый подтип письма, который требует более детального изучения с точки зрения судебной лингвистики.

Средства и способы реализации стратегий в личных письмах Д. Бонхёффера в первую очередь обусловлены характером адресата писем и типом отношений между коммуникантами, а также факторами «пограничная ситуация», «ситуация неопределённости», «некоммуникант». В письмах другу Д. Бонхёффер реализует аргументативные, аргументативно-суггестивные и суггестивные стратегии. Для писем родителям и особенно возлюбленной характерна стратегия утешения, т.е. суггестивная, в письмах следователям Д. Бонхёффер реализует манипулятивные стратегии. Манипуляция свойственна и некоторым пассажам в письмах к родителям, но обращена она не адресатам, а некоммуниканту, т.е. следователю и цензору.

Особенности идиостиля Д. Бонхёффера проявляются на макор-семантическом и макро-синтаксическом уровнях. Организация текста на микроуровне следует конвенциям. Содержательная и формальная гетерогенность писем разным адресатам показывает умение Д. Бонхёффера как адресанта владеть разными типами текста и умело ими пользоваться в зависимости от адресата, и ситуации, и цели коммуникации. Письма другу насыщены философской и теологической терминологей, им свойственно стремление конденсировать и чётко структурировать большой информационный поток.

Таким образом, на примере писем Д. Бонхёффера можно проследить диалектику конвенционального и креативного в личном письме. Он выбирает из комплекса изофункциональных языковых средств, предназначенных в языковой культуре для решения определённой коммуникативной и когнитивной задачи. Креативность проявляется не в количестве, а в качественном использовании языковых средств. Он умеет выбирать максимально адекватные для актуальной коммуникации средства решения когнитивной и коммуникативной задачи. В его письмах присутствует один неологизм, который встречается в теологических письмах – nichtreligiöses Christentum. Появляются также большое количество заимствований, прецедентных феноменов в письмах другу, но обращает на себя внимание выбор коммуникативных стратегий в общении с разными адресатами в пограничной ситуации и ситуации неопределённости.

Заключение

Проведённое исследование посвящено изучению процессов, реализация которых превращает инвариант решения языковыми средствами конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, традиционно сложившийся в языковой культуре, «тип текста» в текст. Эти процессы требуется изучать уже только потому, что все тексты представляют собой результат речемыслительной деятельности коммуникантов, обладающих разнородными характеристиками. Названная деятельность осуществляется с помощью гетерогенных языковых средств, выбираемых из комплекса изофунциональных согласно имеющимся в культуре образцам использования этих средств.

Таким образом, в фокусе исследовательского интереса находится соотношение коллективной и личностной идентичности при использовании языка как культурного кода, как средства познания и коммуникации. Речь идёт об описании инварианта «личное письмо», о том, как принято его организовывать в немецкой языковой культуре, а также о принципах варьирования этого инварианта через выявление нескольких вариантов реализации этого инварианта в деятельности Д. Бонхёффера, конкретного носителя языка и культуры.

Избранный ракурс исследования обусловил и характер теоретического фундамента – текстограмматический, и доминирующий аспект рассмотрения – макротекстовый (макросемантический и макросинтаксический) вкупе с функциональным. Макросинтаксический анализ позволяет выявить обязательные и факультативные макрокомпоненты, а также их последовательность и соотношение в тектовом целом. Макросемантический анализ предоставил возможность определения содержания – понятийную сферу, из которой активизируются сведения, последовательность и степень детализации активизируемых сведений из определённой понятийной сферы.

Это позволило описать с разных сторон принципы видоизменения инварианта изучаемого типа текста и выявить варианты реализации этого инварианта в разных условиях речемыслительной деятельности применительно к деятельности одного конкретного носителя языка и культуры.

Личное письмо является типом текста, имеющим в языковой культуре довольно жёсткую формальную и содержательную макроструктуру, которая выражена в строгой

последовательности обязательных макрокомпонентов: дата – место – обращение – сообщение – прощание – подпись.

Макрокомпонент «сообщение» является конвенционально наиболее вариативным в содержательном отношении элементом и включает в себя факультативные макрокомпоненты, количество и характер которых зависит от влияния разнообразных коммуникативно-прагматических факторов.

В результате анализа можно обозначить следующую иерархию факторов, влияющих на порождение текста в письмах Д. Бонхёффера: 1) адресат; 2) адресант; 3) тип отношений между коммуникантами (симметричность-ассиметричность); 4) повод для написания письма; 5) ситуация (пограничная ситуация, ситуация неопределённости); 6) некоммуникант; 7) социокультурная идентичность коммуниканта; 8) место и время действия.

Потенциально вероятные темы, затрагиваемые в личном письме, определяются происходящим в актуальный для адресанта период времени событиями в жизни коммуникантов и в обществе, их профессиональной деятельностью, интересами, эмоциональным состоянием, планами / намерениями обоих коммуникантов.

Соотношение конвенционального, т. е. составляющее ядерную часть коллективной идентичности носителей языковой культуры, и идиостилистического, т. е. относящегося к личностной идентичности конкретного субъекта познания и коммуникации, в использовании языковых средств проявляется через варьирование инварианта (типа текста). Применительно к деятельности Д. Бонхёффера с помощью языковых средств можно констатировать следующее.

На текстовом микроуровне Д. Бонхёффер как носитель немецкого языка и культуры следует известным ему конвенциям: выбор лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических средств подчинён принятым в немецком языке закономерностям, причём перечисленные средства используются в основном в их первичных функциях.

Идиостилистическое своеобразие выявляется на макротекстовом уровне через включение в конвенциональную структуру письма факультативных макрокомпонентов двух видов: макрокомпоненты, интегрированные в текст, и макрокомпоненты, не инте-

грированные в текст. Первые – это бытовые, богословские, философские, искусствоведческие, музыкальные, лирические. Они обнаруживают семантическую и синтаксическуюорганизацию, свойственную соответствующим типам текста. Вторые представляют собой проповеди, молитву, богословские мысли, набросок книги, стихотворения, заметки, завещание, сообщение, приветствие.

В изучаемых письмах Д. Бонхёффера другу, родителям, возлюбленной и следователю характер и объём факультативных макрокомпонентов в наибольшей степени зависит от фактора «адресат», а также от идиостилистических особенностей, присущих адресанту: высокое мастерство владения разными средствами и коммуникативными стратегиями, трезвая оценка происходящих событий, умение вовремя содержательно, убедительно и точно говорить и молчать, когда это необходимо.

Максимально гетерогенными в содержательном и формальном отношении являются письма другу. В них доминирует теологическая тематика, что обусловлено симметричным характером отношений между коммуникантами, общими профессиональными интересами, доверием и христианским братством. Этим обусловлено наличие философской и теологической терминологии, библеизмов, прецедентных феноменов в изучаемых письмах.

Характерной особенностью писем Д. Бонхёффера другу является наличие специальных терминов и знаков разных семиотических систем в нетипичном контексте: искусствоведческие термины и нотные знаки используются для аргументации богословских понятий, библейские выражения – для реализации суггестивной стратегии утешения в письмах другу, родителям и возлюбленной, иноязычные вкрапления в виде цитат из Библии – о качестве завершения письма. Особый интерес в этом отношении представляют теологические письма, поскольку в них Д. Бонхёффер обосновывает свою теологическую концепцию преимущественно философскими и естественнонаучными терминами.

Письмо как тип текста характеризуется в специальной литературе как обладающий свойством диалогичности. В то же время письма Д. Бонхёффера другу характеризуются наличием монологических фрагментов, написанных готическим шрифтом, которые он использовал в большей степени для себя самого, чем для научения друга. Соот-

ношение диалогичности и монологичности в письмах зависит, как свидетельствует анализ, от факторов «пограничная ситуация», степень выраженности неопределённости ситуации, «адресант», «адресат».

Письма родителям и возлюбленной в отличие от писем другу характеризуются конвенциональной для немецкой языковой культуре структурой, меньшей степенью структурной и содержательной вариативности. При этом письма возлюбленной максимально личностно направлены, что выражается в референции местоимения *wir*, которое референтно к референту «du+ich».

Анализ разных способов решения однотипной коммуникативной и когнитивной задачи конкретным коммуникантом позволил составить достаточно ясное представление как об индивидуальных предпочтениях адресанта при выборе им определённого средства из комплекса изофункциональных, так и обоснованиях для соответствующего выбора. Наиболее яркими признаками индивидуальных особенностей осуществления речемыслительной деятельности Д. Бонхёффера являются следующие.

Неопределённо-личное местоимение *man* используется для реализации суггестивных стратегий и помогает адресату дистанцироваться от обстоятельств заключения. Большое количество неопределённо-личных местоимений, формы конъюнктива, обращение к разным способам конструирования виртуального хронотопа, в котором на самом деле отражаются реальные события или их эмоциональное переживание адресантом, использование модальных глаголов для описания потенциальных возможностей – широкое использование этих средств в изучаемых письмах обусловлены факторами «адресат», «пограничная ситуация», «ситуация неопределённости». Прецедентные феномены в письмах Д. Бонхёффера являются средством конденсации информационного потока. Характерно, все перечисленные идиостилистические особенности в использовании немецкого языка обнаруживают специфику в реализации их функционального потенциала, обусловленные влиянием факторов «адресант», «адресат», «пограничная ситуация», «ситуация неопределённости», «некоммуникант», степень доверия между коммуникантами.

В письмах другу Д. Бонхёффер реализует аргументативные, суггестивно-аргументативные и суггестивные стратегии. Для писем родителям и возлюбленной

Д. Бонхёффер прибегает к суггестивной стратегии утешения. В письмах следователю Д. Бонхёффер чрезвычайно тщательно выбирает языковые средства, конструируя образ человека, который ничего не понимает в политических вопросах. Он эффективно использует манипулятивные стратегии, средствами реализации которых является сознательное искажение и селекция информации, трюизм, умение говорить на языке, присущем нацистской пропаганде.

Реализация дискурсивных стратегий в изучаемых письмах обусловлена рядом коммуникативно-прагматических факторов: (1) фактором адресата, (2) ситуацией написания письма («пограничная» и «ситуация неопределённости», (3) отношением между коммуникантами, (4) фактором «некоммуникант».

Фактор «некоммуникант» существенным образом влияет на формальную и структурную организацию писем Д. Бонхёффера. Этот фактор обусловливает наличие в тексте личных писем родителям СФЕ размером в один абзац, адресованных специально «некоммуниканту».

Обозначение адресатов в конце письма указывает на характер их взаимоотношений. Разнообразие обозначений друга Э. Бетге свидетельствует не просто о лично дружеских, но братских отношениях. При этом обязательный макрокомпонент остаётся неизменным вне зависимости от характера адресата, за исключением писем следователю М. Рёдеру, в некоторых из которых отсутствует дата, подпись и место, поскольку это очевидно для адресата, находящегося с адресантом на одной тюремной территории.

Несмотря на то, что характеристикой личного письма часто считают устность, анализ писем Д. Бонхёффера показал, что для изучаемых писем характерен тщательный выбор языковых средств, функционирующих в письменном тексте. Это является своеобразием переписки Д. Бонхёффера, который мастерски владел разными типами дискурса от бытового до теологического.

Максимально последовательно соблюдение конвенциям имеет место при реализации манипулятивных стратегий. Чем ниже степень доверительности отношений, тем более выражена манипуляция, тем тщательнее выбор языковых средств адресантом. Чем выше уверенность адресанта в присутствии некоммуниканта, тем плотнее информационный поток. Чем выше степень доверительности между коммуникантами, тем адресант

свободнее в своем выборе интенции, тем разнообразнее набор изофункциональных средств в письмах Д. Бонхёффера. Максимальное отклонение от конвенции порождения личного письма наблюдается при реализации аргументативных стратегий. Чем выше степень доверительности отношений между коммуникантами, тем больше выражено разнообразие средств реализации интенции, тем выше своеобразие индивидуального стиля.

Комплексный текстограмматический анализ соотношения «инвариант-варианты» на примере типа текста «личное письмо» позволил описать, как внешние и внутренние по отношению к порождаемому тексту разнородные факторы влияют на принципы варьирования инварианта «типа текста» в определённой языковой культуре. Это значимо как в общетеоретическом, так и в прикладном смысле, поскольку названный ракурс исследования позволяет осмыслить процессы трансформации языка в речь, иерархических когнитивных структур в линейные, синтаксические, объективируемые разнообразными механизмами вербализации.

Обобщая результаты исследования, следует акцентировать проблемы, решённые в процессе изучения личных писем Д. Бонхёффера:

- разработка методики отграничения влияния отдельных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому тексту;

- обоснование факторов «пограничная ситуация», «ситуация неопределённости» в качестве лингвистически значимых и обусловливающих семантическую и синтаксическую организацию текста на макроуровне и выбор средств реализации интенции адресанта на микроуровне;

- выявление принципов структурирования информационного потока в конкретных коммуникативных условиях;

- установление внутритекстовых связей в пределах текста и / или их комплекса, основывающегося на интенции и содержании;

- определение потенциальных корреляций между когнитивными, номинативными и дискурсивными стратегиями в определённых коммуникативных условиях;

- исчисление способов решения конкретных коммуникативных задач, доминирующих в определённых коммуникативных условиях;

- описание специализации разнородных языковых средств на реализацию той или иной дискурсивной стратегии;

Перспективы данного исследования связаны с более детальным рассмотрением структуры личного письма, с анализом средств реализации номинативных и дискурсивных стратегий и факторов, влияющих на реализацию стратегий в разных типах текста. В текстопорождении Д. Бонхёффера прослеживается принцип организации информационного потока, реализуемый в том числе при порождении гипертекста.

Методику, апробированную при анализе личных писем Д. Бонхёффера можно как продуктивную перенести на изучение соотношения диалектики конвенционального и идиостилистического в использовании языка как средства познания и коммуникации. Значимость проведённого исследования основывается на том, что предложен способ, позволяющий лингвистически верифицированными процедурами получить достаточно надёжное представление о конвенциях, своего рода правилах использования / функционирования языка как средства познания и коммуникации. Это важно потому, что в реальности каждый носитель языка и культуры имеет дело с конкретными индивидуальными примерами использования языка, а зафиксированных образцов порождения текстов как таковых практически нет, за исключением немногочисленных, например, анкета, договор, заявление, завещание и др. А эти образцы решения разнообразных коммуникативных и когнитивных задач необходимы не столько для осмысления конвенционального, сколько для поддержания и воспроизводства культурной идентичности носителей культуры, а также для формирования и поддержания коллективной идентичности коллективного и единичного субъекта, а также продуктивного взаимодействия носителей языка и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Б. А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания / Б. А. Абрамов. – Москва : Кругъ, 2003. – 424 с.
2. Абрамов, Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков / Б. А. Абрамов; под ред. Н. Н. Семенюк, О. А. Радченко, Л. И. Гришаевой. – Москва : Владос, 2004. – 286 с.
3. Аверинцев С. С. София-Логос словарь / С. С. Аверинцев. Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев : ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
4. Акимова, Т. П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX – XX вв. : автореф. дис. … д-ра. филол. наук / Т. П. Акимова. – Волгоград, 2017. – 234 с.
5. Анисимова, Е. Е. Креолизованные тексты – тексты XXI века? Взаимодействие вербального и паралингвистического в тексте : Учебное пособие по интерпретации текста / Е. Е. Анисимова. – Воронеж: ЦЧКИ, 1999. – 148 с.
6. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материле креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – Москва : Академия, 2003. – 128 с.
7. Анисимова, Е. Е. О гетерогенности религиозного дискурса / Е. Е. Анисимова // Москва : Вестник МГЛУ. – Вып. 15 (675), 2013. – С. 9-22.
8. Анисимова, Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты : монография / Е. Е. Анисимова. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2019. – 240 с.
9. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / И. В. Арнольд. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 444 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – 383 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. – Москва, 1981.– С. 356-367. – Т. 40. №4.
12. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопе-

дический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева – Москва : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

13. Арутюнова, Н. Д. Молчание: контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Язык речевых действий. Москва : 1994. – С. 106-113.
14. Архипов, С. Ю. Аксиологический потенциал типа текста «письмо читателя» / С. Ю. Архипов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 10. – Орел, 2012. – С. 54-63.
15. Архипов, С. Ю. Письмо читателя в коммуникативной практике носителей немецкого языка / С. Ю. Архипов // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации / отв. ред. Л.В. Цурикова. – Вып. 6. – Воронеж, 2015a. – С. 244-253.
16. Архипов, С. Ю. Письма читателей – возможность участия в диалоге со СМИ или средство манипуляции? (Обзор исследований типа текста «письмо читателя») / С. Ю. Архипов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2015b, № 2. – С. 132-135.
17. Афанасьева, Л. А. Организация интеракции с наличием угрозы негативного коммуникативного результата (на материале английского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л. А. Афанасьева. – Воронеж, 2005. – 24 с.
18. Бабаян, В. Н. Дискурсивное пространство терциальной речи : автореф. дис. … д-ра филол. наук / В. Н. Бабаян. – Белгород, 2009. – 40 с.
19. Бабаян, В. Н. Имплицитный молчащий наблюдатель в диалогическом пространстве терциарной речи / В. Н. Бабаян // Научный журнал «Иностранные языки в высшей школе». – Рязань, 2014. – С. 20-24. – Вып. 3 (30)
20. Бабенко, Н. С. Textsortenlinguistik vs лингвистическое жанроведение / Н. С. Бабенко // Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. Т. 5. – Москва, 2009. – С. 235-244.
21. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

22. Байрак, Н. В. Особенности организации дискурса в ситуации приглашения в британской языковой культуре : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. В. Байрак. – Воронеж, 2006. – 234 с.
23. Балабушевич, В. Ю. Религиозный текст: диалектика содержания и интерпретации : автореф. … дис. канд. филос. Наук / В. Ю. Балабушевич. – Новосибирск, 1997. – 19 с.
24. Балашова, Е. Ю. Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е. Ю. Балашова. – Саратов, 2015. – 46 с.
25. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / А. Н. Баранов. – Москва : Ин-т русск. яз. АН СССР, 1990. – 48 с.
26. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – Москва, 1975. – С. 234-407.
27. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1979. – С. 237-280.
28. Безукладова, И. Ю. Пространство человека и его языковая категоризация / И. Ю. Безукладова. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 218 с.
29. Белунова, Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (жанр и текст писем) / Н. И. Белунова. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 140 с.
30. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : ВГУ, 1992. – 168 с.
31. Бетехтина, Е. Н. Фразеологические библеизмы с ономастическим компонентом в современном русском языке (на фоне английского) : автореф. … дис. канд. филол. наук / Е. Н. Бетехтина. – Санкт-Петербург, 1995. – 16 с.
32. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – 4-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 2004. – 239 с.

33. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е. В. Бобырева. – Волгоград, 2007. – 42 с.
34. Бойко, М. А. Роль дискурсивных факторов «свой», чужой», «другой» в процессе формирования коллективной идентичности средствами массовой информации / М. А. Бойко // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. – С. 163-178.
35. Бойко, М. А. Коллективный субъект и его имидж на страницах масс-медиа / М. А. Бойко // Л. И. Гришаева, Е. Н. Катанова, О. В. Кашкина, М. А. Бойко. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации : коллективная монография. – Воронеж, 2009. – С. 201-242.
36. Бокова, О. В. Особенности семантической и синтаксической организации немецкоязычных медийных сообщений о преступлениях / О. В. Бокова – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2013. – 244 с.
37. Болдырева, А. А. Категория авторитетности в научном дискурсе / А. А. Болдырева, В. Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 1. – Воронеж, 2001. – С. 58-70.
38. Боллигер, Е. И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур : дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Боллигер. – Тверь, 2005. – 141 с.
39. Болотова, Ю. С. Лингвопрагматический аспект дискурса моды : дис. … канд. филол. наук / Ю. С. Болотова. – Москва, 2017. – 152 с.
40. Большакова, Т. И. Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В. П. Аксенова : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. И. Большакова. – Воронеж, 2008. – 25 с.
41. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
42. Борис, А. М. Речевая стратегия самопрезентации в немецкоязычном имиджевом интернет-дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. М. Борис. – Архангельск, 2018. – 22 с.

43. Бочкарёв, А. Е. Семантика. Основной лексикон / А. Е. Бочкарёв. – Нижний Новгород: Деком, 2014. – 320. (серия Studia semiotica)
44. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка : для ин-тов и фак. иностр. яз. / М. П. Брандес – Москва : Высшая школа, 1983. – 271 с.
45. Бугаева, И. В. Теолингвистика: теология + лингвистика? / И. В. Бугаева. Москва, 2016. – С. 294-300.
46. Бусоргина, Н. Ю. Эпистолярный текст как составляющая ритуального и этикетного дискурса (на материале английского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. Ю. Бусоргина. – Самара, 2006. – 22 с.
47. Быкова, О. И. Типология художественных текстов : учебное пособие для вузов – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2007. – 48 с.
48. Быкова, О. И. Typologie nichtfinktionaler Texte : Funktion, Sprachliche Gestaltung von Textsorten : учебное пособие / О. И. Быкова, Т. Н. Сыромятникова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. – 114 с.
49. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 250 с.
50. Васильев, Л. Г. Аспекты аргументации : материалы по общему языкознанию / Л. Г. Васильев. – Тверь: Тверской государственный университет, 1992. – 56 с.
51. Вердербер, Р. Психология / Р. Вердербер, К. Вердербер. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2003. – 320 с.
52. Верещагин, Е. М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 162 с.
53. Верхотурова, Т. Л. Наблюдатель как методологическая категория лингвистического и общенаучного дискурса / Т. Л. Верхотурова // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006. Т. 4, Вып. 2. – С. 155-162.
54. Винокур, Т. Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция / Т. Г. Винокур // Язык и личность АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1989. – С. 11-23.
55. Винокур, Т. Г. Диалогическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. Ред. В. Н. Ярцева. Москва : 1990а. – С. 135.

56. Винокур, Т. Г. Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. Ред. В. Н. Ярцева. Москва : 1990б. – С. 310.
57. Волкова, Ю. Ю. Особенности макротекстовой организации интервью (на материале немецких медийных текстов) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Ю. Ю. Волкова. – Воронеж, 2010. – 24 с.
58. Выготский, Л. И. Мышление и речь / Л. И. Выготский. – Москва : Лабиринт 1999. – Изд. 5, испр. – 352 с.
59. Гадомский, А. К. Стилистический подход к изучению религиозного языка / А. К. Гадомский // Стил. – Београд, 2008. – № 7. – С. 21-36.
60. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – Москва : Наука, 1973. – С. 349-372.
61. Галинская, И. Л. Суггестивность / И. Л. Галинская // Литературная энциклопедия терминов и понятий, глав. ред. и составитель А. Н. Николюхин. Москва : НПК Интелвак, 2001. – С. 1045-1046.
62. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 138 с.
63. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – 708 с.
64. Гвенцадзе, М. А. Коммуникативная лингвистика и типология текста / М. А. Гвенцадзе. – Тбилиси : Ганатлеба, 1986. – 315 с.
65. Глаголев, Н. В. Ложная информация и способы ее выражения в тексте / Н. В. Глаголев // Филологические науки. – 1987. - № 4. – С. 61-68.
66. Глебова, Я. А. Иноязычные вкрапления в языке иммигрантов из конго и демократической республики Конго во Франции : автореф. дис. … канд. филол. наук / Я. А. Глебова. – Белгород, 2016. – 23 с.
67. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – Москва : Высшая школа, 1987. – 104 с.
68. Голякова, Л. А. Подтекст как полидетерминированное явление / Л. А. Голякова. – Пермь : Издательство Пермского университета, 1999. – 208 с.
69. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. URL : http://kant.narod.ru/grice.htm (дата обращения: 06.09.2019).

70. Гришаева, Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие (Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов): Учебное пособие / Л. И. Гришаева. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. – 147 с.
71. Гришаева, Л. И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения / Л. И. Гришаева. – Воронеж : ВГУ, 1998а. – 272 с.
72. Гришаева, Л. И. Введение. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л.И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур: коллективная монография / под общ. Ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж, 2004. – С. 15-46.
73. Гришаева, Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. / Л. И. Гришаева – Воронеж : ВГУ, 2007. – 261 с.
74. Гришаева, Л. И. Дискурс как реализация когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий коммуникантов / Л. И. Гришаева // Л. И. Гришаева, Е. Н. Катанова, О. В. Кашкина, М. А. Бойко. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации : коллективная монография. – Воронеж, 2009. – С. 58-90.
75. Гришаева, Л. И. Интертекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности / Л.И. Гришаева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 10. – Воронеж, 2012. – С. 46-68.
76. Гришаева, Л. И. Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов : учебные материалы к курсу лекций (на немецком языке). Theoretische Grammatikdes Deutschenin Stichworten / Л. И. Гришаева. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 400 с.
77. Гришаева, Л. И. Парадоксы медиалингвистики / Л. И. Гришаева. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014 . – 295 с. : ил.
78. Гришаева, Л. И. Функциональный потенциал иноязычных единиц в художественном тексте // Художественное слово в пространстве культуры : контакты и взаимодействия : коллективная монография / отв. ред. А. Н. Таганов, Ю. Л. Цветков. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2016. – С. 220-229.

79. Гришаева, Л. И. Эксплицитное и имплицитное в актуальных медиатекстах / Л. И. Гришаева // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / Отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС-пресс, 2017. – С. 58-69. – (Вып. 57).
80. Гришаева Л. И. Межтекстовые и интертекстуальные связи как проявление диалога текстов / Л. И. Гришаева. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2019, 16 (2). – 172–187.
81. Гутнер, Г. Б. Структура и взаимодействие дискурсов // Ф. Н. Блюхер, С. Л. Гурко, А. А, Гусева, Г. Б. Гутнер. Дискурс-анализ и дискурсивные практики. – Москва : ИФ РАН, 2016. – С. 35-71.
82. Данкер, З. М. Функционально-семантическая организация текста частного письма (ситуация установления контакта) : дис. ... канд. филол. наук / З. М. Данкер. – Санкт-Петербург, 1992. – 16 с.
83. Дашевская, З. М. Возникновение и развитие чина христианского погребения в Византии в X-XII вв. / З. М. Дашевская, Ю. А. Штонда // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. – Москва, 2017. – С. 46-60.
84. Дашкова, С. Ю. Риторический вопрос в структуре аргументативного высказывания / С. Ю. Дашкова // Филология. Вестник КемГУ № 2 (54) Т. 2. – Кемерово, 2013. – С. 36-40.
85. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. Дейк / Пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1989. – 312 с.
86. Дзебисова, Ж В. Эпистолярий Л. Стерна: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Ж. В. Дзебисова. – Владикавказ, 2013. – 169 с.
87. Добрускина, Э. М. Синтаксические сверхфразовые связи и их инженерно-лингвистическое моделирование / Э. М. Добрускина, В.Е. Берзон ; отв. ред. Р.Г. Пиотровский; Кишин. с.-х. ин-т им. М.В. Фрунзе. – Кишинев : Штиинца, 1986. – 167 с.
88. Довгань, Н. В. Макротекстовая организация рецензии на литературное произведение в немецких печатных и электронных изданиях : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Довгань. – Воронеж, 2013. – 24 с.

89. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – Москва : ЧеРо, 1997. – 344 с.
90. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – Изд. 5-е, испр. и доп.– 486 с.
91. Зайцева, Е. В. Социокультурная обусловленность письменной фатической коммуникации (на примере текстов открыток в британской языковой культуре) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. В. Зайцева. – Воронеж, 2012. – 25 с.
92. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. – Москва : Филология, 1997. Вып. 1. – С. 82-103.
93. Ивин, А. А. Основы теории аргументации. Учебник / А. А. Ивин. – Москва : ВЛАДОС, 1997. – 347 с.
94. Ильясова, С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 3-е изд. – Москва : флинта: наука, 2013. – 296 с.
95. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С Иссерс. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. Изд. 5-е. – 288 с.
96. Кабанова Т. Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX в.) : автореф. … дис. канд. филол. наук / Т. Н. Кабанова. – Челябинск, 2004. – 24 с
97. Канеева, Т. Р. Речевой жанр «рекомендательное письмо»: характеристики и типы : автореф… дис. канд. филол. наук / Т. Р. Канеева. – Волгоград, 2011. – 24 с.
98. Карабань, Н. А. Категория вежливости в официально-деловых документах (на материале деловых писем) : монография / Н. А. Карабань. – Волгоград : ВолгГТУ, 2009. – 116 с.
99. Карасик, В. И. Религиозный дискурс Текст. / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии функциональной семантики: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.

100. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 263 с.
101. Кашкин, В. Б. Дискурс / В. Б. Кашкин. – Воронежский государственный университет, 2004. – 76 с.
102. Кашкин, В. Б. Авторитетность как коммуникативная категория / В. Б Кашкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2007, N 5. – С. 12-18.
103. Кашкин, В. Б. Парадоксы и границы в языке и коммуникации / В. Б. Кашкин. – Воронеж : О. Ю. Алейников, 2010. – 382 с. – Серия монографий «Аспекты языка и коммуникации», Вып. 5
104. Кашкина, О. В. Негативная форма самооценочных высказываний и их функции / О. В. Кашкина // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронежский государственный университет, 2006, № 1. – С. 67-75.
105. Кашкина, О. В. / Л. И. Гришаева, Е. Н. Катанова, О. В. Кашкина, М. А. Бойко // Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации : коллективная монография. – Воронеж, 2009. – С. 91-200.
106. Кашкина, О. В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации я-концепта (на материале интервью немецкой прессы) : автореф. … дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 24 с.
107. Кислякова, Е. Ю. Варьирование эмотивных смыслов английских библеизмов (на материале текстов художественной литературы) : автореф. … дис. канд. филол. наук / Е. Ю. Кислякова. – Волгоград, 2004. – 24 с.
108. Климинская, С. Л. Лингвостилистические средства реализации стратегий и тактик убеждения в аргументативном дискурсе : автореф. … дис. канд. филол наук / С.Л. Климинская. – Москва : 2010. – 28 с.
109. Климович, Н. В. Библеизмы в художественном тексте: типологический, функциональный и переводческий аспекты: автореф. … дис. канд. филол. наук / Н. В. Климович. – Иркутск, 2011. – 16 с.
110. Ковалёва, Н. А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура : дис. … д-ра филол. наук / Н. А. Ковалева. – Москва, 2002. – 537 с.

111. Ковалёва, Т. В. Лингвопрагматический аспект типа текста «письмо» (на материале современной немецкой художественной литературы) : автореф. … дис. канд. фил. наук / Т. В. Ковалева. – Москва, 1993. – 24 с.
112. Кожемякин, Е. А. Лингвистические стратегии институциональных дискурсов / Е. А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ : повестка дня, проблематика, перспективы. – Белгород, 2016. – С. 167-174.
113. Коломейцева, Е. Б. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте: на материале английского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. Б. Коломейцева. – Санкт-Петербург : 2016. – 19 с.
114. Концептуальная систематика аргументации / Г. М. Костюшкина, А. В. Колмогорова, Н. С. Баребина, С. Ю. Дашкова, Е. О. Ильичева, Т. В. Нешева, О. В. Ситосанова. – 4-е изд., стер. – Москва : Флинта-Наука, 2017. – 588 с.
115. Корнилова, Т. В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов / Т. В. Корнилова // Психологический журнал, 2013. Т.34. №3. – С. 89-100.
116. Косивцова, А. В. Речевой портрет андресанта (на материале частно-деловых писем Н. А. Демидова) : автореф. … дис. канд. филол. наук / А. В. Косивцова. – Тюмень, 2001. – 24 с.
117. Кравченко, А. В. Язык и восприятие : Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с.
118. Краснова, Т. В. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи начала XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Краснова. – Воронеж, 2009. – 25 с.
119. Красных, В В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2001 – 270 с
120. Красных, В. В. Этнолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.
121. Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия / А. В. Кремнева. – Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. – 378 с.
122. Кривошеина, К. И. Мать Мария (Скобцова) : святая наших дней / К. И. Кривошеина. – Москва : Эксмо, 2015. – 696 с.

123. Кротков Е. А. Философско-методологический анализ научного дискурса / Е. А. Кротков // Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография. – Белгород, 2016. – С. 14-26.
124. Крысин, Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – Москва : Язык славянской культуры, 2004. – 888 с.
125. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Крысин. – Москва : Эксмо, 2006. – 944 с.
126. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1986. – 157 с.
127. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
128. Кунаева, Н. В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возрожения (на материале английского языка) : дис. … канд. филол. наук / Н. В. Кунаева. – Воронеж, 2009. – 24 с.
129. Кулагина, П. К. Стратегии коммуникации в немецкоязычной частной корреспонденции XIV-XV вв. / П. К. Кулагина. – Москва : МАКС Пресс, 2015. – 108 с.
130. Курьянович, А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры: XX-XXI вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Курьянович. – Томск, 2013. –39 с.
131. Курьянович, А. В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации / А. В. Курьянович. – Твер : Вестник ТГПУ, 2009. Вып. 9 (87). – С. 146-150
132. Левицкий, Ю. А. Проблема типологии текстов / Ю. А. Левицкий. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та., 1998. – 108 с.
133. Лосева, Л. М. Как строится текст / Л. М. Лосева. – Москва : Просвещение, 1980. – 94 с.
134. Мак-Ким, Д. А. Вестминстерский словарь теологических терминов: Пер. с англ. / Д. А. Мак-Ким – Москва : Республика, 2004. – 503 с.

135. Маркелова, Т. И. Символизация иноязычных вкраплений в английском публицистическом тексте : автореф … дис канд. филол. наук / Т. И. Маркелова. Москва, 2014. – 26 с.
136. Медиатекст: стратегии – функции – стиль : коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред) – Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горзонт», 2010. – 226 с.
137. Метаксас, Э. Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего Рейха / Э. Метаксас ; [пер. с англ. Л.Б. Сумм]. – Москва : Эксмо, 2012. – 672 с.
138. Мечковская, Н. Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – Москва : Агентство ФАИР, 1998. – 352 с.
139. Мордовин, А. Ю. Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политкика (на материале дискурса Г. Киссинджера) : автореф. … дис. канд. филол. наук / А. Ю. Мордовин. – Иркутск, 2004. – 19 с.
140. Москальская, О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. Иностр. Яз.) / О. И. Москальская. – Москва : Высшая Школа, 1981. – 183 с.
141. Назарова, И. П. Функционирование библеизмов в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода : дис. … канд. филол. наук / И. П. Назарова. – Краснодар, 2001. – 177 с.
142. Некрасова, Н. А. Тематический философский словарь : Учебное пособие / Н. А. Некрасова, С. И. Некрасов, О. Г. Садикова. – Москва : МГУ ПС (МИИТ), 2008. – 164 с.
143. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.
144. Нестерюк, Ю. В. Стратегические программы коммуникантов в персональном немецкоязычном интервью : Монография / Ю. В. Нестерюк. – Самара : ООО «Инсома-пресс», 2017. – 218 с.

145. Нефедова, Л. А. К вопросу о манипулятивном использовании в повседневном общении косвенных высказываний / Л. А. Нефёдова. – Вестник ТГУ, выпуск 4, 1998. – С. 74-80.

146. Нижникова, Л. В. Письмо как тип текста : дис… канд. филол. наук / Л. В. Нижникова. – Краснодар, 1991. – 158 с.

147. Никифорова, Э. Ш. Основные характеристики аргументативно-суггестивных текстов (на примере текстов судебной риторики) // Русская филология Гуманитарный вектор. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2012. № 4 (32). – С. 61-66.

148. Никифорова, Э. Ш.Стратегии коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах: на примере текстов судебного дискурса английского, русского и казахского языков : автореф. … дис. канд. филол. наук / Э. Ш Никифорова. – Тюмень, 2013. – 20 с.

149. Николаева, Т. М. Текст / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. Ред. В. Н. Ярцева. – Москва : 1990. – С. 507.

150. Ноздрина, Л. А. О категориальном статусе некоторых лингвистических явлений / Л. А. Ноздрина // Вестник ВГУ, серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001a, №2. – С. 39-46.

151. Ноздрина, Л. А. Поэтика грамматических категорий: Курс лекций по интерпретации художественного текста / Л. А. Ноздрина. – Москва : МАКС Пресс, 2001b. – 266 с.

152. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.

153. Олейникова, О. Н. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи советской эпохи (с 1917 по 1940 год) : автореферат дис. … канд. филол. наук / О. Н. Олейникова. – Воронеж, 1992. – 18 с.

154. Орехова, Д. В. Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности (на материале жанра послания) : автореф. … дис. канд. филол. наук / Д. В. Орехова. – Москва, 2015. – 251 с.

155. Орлова, Н. М. Библия как прецедентный текст: смысловые трансформации при дискурсивном перемещении герменевтики / Н. М. Орлова // Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Плисова. – Нижний Новгород, 2015. – С. 89-114
156. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – Москва : ЛКИ, 2010. – 296 с.
157. Пастухов, А. Г. Прагматика информирования в «Tatsachen über Deutschland»: анализ типа текста / А. Г. Пастухов // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 4. – Москва : Языки славянской культуры, 2008. – С. 303-311.
158. Пастухов, А. Г. Дискурсивные и медийные границы критики в сфере искусства (на материале немецкого языка) / А. Г. Пастухов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2015. С. 51-61
159. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. Пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2014. – 160 с.
160. Петрухина, О. П. Аргументативные стратегии британского политика (на примере языковой личности премьер-министра Т. Блэра) : автореф. … дис. канд. филол. наук / О. П. Петрухина. – Иркутстк, 2009.– 18 с.
161. Пиевская, И. М. Системные отношения религиозного дискурса : На материале английского и русского переводов "Книги Псалмов" : автореф. … дис… канд. филол. наук / И. М. Пиевская. – Воронеж, 2006. – 24 с.
162. Плетнёва, Е. А. Извинение как социокультурно обусловленный коммуникативный феномен / Е. А. Плетнёва // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2, (ч. 2) – Воронеж, 2007. – С. 19-25.
163. Плисов, Е. В. проповедь как тип текста : коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) / Е. В. Плисов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 2. – Орёл, 2005. – С. 157-167.

164. Плисов, Е. В. Религиолекты и конфессиолекты в структуре современного немецкого религиозного дискурса / Е. В. Плисов // Вестник НГЛУ «Язык и культура». – Вып. 31. – Нижний Новгород, 2015a.– С. 50-74

165. Плисов, Е. В. Конфессионализация современного немецкого религиозного дискурса / Е. В. Плисов // Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Плисова. – Нижний Новгород, 2015b. – С. 54-74.

166. Плисов, Е. В. Немецкий религиозный язык в условиях поликонфессиональности: опыт лексикографического и дискурсивного описания : автореф. … дис. д-ра филол. наук / Е. В. Плисов. – Москва, 2018. – 40 с.

167. Плисов, Е. В. Функционально-стилистическое своеобразие типа текста «Andachtsbuch» / Е. В. Плисов // Научный вестник Воронежского государственного архитектуарно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Вып. 2 (14). Воронеж, 2010. С. 17-24.

168. Подъяпольская, О. Ю. Явление имплицитности в эпистолярном тексте (на материале писем Ф. Кафки) / О. Ю. Подъяпольская // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. – С. 174-178.

169. Прибытько, Е. Н. Библеизмы в языке современных газет : автореф. … дис. канд. филол. наук / Е. Н. Прибытько. – Воронеж, 2002. – 20 с.

170. Прилуцкий, А. М. Семиотическое пространство религиозного дискурса как предмет религиоведческого исследования : автореф. … дис. д-ра филос. наук / А. М. Прилуцкий. – Санкт-Петербург, 2008. – 36 с.

171. Провоторов, В. И. Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка) / В. И. Провоторов – Курск : РОСИ, 2001. – 140 с.

172. Психологический словарь / авт.-сост. В. Н. Копорулина, М.Н. Смирнова, Н. О. Гордеева, Л. М. Балабанова; Под общей ред. Ю. Л. Неймера. – Ростов на Дону : Феникс, 2003. – 640 с.

173. Пучкова, А. В. Функционирование топосов как средств аргументации в речевом жанре канцелярской отписки / А. В. Пучкова // Теория и практика общественного развития, № 2. – Краснодар, 2011. – С. 371-374.

174. Роднянская, И. Б. Лирический герой / И. Б. Роднянская // Литературная энциклопедия терминов и понятий, глав. ред. и составитель А. Н. Николюхин. Москва : НПК Интелвак, 2001. – С. 452.
175. Розенфельд, М. Я. Речевое воздействие. Практикум / М. Я. Розенфельд, И. А. Стернин. – Воронеж : Ритм, 2018. – 100 с.
176. Романова, Г. В. использование библеизмов в поэзии Марины Цветаевой : автореф. … дис. канд. филол. наук / Г. В. Романова. – Воронеж, 2003. – 20 с.
177. Романченко, Ю. В. Лингвопрагматический аспект немецкоязычного теологического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Романченко. – Москва, 2008. – 183 с.
178. Ручкина, Е. М. Лингво-коммуникативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте (на материале педагогического дискурса) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. М. Ручкина. – Тверь, 2009. – 21 с.
179. Рядовая, Н. С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации (на материале речей президентов США и России) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. С. Рядовая. – Москва, 2013. – 27 с.
180. Салахова, А. Г.-Б. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г.-Б. Салахова. – Уфа, 2006. – 23 с.
181. Семочко, С. В. Функции прецедентных феноменов в немецких медиатекстах / С. В. Семочко // Медиатекст: стратегии – функции – стиль. – Орел, 2010. – С. 139-152.
182. Семочко, С. В. Способы адаптации прецедентных феноменов в художественном дискурсе (на материале немецкого и русского языков) / С. В. Семочко // Социокультурные проблемы перевода. Сборник научных трудов X Международной конференции. Отв. редактор: Н. А. Фененко. – Воронеж, 2012. – С. 278-287.
183. Сёрль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Сёрль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 242–263.
184. Силаева, Н. В. Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста (на материале английской переписки XVIII-XIX вв.) : автореф. … канд. филол. наук / Н. В. Силаева. – Самара, 2007. – 23 с.

185. Симонова, Л. А. Французская проза первой половины XIX века и проблема личного письма : дис. … д-ра филол. наук / Л. А. Симонова. – Москва, 2015. – 506 с.
186. Скребов, Г. Н. Иноязычные вкрапления в послевоенной художественной литературе : автореф. … канд. филол. наук / Г. Н. Скребов. – Воронеж, 1997 . – 21 с.
187. Словарь библейского богословия / под ред. К. Леон-Дюфура. Пер. со 2-го французского издания. Брюссель : Жизнь с Богом, 1990. – 1288 с.
188. Словарь по социальной педагогике: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. Заведений / авт. – сост. Л. В. Мардахаев. – Москва : Издательский центр «Академия», 2002. – 368 с.
189. Солганик, Г. Я. Стилистика текста: учеб. Пособие / Г. Я. Солганик. – 10-е изд. – Москва : Флинта, Наука, 2013. – 256 с.
190. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 252 с.
191. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
192. Стренадюк, Е. Б. Проблема местоименности в тексте (на материале современного немецкого языка) : монография / Е. Б. Стренадюк. – Оренбург, 2013. – 145 с.
193. Стросон, П. Ф. О референции / П. Ф. Стросон // URL : https://classes.ru/grammar/157.new-in-linguistics-13/source/worddocuments/_2.htm (дата обращения: 03.09.2019).
194. Таюпова, О. И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных текстах современного немецкого языка : автореф. дис. … д-ра филол. наук / О. И. Таюпова. – Москва, 2005. – 56 с.
195. Трошина, Н. Н. О языке средств массовой информации: к постановке вопроса (вместо введения) / Н. Н. Трошина // Язык средств массовой информации: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Отв. ред. Трошина Н. Н. – Москва, 2017. – С. 5-13.
196. Уразаева, Н. Ф. Структурно-семантическая характеристика немецкоязычного молитвенного текста : дис. … канд. филол. наук / Н. Р. Уразаева. – Москва, 2003. – 216 с.

197. Устин, А. К. Текстообразующие функции местоимений в современном немецком языке: дис. … канд. филол. наук / А. К. Устин. – Пятигорск, 1984. – 163 с.
198. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. Москва : Аделант, 2014. – 800 с.
199. Федюрко, С. Ю. Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля : дис. ... канд. филол. наук / С. Ю. Федюрко. – Воронеж, 2002. – 140 с.
200. Филиппов, К. А. Лингвистика текста : Курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 336 с.
201. Хрипунова, И. И. Языковые средства и способы реализации аксиологических стратегий в современном немецком художественном тексте (на материале произведений П. Хандке) : дис. … канд. филол. наук / И. И. Хрипунова. – Воронеж, 2013. – 279 с.
202. Хрячкова, Л. А. Особенности функционирования библеизмов в художественном наследии М. А. Булгакова / Л. А. Хрячкова. – Воронеж: ВГТА, 2007. – 166 с.
203. Худякова, Е. С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ / Е. С. Худякова // Известия российского государственного университета им. Герцена. – Пермь : 2008, Вып.3. – С. 226-234.
204. Цурикова, Л. В. Коммуникативный диапазон вопросительных предложений в дискурсе (на материале английского и русского языков) / Л. В. Цурикова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – 144 с.
205. Цурикова, Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 257 с.
206. Цурикова, Л. В. Вежливость как социально-прагматический феномен / Л. В. Цурикова // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации. – Вып. 1. – Воронеж, 2007. – С. 225-232.
207. Цурикова, Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л. В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики № 4 (013). – Воронеж, 2017. – С. 98-108.

208. Чернышова, Л. А. Интернациональные термины как компонент профессиональной языковой картины мира / Л. А. Чернышова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – Москва, 2014. – с. 51-56.
209. Шабанова, Я. В. Речевой акт «молчание» в структуре вербальной и невербальной коммуникации / Я. В. Шабанова // Язык, коммуникация, социальная среда, Вып. 5. – Воронеж, 2007 – С. 183-192.
210. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие : онтология и методология исследования : дис. … д-ра филол. наук / Е. В. Шелестюк. – Челябинск, 2009. – 304 с.
211. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография / Е. В. Шелестюк. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 344 с.
212. Шендельс, Е. И. Некоторые проблемы грамматики текста / Е. И. Шендельс // Современные зарубежные грамматические теории. Сборник науно-аналитических обзоров. – Москва, 1985. – С. 30-67.
213. Шилихина, К. М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах : дис. … канд. филол. наук / К. М. Шилихина. – Воронеж, 1999. – 182 с.
214. Штонда, Ю. А. Функции библеизмов в воскресных проповедях митрополита Антония Сурожского / Ю. А. Штонда // Язык, коммуникация, социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2016, № 14. – С. 225-238.
215. Щипицина, Л. Ю. Понятие текста компьютерно-опосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Вятка, 2009a. Т. 2. № 4. – С. 54–60.
216. Щипицина, Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации : монография / Л. Ю. Щипицина. – Архангельск: Поморский университет, 2009b. – 238 с.
217. Щипицина, Л. Ю. Модификация понятия текста в компьютерно-опосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина // Медиатекст: стратегии – функции – стиль. – Орел : ООО Горизонт, 2010a. – С. 186-195.

218. Щипицина, Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина – Москва : КРАСАНД, 2010b. – 296 с.
219. Щипицина, Л. Ю. Информационные технологии в лингвистике : учебное пособие / Л. Ю. Щипицина. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 128 с.
220. Щипицина, Л. Ю. Текстовая организация социальной сети как гипержанра Интернет-коммуникации / Л. Ю. Щипицина // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. – Воронеж, 2014. – С. 211-225.
221. Якобсон, Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон // Р. О. Якобсон. Избранные работы. – Москва, 1985. – С. 319-330.
222. Ясперс, К. Философия. Просветление экзистенции. Книга 2. / К. Ясперс. – Москва : Канон, РООИ «Реабилитация», 2012. – 448 с.
223. Ясперс, К. Разум и экзистенция / К. Ясперс ; пер. А. К. Судакова. – Москва : Канон, РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с.
224. Яцевич, К. В. Библеизмы в чешском литературном языке (на фоне русского и немецкого) : автореф. … дис. канд. филол. наук / К. В. Яцевич. – Санкт-Петербург, 2003. – 20 с.
225. Abramow, B. A. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache / B. A Abramow – Moskau : Vlados, 1998.–286 S.
226. Admoni W.G. Der deutsche Sprachbau (Строй современного немецкого языка) / W.G. Admoni. – Ленинград : Просвещение, 1972. – 312 с.
227. Austin, J. How to Do Things with Words / J. Austin. – London : Clarendon press, 1962. – 166 p.
228. Beaugrande, R.-A. Einführung in die Texrlinguistik / R.-A. de Beagrande, W. U. Dressler. – Tübingen : Niemeyer, 1981. – 290 S.
229. Bethge, E. Dietrich Bonhoeffer. Eine Biographie : Theologie. Christ. Zeitgenosse / E. Bethge. – München : Chr. Kaiser Verlag, 1970. – 1099 S.
230. Bezugla, L. Anredepronommen im Deutschen, Englischen, Ukrainischen und Russischen. Eine soziolinguistische und soziokulturelle Betrachtung / L. Bezugla // Der Sprachdienst. – Wiesbaden : Dinges&Frick, 3/17 Jahrgang 61, Mai- Juni. – S. 145-154.

231. Brinker K. Linguistische Textanalyse : eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. – 7. Aufl. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2010. – 457 S.Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bußmann – Stuttgart : Kröner Verlag, 2002. – 783 S.
232. Bücker, J. Sprachhandeln und Sprachwissen. Grammatische Konstruktionen im Spannungsfeld von Interaktion und Kognition / J. Bücker – Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH&Co. KG, 2012. – 295 S.
233. Cortès, C. Argumentationsstützende Nebensätze im Deutschen / C. Cortès // Diskursive Verfestigungen : Schnittstellen zwischen Morphosyntax, Phraseologie und Pragmatik im Deutschen und im Sprachvergleich. De Gruyter, 2018. URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctvbj7k9m.5 (дата обращения: 16.06.2019).
234. Deneke, A. „Gott ist bei uns“: Theo-Poesie. Dietrich Bonhoeffers späte Wende zu einer poetischer Theologie / A. Deneke. –September 2014, 47 S. – Sonderheft der Zeitschrift „Verantwortung“ des Dietrich Bonhoeffer Vereins.
235. Dimter, M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache: Kommunikationssituation, Textfunktion und Textinhalt als Kategorien alltagspr. Textklassifikation / M. Dimter. – Tübingen : Niemeyer, 1981. – 144 S.
236. Der Große Duden: Wörtebuch u. Leitf. D. dt. Rechtschreibung; mit e. Anh.: Vorschriften für d. Schriftsatz, Korrekturvorschriften, Hinwiese für d. Maschinenschreiben. – 3., durchges. Aufl. (d. 18. Neubearb.) – Leipzig : Bibliografisches Institut, 1987. – 768 S.
237. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache [Текст] = Дуден. Грамматика современного немецкого языка. – Ленинград : Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1962. – С. 270.
238. Duden. Die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch. – 2009, 8. Aufl. – 1343 S.
239. Duden-Online-Wörtebuch. URL: www.duden.de (Дата обращения: 13.10.2019).
240. Einführung in die linguistische Analyse und Interpretation literarischer Texte / Г. Лерхнер, М. Фирле, А. Порш, О. И. Быкова и др. – Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1991. – 192 с.
241. Ephratt, M. The functions of silence / M Ephratt // Journal of Pragmatics 40 (2008). – P. 1909-1938

242. Feil E. Die Theologie Dietrich Bonhoeffers / E. Feil. – Berlin : Evangelische Verlagsanstalt, 1977. – 430 S.
243. Firle, M. Stil in Kommunikation, Sprachkommunikation und poetischer Kommunikation / M. Firle // Beiträge zur Stiltheorie / unter Leitung von U. Fix. – Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1990. – S. 19-45.
244. Fix, U. Redebewertung – Stilbewertung. Zu theoretischen Fragen der Bewertung sprachlicher Äußerungen / U. Fix // Beiträge zur Stiltheorie / unter Leitung von U. Fix. – Leipzig : Enzyklopädie, 1990. – S. 73-104.
245. Fix, U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene / U. Fix. – Berlin : Frank & Timme, 2008. – 506 S. – Schriftenreihe Sprachwissenschaft.
246. Fix, U. Was ist kulturspezifisch an Texten? Argumente für eine kulturwissenschaftlich orientierte Textsortenforschung / U. Fix // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 8. – Москва : Языки славянской культуры, 2011. – С. 172-183.
247. Fix, U. Sprache, Sprachgebrauch und Diskurse in der DDR: Ausgewählte Aufsätze / U. Fix. – Berlin : Frank & Timme, 2013. – 740 S.
248. Gerte, D. Authentische Spiritualität in den Gefängnisbriefen Dietrich Bonhoeffers. Kriterien für Geistlich Begleitung heute / D. Gerte // Pastoralpsychologie und Spiritualität, Band 19. – Frankfurt am Main : Peter lang, 2014. – 247 S.
249. Grischaewa, L. Makro-Textortenanalyse: Universelles und Kulturspezifisches / L. Grischaewa // Renate Freudenberg-Findeisen. Auf dem Weg zu einer Textortendidaktik. – Hildesheim –Zürich – New Jork:Georg Olms Verlag, 2016. – S. 69-82.
250. Grischaewa, L. Sind verbal codierte Texte semiotisch homogen? / L. Grischaewa // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов, Т. 10. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – С. 222-234.
251. Grischaewa, L. Vom Mehrwert fremdsprachiger Inklusionen im deutschen Text // (Neu-) Kompositionen. Aspekte transkultureller Translationswissenschaft. Liber amicorum für Larisa Schippel. Julia Richter, Cornelia Zwischenberger, Stefanie Kremmel, Karlheinz Spitzl (Hg.) – Berlin : Frank & Timme. Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2016. – S. 367-389.

252. Grosse E.U. Text und Kommunikation : eine linguistische Einführung in die Funktionen der Texte / E.U. Grosse. – Stuttgart : Kohlhammer, 1976. – 164 S.
253. Groves, R. The concept of religion in the writings of Dietrich Bonhoeffer and Paul Tillich. – Texas, 1974. – 210 p.
254. Grucza, S. Zum Gegenstand der Textlinguistik / S. Grucza. – Peter Lang AG, 1995. Vol. 5, No. 1. – P. 122-130. – Zeitschrift für Germanistik, Neue Folge.
255. Gülich E. Linguistische Textanalyse. Überlegungen zur Gliederung von Texten / E. Gülich, K. Heger, W. Raible. – Hamburg : Buske, 1979. – 157 S.
256. Haggard, M. S. A Bid to Come and Die: The impact of Dietrich Bonhöffer's Leadership Against the Nazification of the German Protestant Church, 1933 Through 1943 / M. S. Haggard. – 2015. – 187 p.
257. Hardesty, K. S. An(other) Rethoric: Rhetoric, Ethics and Rhetorical Tradition. – South Florida, 2013. – 60 p.
258. Heinemann, M. Grundfragen der Textlinguistik / M. Heinemann, W. Heinemann. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2002. – 281 S.
259. Heinemann, M. Textsorten des Alltags / M. Heinemann // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales zeitgenössischer Forschung. Handband 1. – Walter de Gruyter, Berlin, New York : 2000 – S. 604-613.
260. Heinemann, W. Textlinguistik : die Einführung / W. Heinemann, D. Viehweger. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – 303 S.
261. Helbig, G. Deutsche Grammatik: e. Handbuch für d. Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – 9., unveränd. Aufl. – Leipzig : Enzyklopädie, 1996. – 731 S.
262. Helbig, G. Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970 / G. Helbig – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1990. – 323 S.
263. Henkys, J. Zu Bonhoeffers Gefängnisdichtung. Hinweise auf ihre Wirkung- und Vorgeschichte / J. // Bonhoeffer-Studien. Beiträge zur Theologie und Wirkungsgeschichte Dietrich Bonhoeffer. – Berlin : Evangelische Verlaganstalt, 1985. – S. 193-207.
264. Hess-Lüttich, E. W.B. Textsorte Moderation. Zu ihren kommunikativen Funktionen in Berner Lokalradio-Sendungen / E. W.B. Hess-Lüttich // Русская германистика:

Ежегодник Российского союза германистов. Т. 4. – Москва : Языки славянской культуры, 2008. – С. 206-219.

265. Huckin, T. Textual silence and the discourse of homelessness / T. Huckin. – London : Discourse & Society, Sage Publications, Ltd. Vol 13, № 3. – May 2002. – P. 347-372.
266. Isenberg, H. Texttypen als Interaktionstypen: Eine Texttypologie / H. Isenberg. – Zeitschrift für Germanistik, Vol. 5, No. 3. Peter Lang AG, August 1984. – pp. 261- 270.
267. Johnson, W. V. Suffering in the theology of Dietrich Bonhoeffer: a critical analysis. Southwestern Baptist Theological Seminary / W. V. Johnson. – Dissertation … Doctor of philosophy, 1992. – 281 p.
268. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache / W. Jung. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1968. – S. 354-359.
269. Katajewa, S. Weiterverwendungsproblematik von NS-Vokabular – interkulturell gesehen / S. Katajewa. – Thübingen, 2019. – S. 99-112.
270. Korneva, V.V. Correspondencia official en español: manual = Письменная деловая корреспонденция в испанском языке: учебное пособие / В. В. Корнева. – Воронеж, издательский дом ВГУ, 2017. – 76 с.
271. Kuße, H. Kulturwissenschaftliche Linguistik als europäische Sprachwissenschaft / H. Kuße // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 9. – Москва : Языки славянской культуры, 2012. – S. 174-192.
272. Lange, F. Dieselben Dinge, ganz anders gesehen. Die Erfahrung der Gefangenschaft in Dietrich Bonhoeffers Briefen und Fragmenten aus Tegel / F. de Lange // Dietrich Bonhoeffer Jahrbuch 5, 2011/2012. – München : Gütersloher Verlagshaus, 2012. – S. 57-76.
273. Leech, G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – London and New York : Longman, 1983. – 250 p.
274. Lewandowski Th. Linquistisches Wörterbuch / Th. Lewandowski. – Heidelberg : Quelle & Meyer, 1994. – 1287 S.
275. Liguš J. Christus praesens: Ecclesiology of Dietrich Bonhoeffer. Between Liberalism and Nationalism / J. Liguš. – Praha: Husitska teologicka fakulta university karlovy v nakladatelstvi L. Marek, 2016. Vydani 1. – 222 p.

276. Link, Jü. Warum Diskurse nicht von personalen Subjekten ‘ausgehandelt’ werden / Jü. Link // Die diskursive Konstruktion von Wirklichkeit. R. Keller, A. Hirseland, W. Schneider, W. Viehöver (Hg.). – Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2005. – S. 77-99.
277. Martin, M. S. Dietrich Bonhoeffer: creating ethos uncertain cirtumstances : Dissertation … Doctor of philosophy / M. S. Martin. – Michigan technological university, 2007. – 188 p.
278. Melloni, A. Introduzione / A. Melloni // Dietrich Bonhoeffer. Poesie. – Communita di Bose: Qiqajon, 1999. – P. 5-18.
279. Metzler, J. B. Lexikon Sprache // J. B. Metzler. – Hrsg. von Helmut Glück. – Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 1993. – 711 S.
280. Möller, G. Praktische Stillehre / G. Möller. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1980. – 244 S.
281. Moskalskaja, O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. I. Moskalskaja. – Москва : Академия, 2004. – 352 с.
282. Moskalskaja, O. I. Textgrammatik / O. I. Moskalskaja. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1984. – 171 S.
283. Normann, R. Der treffende Brief: Lexikon für private und geschäftliche Korrespondenz / R. Normann. – Ottverlag Thun, 1987, 2. Veränderte Auflage. – 452 S.
284. Plisow, E. W. Sprachliche Merkmale des Rekigionsstils im Deutschen / E. W. Plisow // Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов. Т. 3. – Москва : Языки славянской культуры, 2007. – S. 419-428.
285. Rasmussen, L. L. Dietrich Bonhoeffer. Reality and Resistance / L. L. Rasmussen. – Westminster : Louisville Ky., John Knox Press, 2005. – 222 p.
286. Riesel, E. Deutsche Stilistik / E. G. Riesel, E. I. Schendels. – Москва : Высшая школа, 1975. – 316 с.
287. Rolf, E. Die Funktionen der Gebrauchstextsorten / E. Rolf. – Berlin; New York : de Gruyter, 1993. – 339 S.
288. Ryman, B. Dietrich Bonhoeffer in Schweden: Unforgettable Days // K. B. Nielsen, R. K. Wüstenberg, J. Zimmermann. Dem Rad in die Speichen fallen. Die Politische in der Theologie Dietrich Bonhoeffers. Gütersloher Verlagshaus, München, 2013. –464 S.

289. Sandig, B. Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsortenim Deutschen / B. Sandig // Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. – Frankfurt (Main), 1972. – S. 113-124.
290. Sandig, B. Textsorten aus dem Bereich der europäischen Gemeinschaft als Gegenstand von maschineller Textanalyse und Übersetzung / B. Sandig // A. Rothkegel, B. Sandig. Text – Textsorten – Semantik: linguistische Modelle und maschinelle Verfahren. – Hamburg : Buske, 1984. – 217 S. – Papiere zur Textlinguistik; Bd. 52.
291. Sandig, B. Stilistik der deutschen Sprache / B. Sandig. – Berlin; New York: Walter de Grynter, 1986. – 368 S.
292. Schendels, E. I. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text / E. I. Schendels. – Moskau : Vyssšaja Škola, 1982. – 400 S.
293. Schmidt S. Texttheorie. Probleme der Linguistik der sprachlichen Kommunikation / S. Schmidt. – München, 1973. – 184 S.
294. Schmitz U. Kohärenz in Text-Bild-Sorten: Grammatik& Design / U. Schmitz // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты : сб. науч. Тр. – Воронеж : «Наука-юнипресс», 2014. – С. 226-244.
295. Schröter, M. Adressatenorientierung in der öffentlichen politischen Rede von Bundeskanzlern 1951-2001. Eine qualitativ-pragmatische Korpusanalyse / M. Schröter // Leipziger Arbeiten zur Sprach- und Kommunikationsgeschichte. Herausg. Von U. Fix, R. Große, G. Lerchner, M. Schröder, H. U. Schmidt. Band 14. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien : Peter Lang, 2006. – 342 S.
296. Spillner, B. Kontrastive Textologie: Sprachliche und kulturelle Grenzüberschreitungen / B. Spillner // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 8. – Москва : Языки славянской культуры, 2011. – С. 212-220.
297. Strecker, B. Strategien des kommunikativen Handelns / B. Strecker. – Düsseldorf: Schwann, 1987. 1. Aufl. – 326 S.
298. Suzuki, S. Evangelium – Wirklichkeit – Verantwortung. Dietrich Bonhoeffers Theologie in Auseinandersetzungen mit japanischer Theologie und Tennonismus bei Kitamori und Takizawa // Ökumenische Studien, Band 38. Lit Verlag Zürich, Berlin, 2011. – 239 S.

299. Theisen, E. W. The doctrine of God in the writings of Dietrich Bonhoeffer. Ph. D. / E. W. Theisen. – Marquette University, 1973. – 220 p.
300. Thomas, C. Jr. Rhetoric of reconciliation: inplications from Bonhoeffer's [work] for a communicative praxis of reconciliation grounded in Cristian narrative : Dissertation … Doctor of philosophy / C. Jr. Thomas, 2001. – 214 p.
301. Tietz, C. Dietrich Bonhoeffer. Theologie im Widerstand / C. Tietz. – München : Verlag C. H. Beck, 2013. – 144 S.
302. Tödt, H. E. Zur Neuasgabe von Dietrich Bonhoeffers Werken / H. E. Tödt // Dietrich Bonhoeffer. Sanctorum Communio. Dietrich Bonhoeffers Werke, Band 1. – München : Güterloher Verlagshaus, 2015. – IX-XXI.
303. Viehweger, D. Methodologische Probleme der Textlinguistik. Zeitschrift für Germanistik / D. Viehweger. – Peter Lang AG, 1980. Vol. 1, No. 1. – S. 6-20.
304. Viehweger, D. Struktur und Funktion nominativer Ketten im Text / D. Viehweger // Kontexte der Grammatiktheorie. / Hrsg. von W. Motsch. – Berlin: Akademie-Verlag, 1978. – S. 149-168.
305. Wagner, S. M. Der 20. Juli 1944 auf der Bühne : Dissertation … Doctor of philosophy / S. M. Wagner. – Massachusetts, 2006. – 406 p.
306. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich – Mannheim: Dudenverlag, 1993. – 1110 S.
307. Werlich, E. Typologie der Texte : Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik / E. Werlich. – 2., durchges. Aufl. – Heidelberg : Quelle & Meyer, 1979. – 140 S.
308. Wolf, N. R. Alle Sprachwissenschaft ist Textlinguistik / N. R. Wolf // Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. Т. 5. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – S. 223-234.
309. Zypries, B. Juristendeutsch: Handwerkszeug oder Herrschaftsmittel? / B. Zypries // Verständlichkeit als Bürgerrecht? Die Rechts- und Verwaltungssprache in der öffentlichen Diskussion. – Manndeim – Leipzig – Wien – Zürich, 2008. – S. 45-53.

Список источников примеров

310. Bonhoeffer, D. Brautbriefe Zelle 92. URL: http://www.deutsche-liebeslyrik.de/extra_rubrik/extra16/bonhoeffer_brautbriefe.htm (дата обращения: 13.07.2019).
311. Bonhoeffer, D. Schöpfung und Fall / D. Bonhoeffer // Dietrich Bonhoeffer Werke, Band 3. – München : Gütersloher Verlagshaus, 2015. – 195 S.
312. Bonhoeffer, D. Nachfolge / D. Bonhoeffer // Dietrich Bonhoeffer Werke, Band 4. – München : Gütersloher Verlagshaus, 2015. – 391 S.
313. Bonhoeffer, D. Gemeinsames Leben. Das Gebetbuch der Bibel / D. Bonhoeffer // Dietrich Bonhoeffer Werke, Band 5. München : Gütersloher Verlagshaus, 2015. – 203 S.
314. Bonhoeffer, D. Ethik / D. Bonhoeffer // Dietrich Bonhoeffer Werke, Band 6. München : Gütersloher Verlagshaus, 2015. – 566 S.
315. Bonhoeffer, D. Illegale Theologenausbildung: Sammelvikariate 1937-1940 / D. Bonhoeffer // Dietrich Bonhoeffer Werke, Band 15. – München : Gütersloher Verlagshaus, 2015. – 775 S.
316. Bonhoeffer, D. Widerstand und Ergebung: Briefe und Aufzeichnungen aus der Haft / D. Bonhoeffer // Dietrich Bonhoeffer Werke, Band 8. – München : Gütersloher Verlagshaus, 2015. – 796 S.

Приложение 1

Дитрих Бонхёффер как автор писем

Дитрих Бонхёффер (1906-1945) – известный протестантский немецкий теолог, участник движения немецкого Сопротивления, автор значимых богословских трудов.

Целесообразно подробно остановиться на его жизненном пути, поскольку (1) факты биографии Д. Бонхёффера влияют на выбор языковых средств; (2) идиостилистические особенности текстов Д. Бонхёффера обусловлены его высоким уровнем эрудиции и иными личностными особенностями; (3) факты биографии Д. Бонхёффера позволяют проследить влияние факторов «пограничная ситуация», «ситуация неопределенности», а также «некоммуникант» как факторов, обусловливающих действия человека и в том числе выбор Д. Бонхёффером языковых средств.

Жизнь и мышление для Д. Бонхёффера настолько тесно связаны, что его необычный жизненный путь во многом предопределен его теологическим взглядами, и наоборот, его богословские взгляды рождались из его жизненного опыта [Tietz 2013: 7]. Те, кто был знаком с Д. Бонхёффером, характеризовали его как удивительно целостную личность. Э. Бетге характеризует письма и эссе как литературные формы, в которых слово Д. Бонхёффера максимально убедительно и соответствует его авторскому стилю, называя его письма *Fesselnde Briefliteratur* [Bethge 1970: 944]: «Das hat Ernst und Anflüge von Humor und ermittelt die erdische Freude, welche die Freunde des frühen Theologen Bonhoeffer überraschte, die sich fälschlicherweise einen grimmigen und radikalen Eschatologen vorgestellt hatten» [Bethge 1970: 944].

В обозначенном контексте целесообразно остановиться на отдельных деталях, чтобы составить представление о Д. Бонхёффере как адресанте анализируемых писем.

Шестой из восьми детей в бюргерской семье, Дитрих Бонхёффер в 13 лет решил стать пастором. С 1923 г. он учился в Тюбингене, где познакомился с известными современными ему богословами Адольфом Шальтером и Карлом Хаймом и др., затем продолжил образование в Берлине и Нью Йорке. Служил пастором в Барселоне, занимался экуменической деятельностью.

Семья Д. Бонхёффера не приняла власть Гитлера, чей приход к власти был воспринят ими как большая опасность для немецкого общества и церкви. 1 февраля 1933 г., уже через два дня посленазначения Гитлера рейхканцлером Германии, Д. Бонхёффер выступил на берлинском радио с длинной речью на тему «Der Führer und der Einzelne in der jungen Generation»/«Фюрер и отдельный человек юного поколения», где предупреждал о том, что молодые люди так долго имели потребность в авторитете, что фюрер может стать для них идолом. В этой радиопередаче Д. Бонхёффер обличает современное ему общество в разобщенности, индивидуализме, либерализме, поверхостной схематизации мышления, из чего рождается опасность идолопоклонства фюреру, искажение многих понятий и уничтожение нравственных границ [DBW XII: 248].

7 апреля 1933 г. в Германии был принят «закон о профессиональном чиновничестве» (das Gesetz zur Widerherstellung des Berufsbeamtentums), который включал т.н. «арийские параграфы». Часть немецкой евангелической церкви согласилась с политикой Гитлера. В 1932 г. было основано движение «немецкие христиане», целью которого было ввести идеи национал-социализма в церковь. Пасторы с еврейскими корнями должны были оставить свое служение. Д. Бонхёффер вместе с Мартином Нимёллером и другими пасторами противостояли официальной позиции немецкой церкви, создав т.н. Pfarrernotbund (чрезвычайный союз пасторов), который предшествовал т.н. «Исповедующей церкви» [Tietz 2013: 51; Метаксас 2012: 203-205, 333, 360].

В 1934 г. Д. Бонхёффер уезжает в Лондон, чтобы осмыслить происходящие в Германии события. Он общается со многими общинами, пасторами, ища пути противостояния национал-социализму. Возвратясь в Германию, Д. Бонхёффер становится одним из руководителей семинарии Исповедующей церкви Германии. Он отправляется в Цингст, а затем в Финкельвальде, где он не просто преподает теологические дисциплины, но на практике занимается устроением жизни общины. Большое внимание в семинарии уделялось чтению Священного Писания, медитации, братскому общению, молитве, проповеди. Этот опыт отображен в книгах «Die Nachfolge» («Хождение вослед») и «Gemeinsames Leben» («Жить вместе»), а также в многочисленных учебных материалах.

Семинария в Финкельвальде была закрыта по приказу рейхсфюрера СС Г. Гиммлера 29 августа 1937 г. После закрытия семинарии образование продолжилось неофици-

ально в заочной форме / Sammelvikariat. 18 марта 1940 г. два викариата были закрыты гестапо. В 1939 г. Д. Бонхёффер посетил Лондон, затем Нью-Йорк, где ему предложили заниматься преподавательской деятельностью. Но Д. Бонхёффер не смог остаться в атмосфере спокойствия в то время, когда начиналась война, и вернулся на родину. В письме к Райнхольду Нибуру в конце июня 1939 г. Д. Бонхеффер писал, что должен пережить сложный период национальной истории вместе с христианами в Германии, и он не будет иметь права участвовать в возрождении христианской жизни после войны, если не разделит со своим народом испытания времени (см. пример 154).

22 августа 1940 г., после выхода книги «Das Gebetbuch der Bibel», где Д. Бонхёффер называет псалмы молитвой Иисуса Христа [DBW V: 111], ему было запрещено проповедовать, издавать труды, преподавать.

30 сентября 1940 года в Мюнхене Д. Бонхёффер становится сотрудником абвера [DBW VI: 459]. На этот шаг он решается, когда узнаёт от мужа своей сестры Ганса фон Донаньи, что существует серьёзная оппозиция А. Гитлеру. С помощью Г. фон Донаньи Д. Бонхёффер содействовал устроению заговора против А. Гитлера. Официально утверждалось, что экуменические связи Д. Бонхёффера могут содействовать тайным службам Германии в сборе информации о зарубежье [Tietz 2013: 90]. Поэтому его не брали на военную службу. Но на деле Д. Бонхёффер использовал возможность выезда за рубеж для других целей: он информировал своих доверенных людей за рубежом о положении в Германии и сообщал, что есть крепкое сопротивление Гитлеру, чтобы в случае удачного покушения Германию не сравняли бы землёй [Tietz 2013: 90]. Используя свое положение, Д. Бонхёффер помогал евреям бежать в Швейцарию.

В 1943 г. Д. Бонхёффер был арестован гестапо и был заключен в тюрьму в Тегеле, где провел полтора года до 8 октября 1944 г. Находясь в заключении в одиночной камере, Д. Бонхёффер не переставал плодотворно трудиться, читал много богословской и художественной литературы, не потерял интерес к музыкальному искусству. Он убеждал своих родных, что он страдает не больше, чем любой человек во время войны. Условия жизни в следственной тюрьме были не самыми тяжёлыми: он имел возможность работать, читать, постоянно получал от своих родных посылки с едой и книгами. В годы тюремного заключения Д. Бонхёффер проявляет стойкость духа, что проявляется в его тру-

долюбии, продолжении начатых ранее работ, стремление утешить родных, незакцикленность на себе в письмах. Для него это был сознательный выбор.

Слово становится для заключенного узника той реальностью, в которой беспредельно расширяются пространственные и временные границы тюремной камеры в Тегеле[34]. В трудные минуты воздушных атак Д. Бонхёффер призывал отчаявшихся узников мыслить. Он не абстрагировался от реальности, не боялся её, а принял её трезво и мужественно. При этом его мысль простирается гораздо глубже и шире стен Тегельской тюрьмы.

7 февраля 1945 г. Д. Бонхёффер был переправлен в тюрьму на Принц-Альбрехт-Штрассе, затем, 3 апреля 1945 г., был транспортирован в Бухенвальд. Ранним утром 9 апреля 1945 г. Дитрих Бонхёффер был повешен в лагере Флоссенберг [Метаксас 2012: 440, 489].

Таким образом, знакомство с биографией Д. Бонхеффера позволяет охарактеризовать его как адресанта: это образованный, эрудированный человек, обладающий высоким уровнем коммуникативной культуры, с разносторонними интересами, сознательный и ответственный гражданин, христианин, созидатель христианской общины. Логично предположить, что содержательно и интенционально многие письма Д. Бонхёффера имели пасторский характер и воздействовали на сердца адресатов. Его индивидуальный стиль предположительно должен характеризоваться как высокий, с использованием терминов, теологических понятий, заимствований из разных языков, наличием размышлений на глубокие темы.

[34] Дитрих Бонхёффер является далеко не единственным примером противостояния трудным обстоятельствам жизни. В то время, как он был в заключении, его современница, м. Мария Скобцова, находилась в лагере Равенсбрюк. По свидетельству сокамерницы она говорила: «Только непрестанно думайте, — говорила мать Мария, – в борьбе с сомнениями думайте шире, глубже; не снижайте мысль…» (из воспоминаний соузницы м. Марии С. В. Носович). Монахиня Мария Скобцова (в миру Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева) во время войны была арестована за помощь евреям в оккупированном Париже и погибла на 10 дней раньше Д. Бонхёффера, 31 марта 1945 г. в лагере Флоссенберг [Кривошеина 2015: 238].

Приложение 2

Список примеров

Пример 1: (из письма Паулы Бонхёффер от 15.6.1943): *Niemand von uns kann es fassen, daß*[35] *Du in solche Lage gerietest bei Deiner so ausgesprochen rechtlichen Gesinnung!* (DBW VIII: 103)

Пример 2: *Ich habe vor Jahren einmal mit Großmutter ein Gespräch darüber gehabt, ob Eltern die Freunde ihrer Kinder sein können und sollen; ich habe das abgelehnt und lehne es noch heute ab. Man darf die Ordnungen nicht verwischen, nun dann bleiben sie rein und göttlich.* (письмо возлюбленной от 14.1.44)

Пример 3: *Eigentlich ist es doch eine Scheußlichkeit, daß sie einem Soldaten, der seinen nächsten Freund besuchen will, das abschlagen. Verdammte Bürokraten! Aber man lernt aus allem und auch daraus für später!* (DBW VIII: 210)

Пример 4: *Und wir können nicht redlich sein, ohne zu erkennen, daß wir in der Welt leben müssen – „etsi deus non daretur". Und eben dies erkennen wir – vor Gott! Gott selbst zwingt uns zu dieser Erkenntnis. So führt uns unser Mündigwerden zu einer wahrhaftigen Erkenntnis unserer Lage vor Gott. Gott gibt uns zu wissen, daß wir leben müssen, als solche, die mit dem Leben ohne Gott fertig werden. Der Gott, der mit uns ist, ist der Gott, der uns verläßt (Markus 15,34)! Der Gott, der uns in der Welt leben läßt ohne die Arbeitshypothese Gott, ist der Gott, vor dem wir dauernd stehen. Vor und mit Gott leben wir ohne Gott. Gott läßt sich aus der Welt herausdrängen ans Kreuz, Gott ist ohnmächtig und schwach in der Welt und gerade und nur so ist er bei uns und hilft uns. Es ist Matth. 8,17 ganz deutlich, daß Christus nicht hilft kraft seiner Allmacht, sondern kraft seiner Schwachheit, seines Leidens!* (DBW VIII: 533)

Пример 5: *<u>Gewiß ist, daß</u> wir immer in der Nähe und unter der Gegenwart Gottes leben dürfen und daß dieses Leben für uns ein ganz neues Gottes leben dürfen und <u>daß</u> dieses Leben für uns ein ganz neues Leben ist; <u>daß</u> es für uns nichts Unmögliches mehr gibt, weil es für Gott nichts Unmögliches gibt; <u>daß</u> keine irdische Macht uns anführen kann ohne Gottes Willen, und <u>daß</u> Gefahr und Not uns nur näher zu Gott treibt; <u>gewiß ist, daß</u> wir nichts zu beanspruchen haben und doch alles erbitten dürfen; <u>gewiß ist, daß</u> im Leiden unsre Freude, im Sterben unser Le-*

[35] Здесь и далее приводятся цитаты согласно орфографическим правилам, актуальным для XX века.

ben verborgen ist; gewiß ist, daß wir in dem allen in einer Gemeinschaft stehen, die uns trägt. (DBW VIII: 573)

Пример 6: *Wie schön wäre es, einmal ein Wort von Dir zu all dem zu hören. Es würde für mich wirklich sehr viel bedeuten, mehr als Du vermutlich ermessen kannst!* (DBW VIII: 408)

Пример 7: *Um mich brauchst Du Dir wirklich keine Sorgen zu machen; es geht mir unverhältnismäßig gut, und Du würdest Dich wundern, wenn Du mich besuchen kämest.… Dich wundern oder vielleicht sogar Sorgen machen würden meine theologischen Gedanken mit ihrem Konsequenzen, und hierin fehlst du mich wirklich sehr; denn ich wüßte nicht, mit wem ich sonst überhaupt so darüber sprechen könnte, daß es für mich eine Klärung bedeutet.* (DBW VIII: 402)

Пример 8: *Warum wird im Alten Testament kräftig und oft zur Ehre Gottes gelogen (ich habe die Stellen jetzt zusammengestelt), totgeschlagen, betrogen, geraubt, … während im Neuen Testament dies alles nicht gibt? Religiöse Vorstufe? Das ist eine sehr naive Auskunft; es ist ja ein und derselbe Gott. Aber darüber später und mündlich mehr!* (DBW VIII: 227)

Пример 9: *Barth hat als erster Theologe – und das bleibt sein ganz großes Verdienst – die Kritik der Religion begonnen, aber er hat dann an ihre Stelle eine positivistische Offenbarungslehre gesetzt, wo es dann heißt: „friß Vogel, oder stirb".* (DBW VIII: 415)

Пример 10: *Nun wieder ein paar Gedanken zu unserem Thema* (DBW VIII: 509, 529); 5.05.1944: *Noch einpaar Worte zu den Gedanken über „die Religionslosigkeit".* (DBW VIII: 414); *Noch etwas zu unseren Gedanken über das A.T.* (DBW VIII: 499); *Und nun will ich versuchen, das neulich abgebrochene theologische Thema weiterzuführen.* (DBW VIII: 503)

Пример 11 (письмо от 29.05.1944): *Das Weizsäcker'sche Buch über das „Weltbild der Physik" beschäftigt mich doch sehr. Es ist mir ganz deutlich geworden, daß man Gott nicht als Lückenbüßer figurieren lasen darf.* (DBW VIII: 454)

Пример 12: *Ich lese jetzt mit größtem Interesse das Weizsäcker'sche Buch über das„physikalische Weltbild" und hoffe, auch für meine Arbeit viel daraus zu lernen.* (DBW VIII: 449)

Пример 13: *Du stellst nun inbezug auf die Gedanken, die mich in letzter Zeit beschäftigen, so viele Fragen, daß ich froh wäre, wenn ich sie selbst beantworten könnte. Es ist eben*

noch alles sehr im Anfang und es leitet mich, wie meist, mehr der Instinkt für kommende Fragen, als daß ich über sie schon Klarheit hätte. Ich will versuchen, einmal vom Geschichtlichen meinen Standort zu bezeichnen. (DBW VIII: 476)

Пример 14: *Vorhin hörte ich zufällig im Revier Solveig's Lied im Radio. Es hat mich richtig ergriffen. Treues Warten durch ein ganzes Leben hindurhc, das ist der Triumph über die Feindlichkeit des Raumes, d.h. über die Trennung, und der Zeit, d.h. über die Vergänglichkeit.Glaubst Du nicht, daß solche Treue allein glücklich macht und die Untreue unglücklich?* (DBW VIII: 457)

Пример 15: (4.6.1943) *Die „Anthropologie" von Kant, für die ich dir, Papa, sehr danke, habe ich durchgelesen; ich kannte sie nicht. Ich fand vieles sehr Interessante darin, aber es bleibt doch eine sehr rationalistische Rokokopsychologie, die an vielen wesentlichen Erscheinungen einfach vorbeigeht. Kannst du mir etwas Gutes über Formen und Funktionen des Gedächtnisses schicken?* (DBW VIII: 92)

Пример 16: *Schließlich der philosophische Schlußstrich: einerseits der Deismus des Descartes: die Welt ist ein Mechanismus, der ohne Eingreifen Gottes von selbst abläuft; andrerseits der Pantheismus Spinoza's: Gott ist die Natur. Kant ist imgrunde Deist, Fichte und Hegel Pantheisten. Überall ist die Autonomie des Menschen und der Welt das Ziel der Gedanken. (In der Naturwissenschaft beginnt die Sache offenbar mit Nikolaus von Cues und Giordano Bruno und ihrer – „häretischen" – Lehre von der Unendlichkeit der Welt.* (DBW VIII: 532)

Пример 17: *Die erkenntnistheoretische Transzendenz hat mit Transzendenz Gottes nicht zu tun. Gott ist mitten in unserm Leben jenseitig.* (DBW VIII: 408)

Пример 18: *Kant sagt einmal sehr gut in der Anthropologie, wer die Bedeutung des Scheins in der Welt verkenne und bestreite, der sei ein Hochverräter an der Menschheit.* (2. Advent) (DBW VIII: 229)

Пример 19: *Die moderne Physik bezweifelt allerdings wieder die Unendlichkeit der Welt, ohne jedoch in die früheren Vorstellungen ihrer Endlichkeit zurückzufallen. Gott als moralische, politische, naturwissenschaftliche Arbeitshypothese ist abgeschaft, überwunden; ebenso aber als philosophische und religiöse Arbeitshypothese (Feuerbach!). Es gehört zur intellektuellen Redlichkeit, diese Arbeitshypothese fallen zu lassen bzw. sie so weitgehend wie irgend möglich auszuschalten.* (DBW VIII: 532)

Пример 20: *Ich hörte kürzlich im Radio, wie schon ein paar Mal, Szenen aus Opern von Carl Orff (Carmina burana u.a.) die mir ausgezeichnet gefielen in ihrer Frische, Klarheit und Heiterkeit. Er hat auch Monteverdi für Orchester bearbeitet. Hast Du schon mal darauf geachtet? Dann hörte ich ein concerto grosso von Händel und war wieder ganz überrascht, wie er in dem langsamen Satz (ähnlich dem Largo) so breit und direkt zu trösten vermag, wie wir es nie mehr wagen würden. Händel ist, glaube ich, viel mehr auf den Hörer und auf die Wirkung seiner Musik auf ihn eingestellt als Bach. Darum wirkt er wohl auch manchmal etwas fassadenhaft. Händel will etwas mit seiner Musik, Bach nicht. Stimmt das?* (DBW VIII: 527)

Пример 21: *Je mehr wir an die wirklich guten Sachen herangekommen sind, desto fader ist uns doch die dünne Limonade der neueren Produktion gesorden, manchmal fast zum Übelwerden. Kennst Du ein Buch aus der schönen Lieratur der letzten ca. 15 Jahre, von dem Du glaubst, daß es Bestand hat? Ich nicht. Es ist teils Gesinnungsmacherei, teils wehleidige Sentimentalität – aber keine Erkenntnis, keine Gedanken, keine Klarheit, keine Substanz und fast immer eine schlechte, unfreie Sprache. Ich bin an diesem Punkt ganz bewußt ein laudator tempois acti. Du doch auch?* (DBW VIII: 214)

Пример 22: *Wie kommt es, daß Du nicht nach Warschau, sondern nach Forli kommst? (ich brauche Deine kunsthistorischen Kenntnisse ja wohl nicht erst durch die Erinnerung an die Engelsbilder von Melozzo da Forli in den Vatikanischen Museen aufzufrischen?)* (DBW VIII: 233)

Пример 23: *<…> die anderen Stimmen des Lebens als Kontrapunkte erklingen; eines dieser kontrapunktischen Themen, die ihre volle Selbständigkeit haben, aber dochauf den cantus firmus bezogen sind, ist die irdische Liebe, und auch in der bibel steht ja das Hohe Lied, und es ist wirklich deine heißere, sinnlichere, glühendere Liebe denkbar als die, von der dort gesprochen wird (cf. 7,6!); es ist wirklich gut, daß es in der Bibel steht, all denen gegenüber, die das Christliche in der Temperierung der Leidenschaften sehen (wo gibt es solche Temperierung überhaupt im Alten Testament?).Wo der cantus firmus klar und deutlich ist, kann sich der Kontrapunkt so gewaltig entfalten wie nur möglich. Beide sind „ungetrennt und doch geschieden", um mit dem Chalcedonese zu reden, wie in Christus seine göttliche und seine menschliche Natur* (DBW VIII: 441)

Пример 24: *Ich sehe heute früh, daß ich die Verse noch einmal ganz umbauen muß. Trotzdem mögen sie im Rohbau so an Dich abgehen. Ich bin ja kein Dichter!* (DBW VIII: 572)

Пример 25: *Du gingst, geliebtes Glück und schwer geliebter Schmerz. / Wie nenn' ich dich? Not, Leben, Seligkeit / Teil meiner selbst, mein Herz, - Vergangenheit? / Es fiel die Tür ins Schloß, / ich höre deine Schritte langsam sich entfernen und verfallen. / Was bleibt mir? Freude, Qual, Verlangen? / Ich weiß nur dies: du gingst – und alles ist vergangen.* (DBW VIII: 468)

Пример 26: *Einige seiner Kinder segnet Gott mit Glück, er läßt ihnen alles gelingen, was sie angreifen… Andere seiner Kinder segnet Gott mit Leiden bis zum Martyrium. Gott verbündet sich mit Glück und Unglück, um Menschen auf seinen Weg und zu seinem Ziel zu führen. … Glück und Unglück kommen zu ihrer Erfüllung in der Seligkeit dieses Ziels: wir in Gott, Gott in uns; und der Weg zu diesem Ziel, das Gehen in den Geboten Gottes, ist schon der Beginn dieser Seligkeit.* (DBW XVI: 653)

Пример 27: *Du meinst, in der Bibel sei von Gesundheit, Glück, Kraft etc. nicht viel die Rede. Ich habe mir nochmal sehr überlegt. Für das AT trifft es doch jedenfalls nicht zu. Der theologische Zwischenbegriff im AT zwischen Gott und dem Glück etc. des Menschen ist, soweit ich sehe, der des Segens. Gewiß geht es im AT, also, z. B. bei den Erzvätern, nicht um das Glück, aber es geht um den Segen Gottes, der alle irdischen Güter im sich schließt.* (DBW VIII: 548)

Пример 28: *Langgestreckt auf meiner Pritsche / starre ich auf die graue Wand.* (DBW VIII: 516)

Пример 29: *Stumm ist ihr Ohr, / weitgeöffnet mein Ohr: / Wir Alten, wir Jungen, wir Söhne aller Zungen… / von langem Alleinsein tief Geplagten, / Bruder, wir suchen, wir rufen dich! / Bruder, hörst du mich? …* (DBW VIII: 518)

Пример 30: *Ruhig und fest steh'n wir Mann gegen Mann / Als die Verklagten klagen wir an. / Nur von Dir, alles Wesens Ergründer, / vor Dir sind wir Sünder.* (DBW VIII: 521)

Пример 31: *Nicht Befehle, nicht zwingende fremde Gesetze und Lehren, / aber den Rat, den guten und ernsten, / der frei macht, / sucht der gereifte Mann / von der Treue des Freundes. / Fern oder nah, / in Glück oder Unglück / erkennt der eine im andern / den treuen Helfer/ zur Feiheit / und Menschlichkeit.* (DBW VIII: 589)

Пример 32: *So flehten sie. Und Jona sprach: ,,Ich bin es! / Ich sündigte vor Gott. Mein Leben ist verwirkt. / Tut mich von euch! Mein ist die Schuld. Gott zürnt mir sehr. / … Sie zitter-*

ten. Doch dann mit starken Händen / verstießen sie den Schuldigen. Da stand das Meer. (DBW VIII: 606)

Пример 33: *5. Mose 34,1: Und der Herr zeigte ihm das ganze Land.* (DBW VIII: 590)

Пример 34: *läßt mich durch des Todes Schleier sehn / dies, mein Volk zu höchster Feier gehen. / Sinkend, Gott, in Deine Ewigkeiten / seh' mein volk ich in die Freiheit schreiten. / Der die Sünde straft und gern vergibt, / Gott, - ich habe dieses Volk geliebt.* (DBW VIII: 598)

Пример 35: *Komm nun, höchstes Fest auf dem Weg zur ewigen Freiheit, Tod, leg nieder beschwerliche Ketten und Mauern.* (DBW VIII: 571)

Пример 36: *Sinkend, Gott, in Deine Ewigkeiten seh mein Volk ich in die Freiheit schreiten.* (DBW VIII: 598)

Пример 37: *Das Sterben, über dessen ernsten Grenzen / schon die Fanale neuer Zeiten glänzen. / Wenn mich die Nacht des Todes nun umhüllt, / seh' ich von ferne doch Dein Heil erfüllt.* (DBW VIII: 594)

Пример 38: *Mit ausgestreckten offenen Händen wollen wir empfangen, was Gott uns schenkt und uns daran freuen aus ganzem Herzen und mit stillem Herzen wollen wir hingeben, was Gott uns noch nicht gewährt oder nimmt.* (DBW VIII: 380)

Пример 39: *Noch will das alte unsre Herzen quälen / noch drückt uns böser Tage schwere Last / Ach Herr, gib unsern aufgeschreckten Seelen / das Heil, für das Du uns geschaffen hast.* (DBW VIII: 608)

Пример 40: *Ich frage mich selbst oft, <u>wer ich eigentlich bin</u>, der, der unter diesen dräßlichen Dingen hier mehr wieder sich windet und das heulende Elend kriegt, oder der, der dann mit Peitschenhieben auf sich selbst einschlägt und nach außen hin (und auch vor sich selbst) als der Ruhige, Heitere, Gelassene, Überlegene dasteht und sich dafür (d.h. für diese Theaterleistung, oder ist es keine?) bewundert läßt?* (DBW VIII: 514)

Пример 41: *Freiheit, dich suchten wir lange in Zucht und in Tat und in Leiden. Sterbend erkennen wir nun im Angesicht Gottes dich selbst.* (DBW VIII: 572)

Пример 42: *Daß Maria's Mutter bei Euch war, freut mich ganz besonders. Weiß man schon irgendwas über Konstantin aus Tunis? Das geht mir in Gedanken an Maria und die ganze Familie sehr durch den Kopf. Wenn es doch nicht allzulange dauerte, bis ich Maria wiedersehen und wir Hochzeit halten könnten!* (DBW VIII: 71)

Пример 43: (14.4.1943): *Man kann sich auch mit trocken Brot morgens satt essen …* (DBW VIII: 43)

Пример 44 (в письме другу): *Es dankt Dir für alles und denkt in Treue an Dich Dein Dietrich*. (DBW VIII: 574)

Пример 45 (В письмах другу): *Es grüßt Dich herzlich* / *Herzlich Euer getreuter Dietrich.* (DBW VIII: 438). (В письмах родителям): *Bitte grüßt alle und seid selbst herzlich gegrüßt von Eurem dankbaren Dietrich.* (DBW VIII: 331)

Пример 46: *Es denkt an Euch und alle Geschwister und Freunde im Dankbarkeit und Liebe immer Euer Dietrich.* (DBW VIII: 45)

Пример 47 (в письмах родителям): *Es denkt sehr an Euch alle und grüßt Euch Euer dankbarer Dietrich.* (DBW VIII: 130)

В письмах другу: *Es grüßt Dich herzlich und in täglichem Gedenken Dein Dietrich; In Treue und dakbarem Gedenken immer Dein Dietrich.* (DBW VIII: 483)

В письмах родителям: *In Gedanken ist immer bei Euch allen Euer dankbarer Dietrich.* (DBW VIII: 153)

Пример 48: *Auf ein baldiges Wiedersehen mit Euch hofft täglich Euer dankbarer Dietrich.* (DBW VIII: 80)

Пример 49: *In täglicher treuer Gemeinschaft Dein Dietrich.* (DBW VIII: 304)

In treuem und dankbarem Gedenken und in täglicher Fürbitte grüßt Dich von Herzen Dein Dietrich. (DBW VIII: 505); *In Dankbarkeit und Treue und täglicher Fürbitte denkt an Dich Dein D.* (DBW VIII: 577); *Gott behüte Dich! In Treue Dein Dietrich.* (DBW VIII: 556)

Пример 50: *Alles Gute wünscht Dir immer Dein getreuer Dietrich.* (DBW VIII: 546); *Also, nimm alle guten Wünsche und treuen Grüße von Deinem Dietrich.* (DBW VIII: 325); *grüße Dich mit allen guten Wünschen.* (DBW VIII: 538); *alles erdenklich Gutewünscht Euch von Herzen Euer getreuter Dietrich.* (DBW VIII: 423)

Пример 51*: Ich vergaß, auf die Geburtstage 22. und 28. zu sprechen zu kommen. … Schleicher's würden sich wohl über die einbändige in dickem, hellbraunen Leder gebundene neue Bibel, die im Luftschutzkeller steht, sehr freuen.* (DBW VIII: 134)

Пример 52: *Du weißt ja, daß man mir hier sogar den Pfarrer versagt hat; aber selbst wenn er gekommen wäre – und ich bin eigentlich ganz froh, daß ich nur die Bibel habe – hätte ich mit ihm ja nicht so sprechen können, wie ich es eben allein mit Dir kann.* (DBW VIII: 186)

Пример 53: *sei mir heute – nach so langen Monaten ohne Gottesdienst, Beichte und Abendmahl und ohne consolatio fratrum – wieder einmal, wie Du es schon so oft gewesen bist, mein Pfarrer und höre mich an.* (DBW VIII: 186)

Пример 54: *Du bist der einzige Mensch, der weiß, daß „acedia – „tristia" mit ihren bedrohlichen Folgen mir oft nachgestellt hat, und hast Dir vielleicht – so fürchtete ich damals – in dieser Hinsicht Sorgen um mich gemacht.* (DBW VIII: 187)

Пример 55: *Ich sitze mir die Hosen durch, wärend Du Dir die Sohlen abläufst.* (DBW VIII: 214)

Пример 56: *Maria hält mich für einen Ausbund von Tugend, Musterhaftigkeit und Christlichkeit und ich muß, um ihr Beruhigung zu verschaffen, Briefe schreiben wie ein alter Martyrer und ihr Mild von mir wird dadurch immer falscher.* (DBW VIII: 236)

Пример 57: *Was mich unablässig bewegt, ist die Frage, was ist das Christentum oder auch wer Christus heute für uns eigentlich ist.* (DBW VIII: 402)

Пример 58: *Hier geht das Leben ziemlich zeitlos dahin.* (DBW VIII: 108)

Пример 59: *Was für ein Reichtum ist in solchen bedrängten Zeiten eine große, eng miteinander verbundene Familie, wo einer dem anderen vertraut und beisteht!* (DBW VIII: 105)

Пример 60: *Ja, Eberhard, daß wir Stifter nicht gemeinsam kennen gelernt haben, bereue ich mich sehr.* (DBW VIII: 190)

Пример 61: *Die Zeit zwischen Ostern und Himmelfahrt ist mir immer besonders wichtig gewesen. Schon richtet sich unser Blick auf das Letzte, aber noch haben wir unserer Aufgaben, unsere Freuden und usere Schmerzen, auf dieser Erde und die Kraft des Lebens ist uns durch Ostern zuteil.* (DBW VIII: 379)

Пример 62: *Und nun nehme ich mit Freuden Dein „abendliches Gespräch" auf (zumal wieder einmal das Licht ausgegangen ist und ich bei Kerzen sitze). Ich stelle mir also vor, wir säßen wie in alten Zeiten nach dem Abendbrot (und der regelmäßigen abendlichen Arbeit) zusammen oben in meinem Zimmer und rauchten, schlügen gelegentlich Akkorde auf dem Klavichord an und erzählten uns, was der Tag gebracht hat... Und schließlich würde ich anfangen,*

Dir zu erzählen, z.B. daß es trotz allem, was ich so geschrieben habe, hier scheußlich ist, daß mich die grauenhaften Eindrücke oft bis in die Nacht verfolgen und daß ich sie nur durch Aufsagen unzähliger Liederverse verwinden kann und daß dann das Aufwachen manchmal mit einem Seufzer statt mit einem Lob Gottes beginnt. An die physischen Entbehrungen gewöhnt man sich, ja man lebt monatelang sozusagen leiblos - fast zu sehr -, an die psychischen Belastungen gewöhnt man sich nicht, im Gegenteil; ich habe das Gefühl, ich werde durch das, was ich sehe und höre, um Jahre älter und die Welt wird mir oft zum Ekel und zur Last. (DBW VIII: 235)

Пример 63: *Ob es noch einmal dazu kommt, oder ob wir doch vielleicht schon Ostern hier wieder wie in alten Zeiten feiern? Du siehst, ich lasse die Hoffnung nicht sinken. Tu Du es auch nicht!* (DBW VIII: 337)

Пример 64: *Später? Wann und wie wird es sein? Ich habe für alle Fälle dem Anwalt ein Testament übergeben, in dem ich Dir fast alles, was ich habe, zugeschrieben habe.* (DBW VIII: 190)

Пример 65: *Ich muß die Gelegenheit Deiner Nähe einfach wahrnehmen, Dir zu schreiben.* (DBW VIII: 186)

Пример 66: *Dankbarkeit und Reue sind es, die uns unsere Vergangenheit immer gegenwärtig halten.* (DBW VIII: 186)

Пример 67: *Hoffe ich, dass, wenn Gott uns das Leben erhält, wir wenigstens Ostern wieder froh miteinander feiern können!* (DBW VIII: 190)

Пример 68: *Meine Heiratspläne: wenn ich frei bin…, so will ich heiraten.* (DBW VIII: 192)

Пример 69: *Es ist Befreuende von Karfreitag und Ostern, daß die Gedanken weit über das persönliche Geschick hinausgerissen werden zum letzten Sinn alles Lebens, Leidens und Geschehens überhaupt.* (DBW VIII: 49)

Пример 70: *Liebste Maria, auch bei Dir geht der Glaube und das Vertrauen nur durch Widerstände hindurch. <Den Abend lang währt das Weinen, aber des Morgens ist Freude>, dieser Vers des 30. Psalms [30, 6] ist mir seit einer Abendmahlsfeler besonders lieb.* (Brautbriefe 20.08.1943)

Пример 71: *Und nun also zu Deinem Brief. Du kannst es garnicht ermessen, was es für mich in meiner jetzigen Lage bedeutet, Dich zu haben. Es ist gewiß, daß hier eine besondere*

Führung Gottes über mir waltet. Die Art, wie wir uns gefunden haben, und der Zeitpunkt so kurz von meiner Verhaftung sind mir zu deutliche Zeichen dafür; es ging wieder einmal „hominum confusione et die providentia“. (DBA V: 196)

Пример 72: *Ich bin im Blick auf das Kommende fast geneigt, das biblische δει zu zitieren.* (DBW VIII: 401)

Пример 73: *Die paulinische Frage, ob die περιτομη Bedingung der Rechtfertigung sei, heißt m.E. heute, ob Religion Bedingung des Heils sei. Die Freiheit von der περιτομη ist auch die Freiheit von der Religion.* (DBW VIII: 406)

Пример 74: *Gestern abend im Bett habe ich zum erstenmal im Neuen Lied die – „unsere“ – Adventslieder aufgeschlagen. Kaum eines kann ich vor mich hinsummen, ohne an Finkenwalde, Schlönwitz, Singurdshof erinnert zu werden.* (DBW VIII: 212)

Пример 75: *Jeremia 45 läßt mich nicht mehr los. Erinnerst Du Dich vielleicht noch an den Finkenwalder Sonnabend, als ich es auslegte? Auch hier ein – notwendiges – Lebensfragment – „aber Deine Seele will ich dir zur Beute geben“.* (DBW VIII: 336)

Пример 76 (18.11.1943): *Anfangs beunruhigte mich auch die Frage, ob es wirklich die Sache Christi sei, um derentwillen ich Euch allen solchen Kummer zufüge; aber bald schlug ich mir diese Frage als Anfechtung aus dem Kopf und wurde gewiß, dass gerade das Durchstehen eines solchen Grenzfalles mit aller seiner Problematik mein Auftrag sei und wurde darüber ganz froh und bin es bis heute geblieben. 1 Petr 2,20; 3,14.* (DBW VIII: 188)[36]

Пример 77: *Das ist «μετανοια» … sich in den Weg Jesu mit hineinreißen lassen, in das messianische Ereignis, dass Jes 53 nun erfüllt wird!* (DBW VIII: 535)

Пример 78: (15.5.1943) *«Meine Zeit steht in deinen Händen», Psalm 31,16, ist die biblische Antwort auf die Frage. Aber auch in der Bibel gibt es eben die Frage, die hier alles zu beherrschen droht: «Herr, wie lange?», Psalm 13.* (DBW VIII: 70)

Пример 79: *Ich finde hier – und ich denke auch Du – das Aufwachen am Morgen innerlich am schwersten (Jer 31,26).* (DBW VIII: 192)

[36] Ср.: (1 Петр 2:20): ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу;

1 Петр 3:14: Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь.

Пример 80: *Ich lese übrigens die Bibel einfach von vorne durch und komme jetzt zu Hiob, den ich besonders liebe. Den Psalter lese ich wie seit Jahren täglich, es gibt kein Buch, das ich so kenne und liebe wie dieses.* (DBW VIII: 72)

Пример 81: *Ich denke jetzt oft an das schöne Hugo Wolf-Lied, das wir in letzter Zeit mehrfach gesungen haben: „Über Nacht, über Nacht kommt Freud und Leid, und eh' du's gedacht, verlassen dich beid', und gehen dem Herren zu sagen, wie Du sie getragen". An diesem „Wie" liegt ja alles, es ist wichtiger als alles äußere Ergehen. Es bringt die manchmal quälenden Gedanken über die Zukunft ganz zur Ruhe.* (DBW VIII: 58)

Пример 82: (15.5.43) *Was für ein herrliches Sommerwetter haben sie! Da werden sie als Morgenchoral wohl „die güldne Sonne" von P. Gerhardt singen!* (DBW VIII: 69)

Пример 83: *Bei Jeremia heißt es in der größten Not seines Volkes „noch soll man Häuser und Äcker kaufen in diesem Lande" [Jer 32, 15] als Zeichen des Vertrauens auf die Zukunft.* (DBA VIII: 197)

Пример 84: *Allerdings ist mir nie so deutlich geworden wie hier, was die Bibel und Luther unter «Anfechtung» verstehen. Ganz ohne jeden erkennbaren physischen und psychischen Grund rüttelt es plötzlich an dem Frieden und der Gelassenheit, die einen trug, und das Herz wird, wie es bei Jeremia sehr bezeichnend heißt, das trotzige und verzagte Ding, das man nicht ergründen kann.* (DBW VIII: 70)

Пример 85: *Der Don Quijote ist das Symbol für die Fortsetzung des Widerstands bis zum Widersinn, ja zum Wahnsinn – ähnlich Michael Kolhaas, der über der Forderung nach seinem Recht zum Schuldigen wird – Du weißt, daß ich beim Lesen des Don Quijote oft an Klaus denken mußte! – der Widerstand verliert bei beiden letzlich seinen realen Sinn und verflüchtigt sich ins Theoretisch-Phantastische; der Sancho Pansa ist der Repräsentant des satten und schlauen Sichabfindens mit dem Gegebenen.* (DBW VIII: 333)

Пример 86: *Ich habe die Memorien aus dem Totenhaus jetzt bis zu Ende gelesen. Es steht doch sehr viel Kluges und Gutes drin. Mich beschäftigt noch die Behauptung – die bei ihm ja bestimmt keine Phrase ist –, daß kein Mensch ohne Hoffnung leben könnte, und daß Menschen, die wirklich alle Hoffnung verloren haben, oft wild und böse werden.* (DBW VIII: 544)

Пример 87: (письмо от 3.7.1943) *Wenn man nur andern Menschen mehr helfen könnte!* (DBW VIII: 110).

Пример 88: (13.9.1943) *Die stürmischen Ereignisse in der Welt, die die letzten Tage gebracht haben, fahren einem hier natürlich in alle Glieder und man möchte an irgedeiner Stelle etwas Nützliches leisten können.* (DBW VIII: 157)

Пример 89: (13.10.1943) *Aber letzten Endes fasst sich, jedenfalls für mich, die «Welt» doch zusammen in ein paar Menschen, die man sehen und mit denen man zusammen sein möchte.* (DBW VIII: 172)

Пример 90: (14.4.1943) *Was man sich gewöhnlich bei einer Haft als besonders unangenehm vorstellt, … das spielt merkwürdigerweise fast keine Rolle* (DBW VIII: 43).

Пример 91: (25.4.43) *«Frohe Ostern» hörte man viele einander zurufen, und niedlos gönnt man jedem, der hier schweren Dienst versieht, die Erfüllung dieses Wunsches.* (DBW VIII: 49)

Пример 92: (5.4.1943) *…denn gewöhnen will und soll man sich wohl an diesen Zustand nicht; das wird Euch ebenso gehen.* (DBW VIII: 55)

Пример 93: (24.7.1943) *Schließlich wird es ja auch mit jedem Tag wahrscheinlicher und allmählich kriegt man es hier ja auch satt. Ich würde es uns allen so wünschen, dass wir noch ein paar schöne Sommertage zusammen hätten.* (DBW VIII: 118)

Пример 94: (13.9.1943) *… Es ist ein merkwürdiges Gefühl, schlechthin in allem auf die Hilfe der anderen angewiesen zu sein. Aber jedenfalls lernt man in solchen Zeiten dankbar werden und wird das hoffentlich nicht wieder vergessen … Man überschätzt wohl leicht das eigene Wirken und Tun in seiner Wichtigkeit gegenüber dem, was man nur durch andere geworden ist.* (DBW VIII: 158)

Пример 95 (начало венчальной проповеди): *Eph. 1,12: «...daß wir etwas seien zum Lob seiner Herrlichkeit.»*

Ein Brautpaar hat das Recht darauf, den Tag der Hochzeit mit dem Gefühl eines unvergleichlichen Triumphes zu begrüßen und zu begehen. Wenn alle Schwierigkeiten, Widerstände, Hindernisse, Zweifel und Bedenken - nicht in den Wind geschlagen, aber ehrlich ausgestanden und überwunden sind - und es ist sicher gut, wenn nicht alles gar zu selbstverständlich geht -, dann haben die beiden in der Tat den entscheidenden Triumph ihres Lebens errungen. (DBW VIII: 73)

Пример 96: *Wenn Dir irgendetwas einfiele, womit ich Dir noch eine Freude machen könnte, würdest Du mir die größte Freude machen! Es gehört zum Scheußlichsten hier, daß man in dieser Hinsicht so garnichts tun kann.* (DBW VIII: 196)

Пример 97: *Übrigens mach Dir, falls ich verurteilt werden sollte, was man nie wissen kann, gar keine Sorge um mich!* (DBW VIII: 190).

Пример 98: *Wie schwer muß es für Dich sein, die nächsten Monate nicht bei Renate sein zu können. <…> Man kann mit dem Besten, was man hat, doch gewiß nichts besseres tun als es Gott in die Hand legen. Nur so kommt man über das bittere Gefühl des Abgeschnittenseins, das wir beide ja jetzt kennengelernt haben, hinweg. Immerhin kannst Du ja täglich schreiben und Briefe kriegen.* (DBW VIII: 191)

Пример 99: *Man soll Gott in dem finden und lieben, was er uns gerade gibt; wenn es Gott gefällt, uns ein überwältigendes irdisches Glück genießen zu lassen, dann soll man nicht frömmer sein als Gott und dieses Glück durch übermütige Gedanken und Herausforderungen und durch eine wildgewordene religiöse Phantasie, die an dem, was Gott gibt, nie genug haben kann, dieses Glück wurmstichig werden lassen.* (DBW VIII: 244)

Пример 100: *Außerdem habe ich zum ersten Mal in diesen Tagen das Lied: „Ich steh an Deiner Krippe hier ..." für mich entdeckt. Ich hatte mir bisher nicht viel daraus gemacht. Man muß wohl lange allein sein und es meditierend lesen, um es aufnehmen zu können.* (DBW VIII: 244)

Пример 101: *Die Zeit, in der man das den Menschen durch Worte – seien es theologische oder fromme Worte – sagen könnte, ist vorüber.* (DBW VIII: 402)

Пример 102: *Man kann nicht Gott und Wunder voneinander trennen (wie Bultmann meint), aber man muß beide „nicht-religiös" interpretieren und verkündigen können.* (DBW VIII: 415)

Пример 103: *Es ist wunderlich, einerseits lernt man ja in der Zelle das Rechnen mit langen Zeiträumen; aber wenn etwas, worauf man bestimmt gerechnet hat, also ein Brief oder das Paket auch nur um wenige Zeit später kommt, wird man kribblig und macht sich dumme Gedanken, und sagt sich dabei doch immerfort, daß es nur dumme Gedanken sind; so ist man eben, wenn man kein Stoiker ist; und das bin ich nicht und will es auch garnicht sein.* (Brautbriefe 9.9.1943)

Пример 104 (20 8 43: *Später mußt Du mir einmal viel von Vater und vom 22. August erzählen, wenn Du magst. Vielleicht schweigst Du auch lieber darüber. Über manches kann man nicht reden.* (Brautbriefe 20.08.1943)

Пример 105: *Erst muß man einen Kummer ehrlich überwunden haben, dann muß man an ihm vorbeidenken lernen und schließlich darf man ihn auch vergessen; aber die umgekehrte Reihenfolge wäre falsch und unfruchtbar. Brautbriefe 13 12 43)*

Пример 106: *Meinst Du nicht auch? – Hat Dir die Losung 1 Mose 41,52 neulich auch so gut getan wie mir? Sie war mir bisher unbekannt gewesen.* (DBW VIII: 360)

Пример 107: *Verzeih, es ist alles noch furchtbar schwerfällig und schlicht gesagt, ich spüre das deutlich. Aber vielleicht hilfst Gerade Du mir wieder zur Klärung und Vereinfachung und sei es nur dadurch, daß ich zu Dir darüber sprechen kann und Dich gleichsam immer fragen und antworten höre!* (DBW VIII: 537)

Пример 108:*Lieber Eberhard! Es war sehr große Freude, soviel von Dir zu hören!* (DBW VIII: 363)

Пример 109:*Obwohl ich also garnicht weiß, ob und wann Dich Post erreicht, schreibe ich Dir unter der bisherigen Feldpostnummer. Aber um das theologische Thema fortzusetzen, möchte ich lieber noch abwarten, bis von Dir Nachricht da ist.* (DBW VIII: 498)

Пример 110:*Verzeih, ich schrieb bisher in deutscher Schrift, wie ich sonst nur tue, wenn ich für mich selbst schreibe; und vielleicht war das Geschriebene auch mehr für mich selbst zur Klärung als für Dich zur Belehrung abgefaßt.* (DBW VIII: 416)

Пример 112: *Vielen Dank für Mama's, K.-Friedrich und Rüdigers Briefe!* (DBW VIII: 55)

Пример 113: *Ob nun der Gang Heinrichs des IV. aufrichtig oder diplomatisch zu verstehen ist, vor dem geistigen Auge der europäischen Völker steht das Bild Heinrichs im Januar 1077 unvergessen und unauslöschlich da. Es ist wirksamer als das Wormser Konkordat 1122, das die Sache im selben Sinne formell zum Abschluß brachte. Wir haben alle diese großen Auseinandersetzungen in der Schule als ein europäisches Unglück ansehen gelernt. In Wahrheit liegt in ihnen der Ursprung der geistigen Freiheit, die Europa groß gemacht hat.* (DBW VIII: 531)

Пример 114: *Liebe Eltern! Obwohl man nicht weiß, ob und wie Briefe gegenwärtig bestellt werden, möchte ich doch gern am Nachmittag des 1. Advents an Euch schreiben. Das Altdorfer'sche Weinachtsbild, auf dem man die heilige Familie mit der Krippe unter den Trümmern eines verfallenen Haus sieht, - wie kam er nur vor 400 Jahren dazu, entgegen aller Tradition, das so darzustellen? - ist einem diesmal besonders gegenwärtig.* (DBW VIII: 218)

Пример 115 (9.03.1944): *Ich wehre mich innerlich dagegen, wenn ich in Briefen, z.B. meiner Schwiegermutter und Großmutter, Wendungen lese, die von meinem „Leiden" sprechen… Mir kommt das wie eine Profanierung vor. Man darf diese Dinge nicht dramatisieren. Ob ich mehr „leide" als Du oder als die meisten Menschen heute überhaupt, ist mir mehr als fraglich.* (DBW VIII: 356)

Пример 116 (14.06.1943, Pfingsten): *Es ist wieder völlige Stille im Haus, nur die Schritte der in ihren Zellen auf und ab gehenden Gefangenen hört man, und wieviel trostlose und unpfingstliche Gedanken mögen da mit herumgetragenen werden. Wenn ich Gefängnispfarrer wäre, dann würde ich an solchen Tagen von frühmorgens bis abends durch die Zellen gehen.* (DBW VIII: 100)

Пример 117:*Selbstmord, nicht aus Schuldbewußtsein, sondern weil ich imgrunde schon tod bin, Schlußstrich, Fazit*. (DBW VIII: 64)

Пример 118: *gerade im Kriege darf hier keiner dem anderen abstreiten wollen, daß das Motiv seiner Überzeugung und seines Handelns die Liebe zum Deutschen Volk ist und der Wunsch, ihm gerade während des Krieges nach besten Kräften zu dienen*. (DBW XVI: 419)

Пример 119:*Es kommt für sie gewiß keine Beweiskraft haben - aber vielleicht glauben Sie es mir persönlich,und in dieser Hoffnung spreche ich es aus, das ist für mich sehr schwierig zu sehen wie die früheren Konflikte mit der Geheimen Staatspolizei, die nach meiner innersten Überzeugung aus einem rein kirchlichen Verhalten heraus entstanden sind, nun dazu geführt haben, mich einer so schweren Verfehlung gegen die selbstverständlichen Pflichten eines deutschen gegenüber Volk und Reich für fähig zu halten.* (DBW XVI: 416)

Пример 120: *Ich habe für diese Möglichkeit der Rehabilitierung und für meine Tätigkeit im Dienst des Reiches ein großes Opfer gebracht, nämlich die Preisgabe meiner sämmtlichen ökumenischen Beziehungen für militärische Zwecke.* (DBW XVI: 411)

Пример 121: *Mir ist allerdings so, als ob Frl. Friedenthal, seit ich mit ihrer Sache befaßt wurde, die Anweisung von der militärischen Abwerstelle erhielt, daß sie sich für diese zur Verfügung zu stellen habe.* (DBW XVI: 403)

Пример 122: *Ich bin der Letzte, der bestreiten wollte, daß mir in einer mir so fremden und neuartigen und an sich schon so komplizierten Tätigkeit, wie es der Abwehrverdienst ist, Fehler unterlaufen sein könnten. Sie werden daher, sehr verehrter Herr Oberkriegsgerichtsrat, verstehen, daß mir im Blick auf meinen Beruf, aber auch auf meine Angehörigen und rein persönlich alles daran liegt, zu klären, ob hier wirklich Fehler gemacht wurden und wenn ja, wer sie gemacht hat.* (DBW XVI: 409)

Пример 123: *Und nun möchte ich Sie, sehr verehrter Herr Oberkriegsgerichtsrat, noch etwas fragen dürfen, wobei Sie mir, bitte, meine völlige Unorientiertheit in juristischen Fragen zugute halten wollen. Ich kann es einfach nicht verstehen, warum Sie mich z. B. auf einem Irrtum wie den über den Zeitpunkt meiner Besprechung mit meinem Schwager beharren lassen, wodurch doch das Ganze der Aussage ungenau und unklar wird, ohne daß jemand damit gedient sein kann.* (DBW XVI: 408)

Пример 124: *Wenn man meine Auffassung von der christlichen Gehorsamspflicht gegenüber der Obrigkeit etwas kennenlernen will, so sollte man in meinem Buch Nachfolge meine Auslegung von Römer 13 nachlesen. Der Appell an die Unterwerfung unter den Willen und die Forderungen der Obrigkeit um des christlichen Gewissens willen ist wohl selten stärker ausgesprochen worden als dort. Das ist meine persönliche Einstellung zu diesem fragen!* (DBW XVI: 417)

Пример 125: *Wenn das Gesetz die Anklage fordert, so muß sie geschehen; das verstehe ich. Daß ich sie nicht erwartet habe, mag auf der mir fehlenden Kenntnis der Gesetztextes wie auch auf der Tatsache berufen, daß ich mich dem Vorwurf der Zersetzung der Wehrkraft gegenüber schuldlos gefühlt habe und nach erneuter Prüfung dessen, was Sie mir am Freitag gesagt haben, auch immer noch fühle.* (DBW XVI: 420)

Пример 126: *Daß meine Erinnerung an den ganzen Fall Friedenthal so ungenau ist, hat wohl seinen Grund darin, daß sowohl von K. wie von der Abwehr direkt mit Frl. Fr. verhandelt worden ist, so daß ich in beiden Fällen nur je einmal als Vermittler gedient habe und zwar in*

einer Angelegentheit, die mich im üblichen sehr wenig anging, da ich, wie gesagt, Frl. Fr. persöhnlich kaum kannte. (DBW XVI: 407)

Пример 127: *Es ist doch schließlich nichts anderes, als wenn z. B. ein Student oder ein Chemiker ins Ausland geschickt wird, dort arbeiten kann, was ihn interessiert und zugleich bestimmte Aufträge zu erfüllen hat.* (DBW XVI: 414)

Пример 128: *Welch' eine Befreiung ist es, denken zu können und in Gedanken die Mehrdimensionalität aufrechtzuerhalten. Ich habe es mir hier fast zur Regel gemacht, wenn die Leute hier vor dem Angriff zittern, immer nur davon zu reden, daß für die kleineren Städte ein solcher Angriff noch viel schlimmer wäre. Man muß die Menschen aus dem einlinigen Denken herausreißen – gewissermaßen als „Vorbereitung" bzw. „Ermöglichung" des Glaubens, obwohl es in Wahrheit erst der Glaube selbst ist, der das Leben in der Mehrdimensionalität ermöglicht und uns also auch diese Pfingsten trotz Alarmen feiern läßt.* (DBW VIII: 454)

Пример 129: *Es darf R. und Genossen nicht gelingen, zu allem Porzellan, was sie zerschlagen, auch noch unsere wichtigsten persönlichen Beziehungen zu zerstören.* (DBW VIII: 233)

Пример 130: *Was heißt Haltung eigentlich? Kurz, man kennt sich weniger denn je über sich selbst aus und legt auch keinen Wert mehr darauf, und der Überdruß an aller Psychologie und die Abneigung gegen die seelische Analyse wird immer gründlicher. Ich glaube, darum ist mir Stifter und Gotthelf so wichtig gewesen. Es geht um Wichtigeres als um Selbsterkenntnis.*

Пример 131: *der regelmäßigen abendlichen Arbeit.* (DBW VIII: 234)

Пример 132: *Es geht nicht mehr länger, ich muß endlich einmal an Dich schreiben und zu Dir sprechen, ohne daß ein Dritter daran teilnimmt.* (DBA V: 211)

Пример 133: *Verzeih, hoffentlich kannst Du überhaupt lesen, was ich schreibe; jemand anders braucht es ja diesmal glücklicherweise nicht zu lesen! Ist das nicht herrlich, einmal so ganz ohne Zuschauer und Mithörer beisammen zu sein?* (письмо возлюбленной, весна-лето 1944) (Brautbriefe. URL)

Пример 134: *Es war heut so unbeschreiblich schön mit Dir zusammen, noch schöner als das letzte Mal – und wie wird es erst sein, wenn wir einmal ganz ohne andere Menschen zusammensein werden.* (30.7.1943) (Brautbriefe URL)

Пример 135: *Wir werden jetzt bald viel an unsere gemeinsame Reise im Sommer 40 denken müssen. Meine letzten Predigten!* (DBW VIII: 512)

Пример 136: *Wie soll ich Dir danken für Deine Liebe und Deine Treue und für Deine Tapferkeit, mit der Du alles trägst und mit der Du auch den für Dich doch schrecklichen Gang ins Reichskriegsgericht wieder unternommen hast. (30.07.1943)* Brautbriefe

Пример 137: *R. wollte mir am Anfang gar zu gern an den Kopf.* (DBW VIII: 216)

Пример 138: *Mit Heil Hitler! Bin ich Ihr sehr ergebener Dietrich Bonhoeffer*. (DBW XVI: 420)

Пример 139 (письмо Карла Бонхёффера сыну Дитриху Бонхёфферу): *Ich wünsche mir für Mama sehr etwas Ausspannung. Das Hin und Her, das ungewohnte in der Küche stehen, ihr Wunsch, an den vielen Stellen zu helfen macht sie, ohne daß sie das wahr haben will, recht müde. Es wird ihr eine große Last von der Seele fallen, wenn, wie wir sicher sind, das Frühjahr, wenn auch noch nicht für das große Ganze, so doch für die Familie die Sorge behoben wird*. (DBW VIII: 350)

Пример 140: *Herr Dr Roeder meinte ausdrücklich, es sei eine Sache, die jeder ordentliche Anwalt machen könne, und wenn es ein tüchtiger, warmherziger, anständiger Mann ist, dazu ein ruhiger und vornehmer Verhandler, der den bisher in den Verhandlungen gepflegten Ton einhält, – und das könnt Ihr ja am besten beurteilen –, bin ich ganz einverstanden* (DBW VIII: 126). Постраничная сноска: *Für den Zensor bestimmt.*

Пример 141: *Wenn nun aber eines Tages deutlich wird, daß dieses «Apriori» gar nicht existiert, sondern daß es eine geschichtlich bedingte und vergängliche Ausdrucksform des Menschen gewesen ist, wenn also die Menschen wirklich radikal religionslos werden – und ich glaube, daß das mehr oder weniger bereits der Fall ist (woran liegt es z.B., daß dieser Krieg im Unterschied zu allen bisherigen eine »religiöse« Reaktion nicht hervorruft?) –, was bedeutet das denn für das »Christentum«? Unserem ganzen bisherigen »Christentum« wird das Fundament entzogen und es sind nur noch einige »letzte Ritter« oder ein paar intellektuell Unredliche, bei denen wir »religiös« landen können. Sollten das etwa die wenigen Auserwählten sein? Sollen wir uns eifernd, piquiert oder entrüstet ausgerechnet auf diese zweifelhafte Gruppe von Menschen stürzen, um unsere Ware bei ihnen abzusetzen? Sollen wir ein paar Unglückliche in ihrer schwachen Stunde überfallen und sie sozusagen religiös vergewaltigen? Wenn wir das alles*

nicht wollen, wenn wir schließlich auch die westliche Gestalt des Christentums nur als Vorstufe einer völligen Religionslosigkeit beurteilen müßten, was für eine Situation entsteht dann für uns, für die Kirche? Wie kann Christus der Herr auch der Religionslosen werden? Gibt es religionslose Christen? Wenn die Religion nur ein Gewand des Christentums ist - und auch dieses Gewand hat zu verschiedenen Zeiten sehr verschieden ausgesehen -, was ist dann ein religionsloses Christentum? (DBW VIII: 403)

Пример 142: *So, nun wäre es an der Zeit, konkret über die weltliche Interpretation der biblischen Begriffe zu sprechen. Aber es ist zu heiß!* (DBW VIII: 512)

Пример 143: *Verzeih, es ist alles noch furchtbar schwerfällig und schlecht gesagt, ich spüre das deutlich ... Wir stehen hier fast allnächtlich um halb 2 Uhr auf. Das ist eine schlechte Zeit und beeinträchtigt die geistige Arbeit etwas.* (DBW VIII: 538)

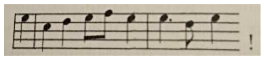
Пример 144: *Und so muß eben die Geduld und die Freude und die Dankbarkeit und die Gelassenheit und die Vergebung sich immer wieder neu gegen allerlei Widerstände durchkämpfen und das, wie es im Psalm [84, 12] heißt, <Gott Sonne und Schild ist>, das wirklich zu erkennen und zu erfahren und zu glauben, das ist eine Sache hoher begnadigter Augenblicke, aber keine Alltagsweisheit.* (Brautbriefe: 43)

Пример 145: *Eben kommt nun Euer herrliches Paket mit Tomaten, Äpfeln, Kompott, Thermosflasche usw. und mit dem phantastischen Kühlsatz, das ich noch garnicht kannte. Welche Mühe habt Ihr Euch wieder für mich gemacht!* (DBW VIII: 125)

Пример 146: *Eben habe ich zum Mittag ein paar von den wunderbaren Gartentomaten gegessen und dabei an die Arbeit gedacht, die Ihr beim Ziehen damit gehabt habt. Aber sie sind wirklich ganz herrlich geworden. Habt vielen Dank! Dir, lieber Papa, danke ich sehr für Deinen Brief.* (DBW VIII: 127)

Пример 147:

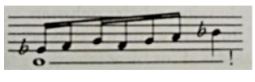
Das ew'ge Licht geht da herein,
gibt der Welt ein neuen Schein,
es leucht wohl mitten in der Nacht
und uns des Lichtes Kinder macht
(Luther.)

 (DBW VIII: 261)

Пример 148: *Nur um den heutigen Tag mit Dir und mit Euch allen irgendwie gemeinsam zu erleben, schreibe ich Dir in Eile einen Gruß. Es kam mir nicht überraschend, und doch sind Tatsachen etwas völlig anderes als Erwartungen. Losung und Lehrtext rufen uns alle in die Mitte des Evangeliums – «Erlösung» ist das Wort, um das alles kreist. Im Glauben wollen wir in den nächsten Wochen und mit großer Gewißheit der allgemeinen Zukunft entgegengehen, zuversichtlich wollen wir Deinen Weg und unser aller Wege Gott befehlen. Χαρις και ειρηνη! Dein Dietrich.* (DBW VIII: 472)

Пример 149 (письмо другу на 4-е воскресенье Адвента 1943 г.): *Mir geht in den letzten Wochen immer wieder der Vers durch den Kopf: «Lasset fahr'n, o liebe Brüder, / was euch quält, / was euch fehlt, / ich bring alles wieder.» Was heißt dies: «ich bring alles wieder»? Es geht nichts verloren, in Christus ist alles aufgehoben, aufbewahrt, allerdings in verwandelter Gestalt, durchsichtig, klar, befreit von der Qual des selbstsüchtigen Begehrens. Christus bringt dies alles wieder, und zwar so, wie es von Gott ursprünglich gemeint war, ohne die Entstellung durch unsere Sünde. Die aus Eph. 1, 10 stammende Lehre von der Wiederbringung aller Dinge – [griechisch] ανακεφαλαιωσις – re-capitulatio (Irenäus) – ist ein großartiger und überaus tröstlicher Gedanke.* (DBW VIII: 246)

Пример 150 (письмо другу на Пасху 1944 от 27.3.1944): *Ostern? Unser Blick fällt mehr auf das Sterben als auf den Tod. Wie wir mit dem Sterben fertigwerden, ist uns wichtiger, als wie wir den Tod besiegen. Sokrates überwand das Sterben. Christus überwand den Tod als εσχατος εχθροσ (1. Kor 15,26). Mit dem Sterben fertigwerden bedeutet noch nicht mit dem Tod fertigwerden. Die Überwindung des Sterbens ist im Bereich menschlicher Möglichkeiten, die Überwindung des Todes heißt Auferstehung. Nicht von der ars moriendi, sondern von der Auferstehung Christi her kann ein neuer, reinigender Wind in die gegenwärtige Welt wehen. Hier ist die Antwort auf das: δος μοι που στω και κινησω την γην. Wenn ein paar Menschen dies wirklich glaubten und sich in ihrem irdischen Handeln davon bewegen liegen, würde vieles anders werden.* (DBW VIII: 369)

Пример 151 (19.12.1943): *Auch denke ich gelegentlich an das*  *aus dem augustinischen „o bone Jesu" von Schütz.* (DBW VIII: 247)

Пример 152: *das menschliche Leben greift weit über die eigene körperliche Existenz hinaus. Am stärksten empfindet das wahrscheinlich eine Mutter. - Darüber hinaus aber sind es zwei Worte der Bibel, in denen sich für mich immer wieder dieses Erlebnis zusammenfaßt. Das eine aus Jeremia 45: »Siehe, was ich gebaut habe, das breche ich ab, und was ich gepflanzt habe, das reute ich aus ... und du begehrst dir große Dinge? Begehre es nicht! aber deine Seele will ich dir zur Beute geben«, und das andere aus Psalm 60: „Gott, der du die Erde bewegt und zerrissen hast, heile ihre Brüche, die so zerschellt ist."* (DBW VIII: 152)

Пример 153: *Als die Glocken heute früh läuteten, hatte ich große Sehnsucht nach einem Gottesdienst, aber dann habe ich es gemacht wie Johannes auf Patmos und für mich allein einen so schönen Gottesdienst gehalten, daß die Einsamkeit gar nicht zu spüren war, so sehr wart Ihr alle, alle dabei und auch die Gemeinden, in denen ich Pfingsten schon gefeiert habe.* (DBW VIII: 99)

Пример 154: *Diese schwierige Epoche unserer nationalen Geschichte muß ich bei den Christenmenschen Deutschlands durchleben. Ich habe kein Recht, an der Wiederherstellung des christlichen Lebens in Deutschland nach dem Kriege mitzuwirken, wenn ich nicht die Prüfungen dieser Zeit mit meinem Volk teile.* (DBW XV: 644). (Пер. с английского, оригинал см. в (DBW XV: 210))

Пример 155 (12.02.1944): *In meinen Phantasien lebe ich viel in der Natur, d.h. in den Waldwiesen bei Friedrichsbrunn oder auf den Hängen, von denen aus man über Treseburg auf den Brocken sieht. Ich liege dann auf dem Rücken im Grase, sehe bei leichtem Wind die Wolken über den blauen Himmel ziehen und höre die Geräusche des Waldes.* (DBW VIII: 322)

Пример 156 (Von Karl Bonhoeffer, 5.12.1943): *Die kalten Zimmer sind, wenn mam körperlich arbeitet, nicht so sehr bemerkbar. Die Hauptsorge ist jetzt die Heizung vor dem Einfrieren zu bewahren. Die Veranda mit 22 zerschlagenen Scheiben ist das Hauptgefahrmoment.* (DBW VIII: 224) В постраничной сноске к этому фрагменту письма указано, что, подробно описывая бытовые сложности, Карл Бонхёффер указывает цензору, насколько важна помощь сына дома.

Пример 157 (окончание письма родителям от 02.03.1944): *Hans Walter gratuliere ich sehr zum 20. Geburtstag!* (DBW VIII: 349)

Пример 158 (окончание письма родителям от 14.01.1944): *Susi danke ich sehr für die herrlichen warmen Handschuhe; auch die Kakaokugeln erinnerten mich an frühere Weihnachtsteller bei ihr. Dem Michael würde ich gern nachträglich noch etwas zu Weihnachten schenken. Vielleicht gebt Ihr es ihm vorläufig, wie der Tine.* (DBW VIII: 281)